ОТГОЛОСКИ

СТАРИНЫ.

(Историческая мозаика.)

С. ЛЮБЕЦКАГО.

МОСКВА.
Типографія «Русскихъ Вѣдомостей.»
1867.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ОСНОВАНІЯ МОСКВЫ.

Такъ какъ здѣсь, во всѣхъ статьяхъ, представляется болѣе панорама жизни нашихъ прадѣдовъ—москвитянъ, то, прежде всего, скажемъ кратко о томъ, какъ возникла Москва.

«*Кто хочетъ знать Россію, побывай въ Москвѣ*, сказалъ Карамзинъ. Прежде всего взглянемъ на важность и на значеніе Москвы въ системѣ русскихъ городовъ.

Колыбелью Россіи почитается *Новгородъ*: это былъ первый стольный градъ Россіи; *послѣ Кіевъ* (2-я Византія), купель христіанства, возникшаго въ нашемъ отечествѣ; но зерно, изъ котораго развилась сила и крѣпость русскаго государства,—есть Москва: здѣсь возрасла и возмужала Россія. Москва, такъ сказать, есть *вторая Россія*, вторая наша божница, нашъ Сіонъ, (*), гдѣ пробился новый ключъ жизни ея,—это есть средоточіе, куда начали стекаться соки внутренней народной жизни. Со времени перенесенія столицы изъ Владиміра въ Москву, всю Россію стали называть *Московіею*, а русскихъ *Москвитянами*; здѣсь сплотилась Россія воедино; изъ мелкихъ удѣльныхъ княжествъ возникло могучее самодержавное государство; но Москва возникала постепенно, не вдругъ, а вѣками; несмотря на то, что она претерпѣла (со времени существованія своего) 13 непріятельскихъ нашествій и нѣсколько вѣковъ обрекалась Провидѣніемъ быть искупительною жертвою Россіи—через пожары, погромы, чрезъ тяжкія смертныя болѣзни, смуты и народныя волненія, во всѣ годины бѣдствія своего она

(*) Москву изстари называютъ: «*Домъ Пресв. Богородицы*», по собору во имя Усп. Божіей Матери.

спасалась вѣрою и незыблемою твердостію духа. Сначала малозначущая, рабыня татаръ, возникшая въ угрюмомъ, лѣсистомъ уголкѣ сѣворовосточной Россіи, Москва чрезъ 100 лѣтъ широко раздвинула свои границы, и сдѣлалась метрополіею, т.-е. матерью многихъ городовъ русскихъ. Съ тѣхъ поръ *Московское государство* стало дѣлать твердый, грозный отпоръ Монголамъ, биться съ Литвой, угрожать Польшѣ. Гаснущая Византія (Царьградъ), вспомня духовное родство свое съ Россіею, завѣщала ей всѣ права свои на знаменитость и славу, вмѣстѣ съ царскою дочерью Палеолога и съ величавымъ императорскимъ гербомъ двуглаваго орла. Историческая важность Москвы не затмится ни передъ какою другою историческою знаменитостію. Посмотрите: здѣсь каждое урочище или древнее зданіе,—эта нѣмая каменная лѣтопись Москвы, напоминаетъ вамъ о какомъ-нибудь важномъ событіи въ нашей исторіи или напоминаетъ чье-нибудь громкое, славное имя, начиная отъ полубаснословнаго Кучки до всесвѣтнаго Наполеона, (Наполеонъ—это былъ послѣдній сокрушительный валъ, который расшибся о гранитную бѣлокаменную грудь Москвы...)

Сюда стекалось богатство всей Россіи, и Москва сдѣлалась кладовою Азіи; здѣсь утвердилось, развилось и нравственное богатство и многостороннее образованіе, сѣмена котораго запали и въ другіе русскіе города, не выключая и Петербурга; въ Москвѣ возникла и процвѣла торговля, промышленность, разныя фабрики, богоугодныя заведенія, дипломатическія и торговыя сношенія съ Европою, однимъ словомъ:—все, споспѣшествующее благосостоянію государства. Москва отвергла притязанія трехъ-короннаго папскаго Рима, тяготѣвшаго надъ всей Европой; въ Москвѣ ни отъ какихъ чужестранныхъ прививовъ не искоренится русскій духъ, религія и любовь къ отечеству. Несмотря на перенесеніе изъ нея резиденціи (мѣстопребываніе Государей) въ Петербургъ, она все-таки, по важности и значенію своему, останется *первопрестольною* столицей.

Исторія Москвы есть исторія Россіи, отъ 14-го ст. до нашихъ временъ. а топографія (мѣстность) ея есть дополненіе къ нашей отечественной исторіи, или лучше сказать—наглядная, живая лѣтопись ея.

Взглянемъ на цѣлую массу Москвы: внѣшній видъ ея поразительно прекрасенъ; лучшее мѣсто, откуда развивается панорама Москвы—суть Воробьевы горы, потомъ Симоновъ монастырь; загородное селеніе Кунцево и Поклонныя горы (на Тульской и Смоленской дорогѣ, за нѣсколько верстъ отъ заставъ Серпуховской и Дорогомиловской). На одной изъ нихъ остановился Наполеонъ и долго любовался картиною Москвы, красующейся въ необъятныхъ рамахъ. Многіе иностранные путешественники также любовались и любуются ею. Внутри города хорошъ видъ на Москву съ колокольни Ивана Великаго, откуда всѣ предметы кажутся въ микроскопическомъ, то-есть въ уменьшительномъ, видѣ: громады кремлевскихъ зданій представляются оттуда дѣтскими игрушками, толпы людей—движущимися муравейникомъ, а дальнія улицы стелятся, переплетаются лентами, кой-гдѣ полосятся огороды, желтѣютъ дороги, кой-гдѣ зеленѣются зыбкія стѣны садовъ, мѣстами сверкаетъ живая вода, заставы виднѣются вдали бѣлыми точками, куполы и шпицы колоколенъ, вспрыснутые солнцемъ, блестятъ на небосклонѣ искристыми звѣздами.

Начало Москвы неизвѣстно. Есть преданіе, что въ сумеркахъ временъ давнопрошедшихъ, будто бы еще въ концѣ 9-го столѣтія, Олегъ, *блюститель Игорева престола*, пришелъ на Москву-рѣку, которая тогда называлась *Смородиною* или *Самородинкою* и заложилъ тамъ городокъ, а во времена князя Георгія (Юрія) Володиміровича, когда уже преданія о Москвѣ стали болѣе выясняться, въ лѣтописяхъ сказано, что на мѣстѣ Москвы находилось помѣстье боярина Кучки, состоявшее изъ 6 селъ: *Воробьева*, *Симонова*, *Высоцкаго*, *Кудрина*, *Кулишекъ и Сущева*, а домъ его былъ на Чистыхъ прудахъ; что будто бы въ дремучемъ бору (гдѣ находится Кремль), жилъ пустынникъ *Букалъ*, а на Крутицахъ человѣкъ мудрый, родомъ Римлянинъ, *Подонъ*. Повѣствуютъ, будто бы Георгій (Долгорукій), оскорбленный Кучкою, убивъ его, завладѣлъ его помѣстьями и заложилъ или возобновилъ городъ Москву въ 1147 г., а сына своего, Андрея Боголюбскаго, женилъ на дочери казненнаго имъ боярина. Достовѣрно только то, что въ упомянутомъ году

(марта 28), кн. Юрій Суздальскій, сынъ Мономаха, роскошно угощалъ въ Москвѣ союзника своего, кн. Святослава Ольговича Сѣверскаго. Послѣ кн. Юрій сдѣлался вел. кн. Кіевскимъ, а сынъ его, Андрей, основалъ свое великое княжество Владимірское, на Клязьмѣ, вдали отъ Кіева, въ сѣверовосточной части Россіи.

Въ слѣдующія за симъ времена усобицы и гибельнаго нашествія Татаръ на Россію, Москва, бывъ однимъ изъ младшихъ городовъ то Суздальской, то Тверской области, составляла какъ бы сборное мѣсто для проходившихъ чрезъ нее ополченій, потому что князья и воеводы Владимірскіе, Новгородскіе, Рязанскіе и Черниговскіе сходились въ нее съ своими войсками, направляясь въ разныя стороны. Отчиники князья въ ней не жили; Москва состояла во владѣніи наслѣдниковъ кн. Юрія Долгорукаго. Въ продолженіи долгаго времени Москва претерпѣвала разныя несчастныя для нея крушенія и неоднократно была сожигаема и разоряема Татарами; но судьба, пріуготовляя ее къ знаменитости и славѣ, не допустила ее погребстись въ пеплѣ и ничтожествѣ, вручивъ надъ нею удѣльную власть кн. *Даніилу* (сыну Александра Невскаго), который въ 1296 г. принялъ титулъ кн. *Московскаго*. Этотъ князь далъ Москвѣ нѣкоторую политическую значительность въ системѣ сѣверныхъ русскихъ владѣній, и, присоединивъ къ своему княжеству Переславль Залѣсскій и другія области онъ приготовилъ Москву быть столицею. Въ 1320 году, Даніилъ учредилъ въ Москвѣ оборонительное войско, построилъ въ ней нѣсколько монастырей и церквей; изъ нихъ наименуемъ: *Даниловъ* мон. (гдѣ почіютъ мощи его), дубовую церковь во имя Преображенія Госп. подъ сѣнію дремучаго бора (*Спасъ на Бору*) (*), между Чертольемъ (оврагомъ) и болотомъ, и и еще деревянную во имя Михаила Архангела (Архангельскій соборъ) (**). Сынъ Даніила, кн. *Іоаннъ Калита* (***), по смерти

(*) Около него построенъ былъ и монастырь (Спасовъ домъ) послѣ переведенный въ дальній конецъ города, нынѣ *Новоспасскій* монастырь.

(**) Даніилъ былъ *первый* князь, похороненный въ этой царской усыпальницѣ; ц. Алексѣй Михайловичъ въ 1652 г. приказалъ перенести мощи его въ Даниловъ монастырь.

(***) Слово татарское: значитъ кошель, мѣшокъ, изъ котораго онъ будто бы одѣлялъ деньгами бѣдныхъ.

брата своего, Юрія, получилъ отъ татарск. Хана грамоту на Вел. княженіе, въ 1328 г., и не поѣхалъ княжить во Владиміръ, но остался въ отчинѣ своей, въ Москвѣ. Еще не получивъ званія Великаго князя, Іоаннъ былъ нѣсколько разъ посѣщаемъ Всероссійскимъ Митрополитомъ Петромъ, который благословилъ его построить въ Москвѣ каменную церковь во имя *Успен. Пресв. Богородицы*; св. Петръ самъ заложилъ ее вмѣстѣ съ своею гробницею въ 1336 г., авг. 4-го. Святитель вдохновенно прорекъ будущую славу и знаменитость Москвы:—если ты воздвигнешь храмъ достойный Богоматери, сказалъ онъ Калитѣ, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ князей и родъ твой возвеличится, кости мои останутся въ семъ градѣ, Святители захотятъ обитать въономъ «и руки его взыдутъ на плечи враговъ своихъ». Въ то время Рязань была на рубежѣ съ татарами, Тверское княжество въ опасности со стороны Литвы, Нижній Новгородъ окруженъ Черемисами и Мордвою, Великій Новгородъ защищался отъ вторженія ливонскихъ рыцарей и Шведовъ; гдѣ же лучше было избрать мѣсто для новой столицы, какъ не въ сторонѣ, далекой отъ перепутья татаръ, часто проходившихъ съ сѣвера на югъ Россіи и обратно. Съ тѣхъ поръ бояре и прочіе подданные другихъ княжествъ, болѣе Тверитяне, привлеченные льготами и милостями Іоанна, стали переходить на постоянное жительство въ Москву. Св. Петръ перенесъ въ нее свой патріаршій престолъ, и такимъ образомъ Москва сдѣлалась *столицею* (*).

(*) Напрасно, въ послѣдствіи времени, Кн. Дим. Константиновичъ (дядя Донскаго) хотѣлъ послѣ болѣзни, свирѣпствовавшей въ Москвѣ, подъ названіемъ *черной смерти* и опустошавшей Москву, въ 1353 г. возобновить столицу во Владимірѣ (на Клязьмѣ); Дмитрій Донской, бывшій тогда еще отрокомъ, подъ надзоромъ совѣтниковъ своихъ, бояръ и святителя Алексѣя Митрополита, *навсегда* утвердилъ преимущество Москвы надъ прочими русскими городами.

Въ старину Москва раздѣлялась на 4 части: *Кремль* (крѣпость), *Посадъ* (дома находившіеся внѣ Кремля), *Загородье* (составленное изъ слободъ) и *Зарѣчье* (Замоскворѣчье). Нынѣ дѣлятъ Москву также на 4 части: на *Кремль*, на *Китай* (средній гор.), на *Бѣлый* и *Земляной* городъ съ предмѣстіями его. Первое мѣсто въ историческомъ и современномъ отношеніи принадлежитъ *Кремлю*.

Если Москва есть сердце Россіи, то Кремль есть сердце Москвы; сказавъ о значеніи Москвы, нечего уже болѣе говорить о важности Кремля, гдѣ совершилось столько достопамятныхъ событій: это есть достояніе *Исторіи*; описаніе же прочихъ частей Москвы есть достояніе печатныхъ указателей и путеводителей по Москвѣ.

Москва отъ основанія своего существуетъ 719 лѣтъ, а столицею пребываетъ 538 лѣтъ.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА НАРОДНЫЯ ГУЛЯНЬЯ; СТАРИННЫЯ МОСКОВСКІЯ ГУЛЯНЬЯ; ПАНОРАМА ДРЕВНЕЙ МОСКВЫ; УРОЧИЩА, СЛУЖИВШІЯ МѢСТАМИ ДЛЯ ГУЛЯНІЙ: БЛИЖНІЕ И ДАЛЬНІЕ ДВОРЦЫ И ДАЧИ; ОЧЕРКЪ ГУЛЯНІЙ ВНУТРИ МОСКВЫ; ЗАГОРОДНЫЕ ДОМА, ДАЧИ И СТАРИННЫЯ ГУЛЯНЬЯ ВЪ ЗЕМЛЯНОМЪ ГОРОДѢ.

Что такое гулянье? У разныхъ націй, званій и возрастовъ это слово имѣетъ и цѣль и значеніе разное. Совершать прогулку можно на лошадяхъ, пожалуй, на оленяхъ, собакахъ, на волахъ, высокоснымъ образомъ, по чугунной скатерти желѣзной дороги, и наконецъ, какъ говорится, по образу пѣшаго хожденія, которое чуть ли не лучшее, не полезнѣйшее для тѣла и для кошелька гуляющаго. И существа, утаптывающія мостовыя, бываютъ различныя въ отношеніи гулянья. Одни изъ нихъ огнедышащіе рысаки, другія съ скромной поступью, какъ напр. у ползунковъ-извощиковъ; иные гуляютъ на чужой счетъ, другіе—на собственный.

Китайскій мандаринъ, или богатый, упитанный чалмоносецъ, отяжелѣвшій отъ опіума и бездѣйствія, считаетъ за безчестіе ходить пѣшкомъ, да и каково ихъ благоутробію передвигать поштучно части своего тѣла! Ничего не дѣлать, быть палачами времени—вотъ ихъ прогулка. Нѣжная маменька, прослушая у своего сынка или у маленькой дочки-колибри урокъ, состоящій изъ странички французскихъ вокабулъ, погладитъ ихъ по головкѣ и скажетъ: «подите, погуляйте, душечки», и они, схвативъ мячъ или серсо, или воланъ, стремглавъ бросаются играть и рѣзвиться—они гуляютъ.

Иной мчится, въ обгонъ съ вѣтромъ, на бойкой парѣ вятокъ или на злой, ямской тройкѣ съ погремушками, куда-нибудь за городъ; и вотъ, принявъ горделивую позу, онъ самодовольно обрызгиваетъ грязью встрѣчныхъ и поперечныхъ, или съ наслажденіемъ вдыхаетъ клубы пыли, взвивающейся изъ-подъ ногъ его бѣгуновъ или отъ уютной, легкой экипажной качалки; нужды нѣтъ, что его пальто отъ этой пыли представляетъ какой-то неуловимый цвѣтъ поблекшихъ листьевъ; онъ съ нетерпѣнья еще привстаетъ и толкаетъ кучера: онъ буквально пускаетъ пыль въ глаза — онъ гуляетъ.

Есть еще значеніе гулянья въ пѣснѣ:

Гуляй, гуляй, дѣвица,
Свое дѣло помни...

Ну, теперь возьмемъ заправскаго *гуляку*, въ шляпѣ съ обвислыми крыльями, (которая иногда служитъ ему подушкою во время ночлега его подъ ракитовымъ кустомъ), въ сюртукѣ съ недочетомъ пуговицъ, или въ шинели, надѣтой воротникомъ внизъ; онъ идетъ и вкривь и вкось; съ горъ и лѣстницъ онъ спускается, не платя прогоновъ, а взбирается на нихъ въ егерьскомъ экипажѣ, на всей четвернѣ; ему вездѣ солнце свѣтитъ, да еще не одно: онъ гуляетъ, вотъ такъ гуляетъ!

Рабочій классъ людей, въ праздники, часто, сидя или стоя на одномъ мѣстѣ, гуляетъ, играя *на гармоніи*, или вечеромъ, подходя къ воротамъ, слушаетъ розсказни *бывалаго* человѣка, или потѣшается въ орлянку и т. д. А красны дѣвицы, свиваясь цвѣтнымъ вѣнкомъ въ хороводѣ, съ пронзительными пѣснями, или играя въ разбѣжки, иначе въ горѣлки, развѣ не гуляютъ?...

Есть еще медицинское гулянье, по совѣту докторовъ больнымъ, которымъ часовая стрѣлка, какъ указательный перстъ, опредѣляетъ срокъ и время для выходовъ, выѣздовъ и для домосидѣнья.

Иные спѣшатъ жить, гуляя всю жизнь; иные живутъ вдвойнѣ, гуляя и день и ночь.

Цѣль гулянья, какъ я упомянулъ уже, бываетъ также различна: иные гуляютъ для удовольствія; иные для разсѣянія; иные безотче-

тно, катаются себѣ, какъ шары на билліардѣ; иные эгоистически: показать свои наряды и фантастическія моды. Есть преданіе, что въ старину, въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, во время ярмарокъ, на торговой площади, на приличномъ пьедесталѣ, выставляли вертящихся маріонетокъ, разодѣтыхъ по послѣдней модѣ, и весь прекрасный полъ стремительно бѣжалъ къ нимъ, снимать копіи костюмовъ; вотъ начало модъ. Какъ же и выказать себя и другихъ посмотрѣть, т. е. снять съ кого нибудь мѣрку глазами, какъ не въ публикѣ. Иные, несчастные, есть *вольные мученики*: они ходятъ поспѣшно, какими-то хищными шагами, они гуляютъ или по приказу, или по приличію, или по назначенію, или отыскивая кого нибудь, самоотверженно перенося и африканскій жаръ и удушливую пыль и полярный холодъ и толчки кочковатой дороги, дороги жизни, и т. п.

Слова: гулять и прогуливаться, ходить и прохаживаться, или просто двигаться, имѣютъ большія оттѣнки въ своихъ значеніяхъ; люди, служащіе для посылокъ, напр. городскіе почталіоны, разумѣется, не гуляютъ и не прохаживаются, да пожалуй, и не ходятъ, а болѣе бѣгаютъ; юродивые нищіе, везомые на телѣжкахъ; маленькія дѣти на рукахъ у нянекъ,—всѣ они двигаются, какъ и нашъ старичекъ шаръ земной, прогулка котораго безостановочна...

Еще гулянья можно раздѣлить на *внутреннія* и *внѣшнія*, т. е. на *городскія* и *загородныя*, на *общественныя* и *частныя*. Первыя суть: Кремлевскій садъ, такъ прекрасно преображенный изъ пустыря и задвинувшій собою, какъ щитомъ, мутную рѣчку—Неглинку-покойницу. Лишь только солнце приметъ въ свое хозяйство грядущій день, народъ уже начинаетъ передвигаться по липовымъ аллеямъ его; у грота, бываетъ настоящій дѣтскій клубъ: тамъ дѣти рѣзвятся, какъ мошки на солнечныхъ лучахъ; по избраннымъ днямъ, въ саду звучитъ музыка; Замоскворѣцкіе жители, и жители улицъ, лежащихъ около сада, вѣроятно, съ удовольствіемъ гуляютъ, виноватъ, прогуливаются по немъ.

Извѣстно, что бывшій земляной валъ замѣненъ длинною полосою бульваровъ, между которыми рельефно выдается Тверской и по изящ-

ной отдѣлкѣ своей, и по мѣстности, и по гуляньямъ, бывающимъ тамъ въ опредѣленные дни. Прѣсненскіе пруды (нынѣ Зоологическій садъ) древнѣе описанныхъ мѣстъ гуляній; прежде тамъ было четыре пруда съ двумя плотинами, однимъ деревяннымъ мостомъ и даже мельницею (*); встарину это было загородное мѣсто, послѣ превращенное въ садъ. Прѣсненскіе пруды были нѣкогда (въ началѣ текущаго столѣтія) однимъ изъ любимыхъ гуляній Москвичей; и теперь тамъ бываетъ музыка и катанье на шлюпкахъ, и находится кафе-ресторанъ и звѣриная выставка.

Встарину городскихъ и загородныхъ народныхъ гуляній было не менѣе; впрочемъ, изъ нихъ многія остались и донынѣ; вотъ исчисленіе старинныхъ гуляній: Вербное воскресенье, первое весеннее гулянье, около Вознесенскаго монастыря; во времи Святой недѣли по земляному городу въ урочищѣ, что подъ бывшимъ Новинскимъ монастыремъ, и у Богоявленія около Елоховскаго моста; въ пятницу, на этой же недѣлѣ, въ день Живоноснаго Источника, также мая 13 и іюля 28, въ день Смоленской Божіей Матери и св. Прохора и Никанора, подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, куда съѣзжалось множество экипажей; мая 21 и іюня 23 близъ Срѣтенскихъ воротъ, а 1-го мая изстари въ Сокольникахъ, на Нѣмецкихъ станахъ; въ Вознесенье, на Гороховомъ полѣ; въ Семикъ подъ Марьиной рощей, близъ убогаго дома; въ Троицынъ день въ Дворцовомъ саду (нынѣшнемъ кадетскомъ), за Дорогомиловскимъ мостомъ, на лугу,— также и по воскреснымъ днямъ во все лѣто собиралось тамъ много народа; еще въ Троицынъ и Духовъ день на Каланчевскомъ полѣ, близъ Краснаго пруда; іюня 24, на трехъ горахъ; іюня 29, въ день Петра и Павла, въ Преображенской слободѣ; іюля 20 у Ильи Пророка, на Воронцовомъ полѣ; августа 1 на Трубѣ и подъ Симоновымъ монастыремъ; августа 6 у Спаса на Новомъ; 15 на Остоженкѣ; 17 у Адроникова монастыря; 19 у Донскаго монастыря; августа 26, въ день Адріана и Натальи, у Сухаревой башни; сентября 8, въ день Рождества Богородицы, въ Бутырской солдатской слободѣ, и у Зачатіевскаго монастыря; сентября 14, въ день Воздвиженія

(*) Истор. и топогр. описаніе городовъ Москов. губ.

Животворящаго Креста, въ оградѣ Воздвиженскаго монастыря и въ Красномъ селѣ; октября 1 у Покрова, что въ Покровскомъ; на Масляницѣ на Москвѣ-рѣкѣ, около Воспитательнаго дома и въ Покровскомъ, начиная отъ Старой Басманной (*) бывали большія катанья съ *позорищами* разнаго рода.

Замѣчательно, что старожилы-простолюдины имѣли общественныя, народныя гулянья не столько подъ тѣнью деревъ, сколько подъ сѣтью шатровъ, раскинутыхъ на поляхъ и на лугахъ; также около монастырей, приходскихъ церквей, и на кладбищахъ, вовсе не тѣнистыхъ въ то время; вотъ *не бѣлые-то снѣги въ полѣ бѣлѣлися* тогда!

Хотя и теперь есть много частныхъ мѣстъ для гуляній у московскихъ домовладѣльцевъ, т. е., въ ихъ собственныхъ садахъ, какъ напр. подъ Дѣвичьимъ, на Басманной, и въ другихъ мѣстахъ, но въ старинное времячко садовъ и пустырей было несравненно болѣе, а поэтому и домосѣдовъ; особенно дѣвицы рѣдко выходили за тѣнистые заборы своихъ хороминъ, потому что онѣ и передъ пѣтухомъ стыдились показаться съ открытымъ лицомъ. За Воронцовымъ полемъ, на Яузѣ, находились уже дачи, а Нескучное (**) и послѣ того было за чертой города, предмѣстьемъ Москвы. Оно и теперь далеко отъ центра ея, и какъ жаль: что за мѣстность, что за видъ съ крыльца дворца Александрійскаго!

Вотъ очеркъ и номенклатура ближайшихъ московскихъ гуляній; теперь обратимся къ загороднымъ.

Сколько прекрасныхъ, дивныхъ мѣстоположеній и въ Москвѣ, и за Москвой; всѣ они обильны историческими воспоминаніями и всѣ они представляютъ прекрасныя мѣста для гулянья! Вотъ вамъ *Сокольники* съ заповѣдною рощею своею, но теперь они совсѣмъ не таковы, какими были прежде: въ Сокольничьей слободѣ, вмѣсто нынѣшнихъ вычурныхъ дачъ, находились только хижинки сокольни-

(*) Мимо *Разгуляя*, которое мѣсто по этому гулянью, и по кабачку, находившемуся тамъ, получило свое названіе.

(**) Это мѣсто принадлежало нѣкогда графу Орлову; теперь здѣсь соединены три прекрасные сада: бывшее Нескучное, Голицинскій садъ и Александрійскій.

чихъ (*); а самый лѣсъ, вмѣсто нынѣшнихъ перспективныхъ просѣковъ, представлялъ сумрачныя дебри. Поле Сокольничье опредѣлено было для маневровъ; вотъ дворцовыя села: *Алексѣевское* (станъ царя Алексѣя Михайловича); *Коломенское*, какъ полагаютъ (**), родина Великаго Петра и державной дочери его, Елисаветы Петровны; *Царицыно* съ разнообразнымъ, меланхолическимъ садомъ и дворцомъ, (жаль, что недостроеннымъ, по проекту талантливаго архитектора Бажанова;) *Петровское* съ паркомъ, (на мѣстѣ котораго встарину было лучшее рѣпище), съ другимъ готическимъ дворцомъ Императрицы Екатерины II, гдѣ жилъ Наполеонъ и откуда смотрѣлъ онъ на горѣвшую Москву и на потухавшую звѣзду своего счастья; *Фили*, въ которыхъ славный нашъ Кутузовъ рѣшилъ судьбу Москвы въ 1812 году, и гдѣ встарину проживали цыгане; *Измайлово*, съ своимъ бывшимъ приселкомъ *Черкизовымъ*, вотчиною св. Алексѣя митрополита; *Измайлово*, которое изстари было родовою отчиною Романовыхъ; роскошное *Кусково*, посѣщаемое Императрицею Екатериною; *Останкино*, превращенное изъ болота въ вертоградъ; *Петровское-Разумовское*, лѣтній пріютъ нашихъ патріархальныхъ вельможъ: Разумовскаго и Долгорукаго; *Воробьевы горы*, громадная скамейка, съ которой можно смотрѣть и ненасмотрѣться на туманную діораму Москвы; плѣнительныя *Кузминки, Студенецъ* за Трехъ-горной заставой, бывшіе *Гагаринскіе пруды*; ненаглядное *Кунцево*, наша московская Швейцарія, съ своею дѣвственною природою; *Перово*, близъ котораго находилось медвѣжье позорище; деревни: *Давыдково*, *Волынское*, и пр., пр. и наконецъ полузагородная, полумосковская, гулливая *роща Марьина*.

А кладбища-то, а монастырскія гулянья, напр. подъ *Симоновымъ:* сколько здѣсь воспоминаній и объ нашихъ царяхъ и объ доблестныхъ боярахъ ихъ! сколько прекрасныхъ видовъ съ монастырской горы; а что за архитектура его пестрыхъ башенъ, царской вышки, но не здѣсь мѣсто описывать его.

(*) Въ Сокольничьей слободкѣ находился одинъ только каменный флигель, принадлежавшій г. Новосильцеву, въ которомъ помѣщалось отдѣленіе тайной канцеляріи, а близъ нея казенный, фуражный дворъ.

(**) Извѣстный нашъ драматургъ, А. П. Сумароковъ, воспѣвшій его въ стихахъ своихъ.

Я не говорю про дальнія поѣздки Москвитянъ, которыя совершаются для богомолья и для отраднаго отдыха тружениковъ; въ главѣ этихъ поѣздокъ, разумѣется, первое мѣсто занимаютъ: Троицкая Лавра съ Виѳаніею и Скитомъ; любопытный Воскресенскъ—модель мѣстъ, освященныхъ стопами Спасителя; картинный Савинъ монастырь; пустыня Берлюковская, Косино и пр. и пр. Можно ли сравнить загородныя гулянья съ городскими: тамъ чувствуешь надъ собой просторъ неба, не задвинутый камнями, и широкое раздолье полей и луговъ, тамъ полною грудью вдыхаешь въ себя свѣжій, живительный воздухъ.

Въ городѣ гуляютъ поневолѣ: за скудостію денежныхъ средствъ, или за недостаткомъ времени, или по особымъ причинамъ; лѣтомъ лѣсъ какъ-то гостепріимнѣе, вѣдь и пословица говоритъ: *поневолѣ въ поле, коли лѣсу нѣтъ.*

Эхъ, было время!
Поговорка стариковъ.
А теперь чѣмъ не время!
Мнѣніе современниковъ.
Еще будетъ время!
Надежда юношей!

....Хочется знать старину, какова бы ни была она, даже и чужую, а своя еще милѣе.
Карамзинъ.

Старикамъ казалось и кажется, что въ ихъ время и земля-то лежала ближе къ небесамъ, что солнышко тогда постоянно горьмя горѣло на небесномъ куполѣ, и рѣзвилось, и играло, какъ дитя малое; что воздухъ былъ тогда благоуханнѣе и вода слаще, и, пожалуй, мокрѣе; простимъ ихъ эгоизму, вѣдь и они жили своими пятью чувствами и страстями. Можетъ быть, мы сами будемъ говорить то же. Увы! не природа измѣняется, а само бѣдное человѣчество... *Что пройдетъ, то будетъ мило*, сказалъ поэтъ.

Воспоминаніе, говорятъ, есть еловая вѣтвь, т. е. оно всегда юно, всегда свѣжо и зелено; пусть наша жизнь строга и серьезна, пусть теперь нѣкоторые не мечтаютъ, а мыслятъ, не смѣются, а только улыбаются; но у кого сердце бьется въ груди, а не въ головѣ, тотъ

сознается, что лучшіе гостинцы души: мечта, надежда и воспоминаніе. Душа не старѣется, и на сердцѣ нѣтъ морщинъ.

Грустно-усладительно обвести задумчивымъ взоромъ то мѣсто, которое было свидѣтелемъ величія, славы и даже простаго, скромнаго происшествія изъ быта нашихъ предковъ; грустно - усладительно смотрѣть на опустѣлые дома и палаты, гдѣ нѣкогда кипѣла жизнь, или на ветхіе, уничтоженные храмы, стоящіе въ вѣковомъ безмолвіи, подъ меланхолическою сѣнію деревъ; въ нихъ также нѣкогда славословили имя Божіе, изъ нихъ также выходило множество соединенныхъ предъ олтаремъ супружескихъ паръ, и выносили много гробовъ — черныхъ и румяныхъ.... Великъ ли переходъ отъ колыбели до могилы! Предавшись невольному влеченію подобныхъ мечтаній, насмотрѣвшись на остылые слѣды вѣковѣчнаго времени, положа руку на сердце, скажу: тогда оно застучитъ сильнѣе — и въ душѣ мы станемъ какъ-то возвышеннѣе, благороднѣе.

Не фотографически, не точь въ точь снимаю я портретъ съ быта дѣдовскихъ временъ, съ милой, доброй, патріархальной старины; я пишу только силуэтъ, и можетъ быть блѣдный, — вѣдь я не могу сказать, какъ Каліостро, что я еще и тогда жилъ, и тамъ и сямъ былъ, медъ пилъ, и т. д. Что только могъ я собрать при тщательномъ розысканіи, изъ старопечатныхъ и изустныхъ замѣчательныхъ преданій образованныхъ старожиловъ, и привести все это въ возможную систему, то и представляю. Конечно, многое и многимъ изъ моихъ представляемыхъ картинъ и очерковъ, можетъ быть, уже извѣстно; можетъ быть я многаго не досказалъ,—пусть другіе еще потрудятся и снесутъ въ общую кассу свои драгоцѣнные вклады къ моей смиренной лептѣ: вотъ тогда и составится капиталъ.

Не только теперь, но если бы и за триста лѣтъ до нашего времени, взглянуть на Москву съ какого нибудь возвышенія, напр. съ *Царскаго села Воробьева* (на Воробьевыхъ горахъ), или съ Кремлевской горы, то развилась бы предъ зрителемъ чудная, живописная панорама нашей помолодѣвшей теперь старушки; и тогда бы увидѣлъ онъ золотыя маковки церквей, вспрыснутыя яркимъ солнцемъ; уютныя часовенки; кучу столпившихся домовъ и хороминъ,

будто вросшихъ въ землю; фигурные теремки и вышки, пестрыя, разноцвѣтныя, узорчатыя башенки, неприглядные балаганы, закоптѣлыя кузницы и вѣтряныя мельницы, размахивавшія, какъ сказочныя птицы, своими исполинскими крыльями; мимо многихъ зданій тогда сверкала и лилась живая вода; неправильныя кривыя улицы также стлались лентами; кромѣ полногрудой Москвы-рѣки вились крученымъ снуркомъ рѣчки: Яуза (тогда еще ярая рѣка) Хопиловка (въ Басм. ч.), Синичка, въ Лефортовѣ; Кабанка, близъ Тверской заставы; Чечорка, близъ Красн. села; болотистыя и мутныя: Неглинка и Протока или Самотека, и пруды, наполненные рыбою. А зелени и садовъ, и полосатыхъ огородовъ въ Москвѣ, даже въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ, особенно за Москвою-рѣкою, темнѣлся цѣлый зыбкій океанъ. Тогда Москва была богата лѣсами: и крепово-сосновыми дубравами, и душисто-свѣжими березовыми рощами, и дубнякомъ, и ельникомъ, и пр. Между ними желтѣлись большія дороги, и змѣйкой, сквозь недоросль-кустарникъ, вились проселочныя.— А тамъ опять слободы, приселки, выселки, пригородья, отдѣленныя отъ Москвы высокими, деревянными надолбами, вмѣсто нынѣшняго вала. Дивное зрѣлище! Правда, въ наше время видъ Москвы великолѣпнѣе, опрятнѣе, зато въ старину онъ былъ поэтичнѣе.

Трудно рѣшить: когда было больше мѣстъ для *проходокъ* или гуляній (*), теперь ли, когда въ Москвѣ тянутся полосы бульваровъ (называшихся встарину *липовыми улицами*), и устроены роскошные, лощеные сады, въ которыхъ пѣстрѣютъ цѣлыя корзины цвѣтовъ, или тогда? Пусть каждый сдѣлаетъ самъ безпристрастное сравненіе. Во-первыхъ—встарину почти у каждаго домовладѣльца, какъ было говорено, находился свой садъ съ густою тѣнью, окруженный тынистымъ заборомъ или просто корнистыми вязами, а внутри садовъ высились качели или просто лежали на камняхъ

(*) Ходить пѣшкомъ у нашихъ предковъ, (вѣроятно это привитіе татарскаго обычая), считалось постыднымъ; они смѣялись надъ иностранцами, что тѣ, для препровожденія времени, или для поправленія здоровья, прохаживались пѣшкомъ; для пѣшеходства завели скороходовъ.

доски для прыганья; огороды (*) страшными чучелами, въ угрозу воробьямъ и воришкамъ; русскій виноградъ—рябина, калина, малина, крыжовникъ и подобные имъ незатѣйливые кустарники; въ роскошныхъ садахъ у нѣкоторыхъ пестрѣли ноготки и шапочки. Въ послѣдствіи времени садоводство и цвѣтоводство развилось у нашихъ предковъ постепенно. Старинные русскіе бояре, (что утверждаетъ и Карамзинъ) не ѣзжали лѣтомъ въ деревню и не имѣли загородныхъ домовъ; они прогуливались въ своихъ городскихъ садахъ, и подъ тѣнью черемухи пили, прямо принесенный имъ съ погребицы, медъ изъ оловянной или изъ серебряной стопы,—да что былъ тогда и за медъ! текучее, растопленное золото, а пиво или брага, густая—просто бархатъ. Въ Россіи появились сперва только дикія розы; душистыя, роскошныя, привезъ въ Москву при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Голштинецъ Петръ Марселлинъ. Пригородныя и подмосковныя дачи начали строить уже при Петрѣ Великомъ. И такъ, внутри Москвы долго не было общественныхъ гуляній, но мѣстъ для нихъ было множество. Взглянемъ кстати на нѣкоторыя урочища, на которыхъ можно было гулять, и на которыхъ въ послѣд. времени гуляли; а потомъ отправимся и за городъ.

Если заглянемъ въ глубокую старину, то увидимъ, что внутри Москвы было много пустырей, и даже, какъ говорено, кромѣ садовъ у частныхъ владѣльцевъ, много рощей, куда хаживали за грибами, а красны дѣвицы за красными ягодами, и пронзительно аука-

---

(*) До конца XVII вѣка предки наши не знали почти другой огородной зелени, кромѣ простой капусты, чесноку, луку, огурцовъ, рѣдьки, свеклы и дынь. Дыни, еще въ началѣ XVI стол., были тщательно разводимы, и потому-то иностранцы удивлялись пріятности вкуса ихъ и огромной величинѣ. Указомъ 1660 г. велѣно было разводить въ Чугуевѣ *арбузы*, и когда они поспѣютъ, присылать ихъ въ Москву. *Салата* предки наши также не сѣяли, они издѣвались надъ иностранцами, говоря: Нѣмцы полевую траву жрутъ, какъ скоты. Но въ половинѣ XVII стол. образъ мыслей ихъ и вкусъ измѣнился; тогда у нихъ стали появляться разнаго рода коренья; но *спаржа* и *артишоки* появились у насъ только въ началѣ XVIII-го столѣтія; они привезены изъ Голландіи въ Петербургъ въ 1715 г. *Оп. повѣств. о древн. русскихъ. Успенскаго.*

лись себѣ тамъ на привольѣ; ясны соколы-молодцы не смѣли проникнуть туда; въ своей рощѣ или въ своемъ саду, какъ и въ терему, жила была дѣвица, какъ запрещенный плодъ. Вотъ, напримѣръ, есть преданіе, (*) что на Тверской была Стрѣлецкая слобода, что у церкви *Успенья на Вражкахъ* былъ лѣсной бугоръ, и такой бывалъ большой разливъ съ Неглинной, что тамъ отъ него образовалось глубокое болото, въ которомъ даже тонули неосторожные. (Тверской Вражекъ былъ тамъ, гдѣ нынѣ *Газетный переулокъ;* здѣсь была послѣ типографія, печатный дворъ, гдѣ печатались газеты). По Неглинной отъ царскихъ кузницъ ѣзжали на лодкѣ къ *Петровской слободѣ* (нынѣ улица Петровка); будто тутъ были не только овраги, но перелѣски и большой косогоръ, и что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ показывали утопленниковъ въ болотѣ, подлѣ подворья Ниловой пустыни, какого-то отчаянно влюбленнаго кузнеца съ его другиней; туда дѣвушки изъ слободъ Тверской и Никитской ходили на ключъ за водой, а сосѣднія барышни: княжны Пронскія, Стрѣшневы и Козмина поставили тамъ надъ могилою крестъ да часовню, и въ Троицынъ день тамъ правили Семикъ.

Влѣво отъ этого болота находилась часовня Воскресенья Словущаго, изъ которой послѣ образовалась приходская церковь; въ ней находилась чудотворная икона св. Нила Столпенскаго. Эта церковь уничтожена послѣ 1812 г. (**) Подлѣ помянутаго болота находился еще большой вязъ, къ которому привязывали плоты и лодки. Близъ слободъ Тверской и Никитской проживала какая-то, упоминаемая въ старинной пѣснѣ, молодецкая сухота, безпримѣрная красота, боярышня Анфиса, дочь стряпчаго съ ключемъ, Козьмина.

(*) Повѣсти Макарова.

(**) До 1812 г. упразднены были церкви: Василія Кессарійскаго на Тверской, Елисея Пророка на Успенскомъ вражкѣ, Луки Еванг. на Арбатѣ, Благовѣщенія на Ваганьковѣ, Предтеченская на Знаменкѣ; а послѣ 1812 г. сломаны: Воскресенская на Кузнецк. Мосту, Спасская на Копьяхъ, Воскресенская на Дмитровкѣ, Ильинская на Тверской, Іоанна Милост. на Кисловкѣ, Старо-Воскр. на Остоженкѣ и пр. церк. Апост. Филиппа отдана въ Іерусалим. подворье. Учреждены и обращены въ приходскія церкви монастыри: Крестовоздвиженскій, (мужск.), Георгіевскій и Ивановскій (женскій); послѣдній возобновляется.

Нынѣшнее *Новинское* будтобы было подгородною деревнею и называлось *новинами*; всѣ приселки, близкіе къ городу, жалуемые за усердную службу царями, назывались ***Новью***, ***Новинками и Новинами.***

Это все говорится о глубокой старинѣ, о томъ времени, когда пѣвалась еще старинная пѣсенка:

Какъ начиналася матушка каменна Москва.

т. е. когда еще въ Москвѣ была дичь глубокая, когда приволье въ ней было и птицѣ небесной, и звѣрю прыскучему, когда ихъ подстерегали стрѣлки и въ рощахъ Подкудринскихъ, и по Вражкамъ Тверскимъ, и по отлогому берегу Неглинки, и въ топяхъ Козишскихъ, гдѣ будтобы много водилось дикихъ козъ.

Извѣстно, что при царяхъ и патріархахъ, на мѣстѣ нынѣшней Козихи, близь патріаршаго пруда, былъ *Козій дворъ*. Съ этихъ козъ собирали шерсть къ царскому двору; этимъ мѣстомъ владѣли и патріархи; къ Козьему двору были приписаны большія слободы. Еще есть преданіе, будто бы на мѣстѣ нынѣшняго Горнаго правленія, близь часовни св. Николая Чудотворца, находились хоромы Іоанна Грознаго, на топкомъ мѣстѣ, въ ракитникѣ, расположенныя по берегу Неглинной. И всѣ эти описанныя мѣста были на поляхъ, на лугахъ, обрамленныя рощами и садами, гдѣ можно было гулять невидимкой.

Теперь обратимся къ тѣмъ урочищамъ, преданіе о которыхъ къ намъ ближе, и слѣдственно достовѣрнѣе; они тоже назывались *загородными*, особенно тѣ, которые находились близь нынѣшняго Землянаго вала; эти мѣста были очень удобны для гулянья, и во многихъ изъ нихъ дѣйствительно гуляли, и гуляютъ до сихъ поръ.

Первый, и весьма удовлетворительный планъ Москвы, издалъ Олеарій (Совр. Ц. Мих. Ѳеод.) при описаніи своего путешествія въ Россію; извѣстно, что Москва тогда раздѣлялась на *Кремль*, (который, полагаютъ, былъ частію Китая-города), *Китай*, *Средній городъ*, *Царь городъ* или *Бѣлый городъ*, *Скородомъ* и *Замоскворѣцкую стрѣлецкую слободу*; боярскія палаты и патріаршія находились въ Кремлѣ; въ Китаѣ городѣ жили гости или купцы и

простые дворяне; въ Царь-городѣ боярскія дѣти, богатые мѣщане (огнищане), ремесленники, и пр. Дальнѣйшая часть Москвы (за Бѣлымъ городомъ) называлась *Скородомомъ*, потому что она сосостояла изъ небольшихъ деревянныхъ домовъ, которые строились *скоро*; тамъ помѣщался и лѣсной рядъ, а въ немъ находились, для желающихъ, готовые срубы; здѣсь жили подъячіе и бѣдные мѣщане; Скородомъ окруженъ былъ деревянною стѣною съ башнями. Замоскворѣчная Стрѣлецкая слобода также обнесена была деревянною стѣною. Она была построена при В. К. Василіѣ Іоанновичѣ для иностранцевъ, принятыхъ въ русскую службу; до царя Михаила Ѳеодоровича жили тамъ и стрѣльцы, и самые бѣдные горожане.

Распространяться о Кремлѣ, какъ о колыбели Москвы, я не стану; этотъ предметъ не соотвѣтствуетъ заглавію статьи моей, да и кому онъ неизвѣстенъ? Напр., древнѣйшій соборъ Успенскій, при первомъ взглядѣ на который, царь въ умиленіи воскликнулъ: «я вижу небо!» (*), или Грановитая палата, въ которой, предъ лицомъ русскихъ государей, чинно и безмолвно стояли князья и бояре, потупивъ головы и очи, и такъ далѣе.

Лучше взглянемъ на расширеніе Москвы. Еще Димитрій Донской, на пространствѣ 25 десятинъ земли, послѣ страшнаго пожара, испепелившаго ветхія, деревянныя стѣны Кремля и большую часть Москвы, (**) обвелъ его каменными стѣнами; съ того времени Кремль могъ быть твердымъ оплотомъ отъ хищныхъ враговъ, часто громившихъ Москву; за нимъ, къ Москвѣ-рѣкѣ, находилась Зарядская слободка (нынѣшнее Зарядье); урочища, сохранившія до сихъ поръ свое названіе, свидѣтельствуютъ о качествѣ тѣхъ мѣстъ и земли: *Глинище, Подолъ, Мокрое, Грязь, Горки;* во время нашествія враговъ, все это предавалось или пламени или расхище-

(*) Въ Успенскомъ Соборѣ совершалось избраніе и посвященіе Патріарховъ; сюда же, въ 1613 г., собрались въ недѣлю православія всѣ чины государства и, по трехдневномъ постѣ, приступили къ избранію на царство Мих. Ѳ. Романова.

(**) Состоявшую изъ деревянныхъ строеній и дѣлившуюся тогда на *посадъ, загородье и зарѣчье.*

нію, и жители всѣхъ окружавшихъ Кремль слободокъ: плотники, кузнецы, котельники, толмачи, огородники, столечники, шубники и пр. искали спасенія въ Кремлѣ. Чрезъ два вѣка послѣ Донскаго, Елена Глинская построила каменную стѣну Китая-города; Бѣлый городъ обведенъ былъ деревянною стѣною съ острогомъ, при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, по совѣту Годунова, послѣ нападенія на Москву Крымскихъ татаръ (*), потому-то онъ и назывался *Царскимъ*. Но бѣлыя стѣны его долѣе удержали свое названіе. Наконецъ, въ 1591 г., гораздо большее пространство, внѣ Бѣлаго города, обнесено было деревянною стѣною, которая, когда пришла въ ветхость, замѣнилась (въ 1640 г.) *Землянымъ валомъ*, и всѣ мѣста отъ стѣнъ Бѣлаго города до землянаго вала назвались *Землянымъ городомъ*.

Въ составъ его вошла большая часть Скородома. Вмѣсто тогдашняго Земляннаго вала, теперь стелятся полосы бульваровъ. Такимъ образомъ, отъ прежнихъ улицъ протянулись чрезъ Земляной городъ новыя улицы. За землянымъ городомъ появились и быстро населились новыя слободы: напр. Лужники, Хамовники, Хлыновская, Зубовская, Ваганьковская, Дорогомиловская (дорого да мило), Грузинская, Сущевская, Міюзская, Мѣщанская, Гороховская, Нѣмецкая (Кокуй), Сокольническая съ селами: Краснымъ, Преображенскимъ, Семеновскимъ; Басманная, Рогожская, Крутицкая, Кожевническая, Симоновская, Даниловская.

Все это огромное пространство обведено было землянымъ валомъ, которымъ и теперь знаменуется конецъ Москвы. Уже при Императрицѣ Екатеринѣ II-й приведеніе въ исполненіе этого проекта было поручено Камеръ-Коллегіи, по имени которой и валъ получилъ названіе ***Камеръ-Коллежскаго.*** (**) Онъ имѣетъ въ своей окружности

(*) Въѣздъ въ эту часть города былъ чрезъ 34 ворота, деревянныя и двое каменныя: Серпуховскія и Калужскія, которыя оставались долго, до конца прошедшаго столѣтія, въ своемъ видѣ; многія деревянныя ворота и острогъ сгорѣли, а нѣкоторыя разрушились отъ времени.

Историч. и топографич. описаніе городовъ моск. губ. 1787 *г.*

(*) Еще въ 1742 г. воспослѣдовалъ указъ Сената обвести Москву валомъ, потому что деревянныя надолбы разваливались, особливо въ

около 40 верстъ. Самая большая ширина Москвы считается отъ Преображенскаго до Воробьевыхъ горъ (болѣе 11 верстъ). Длина — отъ Троицкой до Даниловской заставы (около $8^1/_2$ в). Въ Москву можно въѣхать чрезъ 18 заставъ. Прежде ихъ было 16, но послѣ прибавлены: Симоновская и Трехгорная.

Не правда ли: было и есть гдѣ разгуляться?

Осмотримъ же нѣкоторыя мѣста для частныхъ гуляній въ земляномъ городѣ, т. е. отъ стараго вала до нынѣ существующаго; всѣ они, до временъ Екатерины II-й, назывались *загородными*, и въ нихъ были своего рода гулянья, мало извѣстныя; а послѣ обратимся уже къ общественнымъ, бывшимъ загороднымъ, существующимъ нынѣ, и существовавшимъ въ то время, еще въ большемъ развитіи и славѣ.

Мѣста за Землянымъ городомъ считались уже *полевыми* и *выгонными*; они большею частію принадлежали ямщикамъ; на нихъ красовались дачи съ затѣйливыми домами московскихъ бояръ и богатыхъ купчинъ. Постройками въ то время, до 1782 г., завѣдывалъ *Каменный приказъ*. (*) Изъ Бѣлаго города всѣ неопрятныя строенія, какъто: амбары, лачужки, лавки съ известью и жерновымъ камнемъ, и всѣ заведенія, вредныя для здоровья жителей, постепенно приказано было сносить и размѣщать въ Земляномъ городѣ. Напр. на Срѣтенкѣ, въ торговые дни, столько съѣзжалось возовъ съ разными деревенскими продуктами, что по ней даже пройти было

полую воду, и растаскивались, а частое заготовленіе ихъ стоило дорого; устроены же они были для того, чтобы не допустить привоза неявленныхъ товаровъ и корчемныхъ питей, и чтобы никто не могъ въѣзжать въ Москву и выѣзжать изъ нея мимо заставъ. Тогда со всѣхъ возовъ собирали пошлину (кромѣ порожняка): съ дровъ по копѣйкѣ, съ сѣна и угольевъ по 2, съ теса и досокъ по алтыну. Камеръ-Коллегія, ведя этотъ валъ, имѣла въ виду отдѣлить имъ всѣ селенія отъ Москвы; такимъ образомъ земля казеннаго селенія у Рогожской заставы была разрѣзана пополамъ. Гдѣ же поселяне обработывали пашни свои? Внутри Кам. Кол. вала, слѣдовательно внутри Москвы.

Матеріалы для полной и сравнительной статистики Москвы.

(*) Тоже, что нынче Окружное правленіе для строеній.

невозможно, вслѣдствіе чего этотъ торгъ и перевели на Земляной валъ, къ Сухаревой башнѣ, гдѣ онъ находится донынѣ (*). Кстати замѣтимъ, что тогда и въ лучшихъ частяхъ Москвы находились не только питейные дома, но и постоялые дворы, блинни, кузницы и лобазни, а посреди нихъ высились каменные трехъ-этажные дома съ фронтисписами, съ статуями, изображавшими: и Минервину мудрость, и Геркулесову крѣпость, и съ разными аллегорическими и символическими украшеніями, а между зданіями тянулись узкіе, излучистые, и часто тупые проулки. Полагаютъ, что такое неустройство началось съ того времени, когда столицу перенесли въ Петербургъ; тогда на земляхъ, принадлежавшихъ и духовнымъ властямъ, и на церковныхъ, какъ напр. у Казанскаго собора, завелись погреба и харчевни, разныя лавочки и цирюльни (**); впрочемъ все это скоро исчезло, и Москва стала постепенно принимать болѣе и болѣе опрятный видъ, особенно послѣ 1812 г.

Въ старину, не только на Яузѣ, но даже и на рѣчкахъ, впадавшихъ въ нее, были пруды и мельницы; посреди прудовъ находились даже островки, на которыхъ ютились торговыя бани, подвижныя лавочки, кружалы (кабаки) и пивоварни, а въ нихъ производилась разная неуказная продажа; тамъ въ тихомолочку проживали разгульные, бѣглые и безпаспортные люди; эти пруды были нечищены; туда свозили разный соръ; тамъ разыгрывались въ натурѣ разныя драмы-комедіи. Эти мельницы и пруды принадлежали большею частію Воспитательному дому.

Вотъ были привольныя-то мѣста, не только для гульбищъ, но и для цѣлаго разгула частныхъ, заправскихъ гулякъ.

Наконецъ обратимся къ *общественнымъ* лѣтнимъ гуляньямъ, дворцамъ и дачамъ, считавшимся только по дальности мѣста отъ центра города *загородными*.

(*) Изъ того же источника.

(**) Олеарій указываетъ на рынокъ, между Посольскимъ дворомъ и Красною площадью, гдѣ въ хорошую погоду моск. жители на открытомъ мѣстѣ стригли себѣ волосы, которыми земля была такъ устлана, какъ тюфяками.

Императрица Екатерина II любила гулянья и празднества, и разныя потѣхи народныя; несмотря на свои многотрудныя царственныя занятія, она иногда и сама принимала участіе во многихъ удовольствіяхъ; *народъ, который веселится и поетъ,* говорила она, *худа не думаетъ*; а наше славянское племя, какъ извѣстно, есть самое пѣвучее: послѣ трудовъ праведныхъ, оно любило и любитъ повеселиться отъ души. У добраго, простосердечнаго человѣка и сердце воркуетъ голубемъ.

Встарину, разумѣется лѣтомъ, и даже осенью, болѣе веселились на привольѣ полей, луговъ и лѣсовъ: самая мѣстность и обстановка тогдашней Москвы, какъ сказано, представляла къ тому большое удобство. «Вижу сады, аллеи, цвѣтники, иду мимо ихъ,—говоритъ Карамзинъ,—осиновая роща для меня привлекательнѣе. Въ деревнѣ всякое искусство противно. Луга, лѣсъ, рѣка, буеракъ, холмъ—лучше французскихъ и англійскихъ садовъ. Всѣ эти маленькія дорожки, усыпанныя пескомъ, обсаженныя березками и липками, производятъ на меня какое-то противное чувство. Гдѣ видны трудъ и работа, тамъ нѣтъ для меня удовольствія. Дерево, пересаженное, обрѣзанное, подобно невольнику съ золотою цѣпью; мнѣ кажется, что оно не такъ зеленѣетъ, не такъ и шумитъ въ вѣяніи вѣтра, какъ лѣсное. Я сравниваю его съ такимъ человѣкомъ, который смѣется безъ радости, плачетъ безъ печали, ласкается безъ любви. Природа лучше насъ знаетъ, гдѣ рости дубу, вязу; липѣ; человѣкъ мудритъ и портитъ».

На смѣну зимѣ, настаетъ отрадная, прекрасная весна съ своими свѣтлыми днями и розовыми вечерами, весна—время радостей и удовольствій для всего Божьяго міра. Люди всякаго возраста чувствуютъ освѣжительное дыханіе ея, рѣки какъ будто расплавляются, и жаворонокъ, бросивъ нѣсколько громкихъ, веселыхъ трелей на воздухъ, взметывается высоко—и утопаетъ въ голубыхъ волнахъ эѳира,—онъ также гуляетъ. Настаетъ весна, и всѣ спѣшатъ изъ душныхъ домовъ подъ широкій куполъ неба—гулять, гулять; надобно спѣшить пользоваться своимъ сокровищемъ: оно срочно, скоропролетно....

Множество дворцовъ на разныхъ углахъ и оконечностяхъ Москвы показываютъ, что и Цари наши любили пожить лѣтомъ на чистомъ воздухѣ и даже заняться хозяйствомъ въ своихъ загородныхъ домахъ, какъ простые помѣщики, какъ мирные поселяне. Говоря идиллическимъ языкомъ, но по всей справедливости, доказано, что человѣкъ, удалясь отъ шума мелочной городской жизни въ уединеніе, въ тишинѣ сумрачныхъ дубравъ, лицемъ къ лицу съ природой, въ какой нибудь незатѣйливой хижинкѣ, осѣненной деревами, чувствуетъ себя какъ-то лучше: тогда онъ болѣе, яснѣе понимаетъ высокое назначеніе свое—онъ дома, онъ у себя на родинѣ.

Взглянемъ же, гдѣ отдыхали и прогуливались наши Монархи и ихъ подданные, наши дѣды и прадѣды.

Кромѣ Кремлевскаго, каменнаго дворца съ теремомъ, построеннаго при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ 1487 г. (Маркомъ Фрязиномъ), послѣ обращеннаго въ палаты *Ружейную* и *Мастерскую*, (*) и Потѣшнаго, въ которомъ послѣ находилась Кремлевская экспедиція (нынѣ Ордонансъ-гаусъ), построеннаго при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ для *потѣхъ* его, подъ именемъ которыхъ разумѣли тогда: иностранную музыку, комедію и другія *художественныя хитрости* (**), находились еще слѣдующіе древнѣйшіе дворцы, бывшіе мѣстомъ лѣтняго гулянья владыкъ Россіи:

Государевъ *Зеленый дворъ* находился на Божедомкѣ; онъ былъ поставленъ границей, до которой простиралась земля, данная ямщикамъ; передъ нимъ находились пруды, принадлежавшіе царскому двору. Названіе *зеленый* показываетъ, что загородный дворецъ былъ окруженъ садомъ.

(*) Гдѣ сохранялись древнія царскія регаліи и другія рѣдкости: первая учреждена въ 1669 г. и до того времени именовалась *Оружейнымъ и Ствольнымъ приказомъ*, который въ записныхъ книгахъ значится съ 1659 г. Матерская же палата въ тѣхъ книгахъ упоминается съ 1627 г. *Путев. къ древностямъ Моск.* 1792 *г.*

(**) При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, къ Грановитой палатѣ пристроены были *Императорскія палаты*, въ которыхъ, до 1790 г. помѣщался Сенатъ; противъ этихъ палатъ на каменныхъ сводахъ, къ Москвѣ рѣкѣ былъ разведенъ небольшой садъ.

Дорогомиловскій: можно думать, что тамъ былъ дворецъ, потому что Великій Князь Іоаннъ III-й провожалъ оттуда дочь свою Елену въ Литву, отдавая ее за-мужъ за сына Литовскаго короля, Александра; Іоаннъ, во время этихъ проводовъ, жилъ въ Дорогомиловкѣ нѣсколько дней. Здѣсь, на лугу, за пловучимъ Дорогомиловскимъ мостомъ, изстари правили Семикъ и Троицынъ день, а послѣ, когда жители Москвы, со временъ Петра, стали общительнѣе, тамъ собиралось всякій праздникъ много гуляющихъ; это было простонародное гулянье.

Краснопрудскій, деревянный, на Каланчевскомъ полѣ, именовавшійся Цесаревичевымъ, близъ выкопаннаго пруда и Краснаго села, которое основалось при Великомъ Князѣ Васильѣ Іоанновичѣ. Жители Краснаго села изъ первыхъ приняли сторону Лжедимитрія, когда онъ приближался къ Москвѣ. Подъ словомъ *красное*, вѣроятно понимали *красивое* село. Въ Красномъ селѣ было и бываетъ гулянье 14-го сентября въ день Воздвиженія Креста Господня; а на Каланчевскомъ полѣ въ Троицынъ и Духовъ день справляется гулянье и донынѣ. Когда еще Воспитательный домъ не былъ выстроенъ на теперешнемъ мѣстѣ своемъ, въ Красномъ селѣ, въ домахъ кн. Голицына и графа Сиверса, находилось помѣщеніе его, а также въ Китаѣ городѣ: вотъ колыбель Воспитательнаго дома; а потому тогда и называли его *Красносельскій и Китайскій* (*). Замѣчательно, что Воспитательному дому, со времени основанія его, до Императора Павла Петровича, для усиленія доходовъ, дана была привилегія за 1000 руб. ассигн. производить въ первые офицерскіе (статскіе) чины всѣхъ людей свободнаго состоянія; тогда эти чины назывались *коммиссарскими*.

Покровскій, въ бывшемъ селѣ Покровскомъ, на рѣкѣ Яузѣ, нынѣ большая улица въ Москвѣ (Лефорт. части); тогда это было одно изъ предмѣстій Москвы, не далеко отъ Нѣмецкой слободы, по дорогѣ въ бывшее село Преображенское (нынѣ Покровское, также

(*) Воспитательный домъ на теперешнемъ мѣстѣ своемъ заложенъ 1764 г., апрѣля 21-го дня. Есть преданіе, что прежде подкидышей отдавали въ монастыри.

дальная моск. улица). При Царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ Покровское называлось дворцовымъ селомъ *Рубцовымъ*; туда этотъ Государь часто ѣздилъ для своего увеселенія; назвалось же оно *Покровскимъ* по церкви *Покрова* Пресв. Богородицы (освященной въ 1626 году октября 29), которую Царь Михаилъ Өеодоровичъ приказалъ построить, въ память отраженыхъ отъ Москвы Поляковъ, когда въ 1615 г. 1-го октября, Владиславъ, сынъ Польскаго короля Сигизмунда или Жигимонта, хотѣлъ вступить въ Москву, какъ въ свою отчину, и приступилъ уже къ Арбатскимъ воротамъ такъ стремительно, что едва не овладѣлъ ими, но Богъ благословилъ оружіе перваго Царя изъ дома Романовыхъ—Поляки отступили. Гуляя въ Покровской рощѣ, Царь Михаилъ воспоминалъ объ этомъ событіи и усердно молился въ нововыстроенномъ своемъ храмѣ, за избавленіе себя и отечества своего отъ злыхъ враговъ. Тамъ, вѣроятно, у него былъ и скромный дворецъ, для лѣтняго отдохновенія его; тамъ изстари проживали раскольники разныхъ толковъ. Гулянье въ Покровскомъ, въ день Покрова, осталось и донынѣ.

Въ 1742 г. выстроенъ былъ въ Покровскомъ, подлѣ церкви Покрова, деревянный дворецъ, который значится во всѣхъ старинныхъ путеводителяхъ московскихъ, а когда онъ сгорѣлъ, то въ 1753 г., при Императрицѣ Елизаветѣ, выстроенъ тамъ каменный, сохранившійся до нашихъ временъ. Есть преданіе, что она любила тамъ проживать лѣтомъ, когда еще была Великою Княжною, и, бывши также веселаго характера, участвовала въ праздничныхъ хороводахъ, составленныхъ изъ Покровскихъ дѣвицъ и молодицъ, одѣваясь въ ихъ красивый русскій костюмъ: въ цвѣтной атласный сарафанъ и кокошникъ, или въ парчевую кику съ дробницами изъ жемчуга и съ позументомъ, или просто по-дѣвичьи, вплетая въ трубчатую косу свою, алую, ярославскую пукетовую ленту (*). Съ тѣхъ временъ сохранилась пѣсня:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой,

(*) Въ Ярославлѣ была встарину лучшая ленточная фабрика.

Разыгралась, расплясалась
Красна дѣвица душа, и проч.

Многіе помнятъ, какъ любопытные, въ началѣ текущаго столѣтія, подходили къ окнамъ Покровскаго дворца, смотрѣть на разную посуду японскаго и китайскаго фарфора всѣхъ цвѣтовъ, стоявшую на этажеркахъ: на плоскія блюдечки, на низенькія чашечки тазиками, и на проч. Изъ дворца устроенъ былъ и ходъ въ церковь. Еще былъ дворецъ Императрицы Елизаветы на Покровкѣ, что около дома комодной формы князя Трубецкаго и на Балчугѣ. (*) за Москворѣцкимъ мостомъ.

Есть преданіе, что былъ еще Великокняжескій дворецъ у Николы, что на Подкопаѣ, на Солянкѣ, близь бывшихъ *Малыхъ Крутицъ*, которыя нависали горою надъ рѣкою Яузою; теперь эта крутизна срыта. Въ этомъ дворцѣ жилъ Великій Князь Іоаннъ III-й, послѣ Кремлевскаго пожара. Не далеко оттуда, у церкви князя Владиміра, что въ *Старыхъ Садахъ*, находились большіе казенные сады, быть можетъ, остатокъ старинной рощи, а далѣе отъ нихъ, у Николы въ Воробинѣ, на покатости, какъ называлась Гостинная гора, къ нынѣшнимъ Серебряниковскимъ банямъ, другіе сады (**); это мѣсто почему-то называлось *Хивою;* тамъ тоже гуляли въ прошедшемъ столѣтіи. Подвергнувъ какое-нибудь слово этимологической пыткѣ, можно дѣлать изъ него какія угодно произведенія; что такая *за*

(*) Происхожденіе этого названія неизвѣстно; вѣроятно, по звучности выговора своего, оно татарское; что оно древнее, въ томъ свидѣтельствуютъ лѣтописи. Еще Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный приказалъ на этомъ мѣстѣ, для опричниковъ своихъ, построить *первый кабакъ*, гдѣ ихъ упояли безденежно. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ приказалъ его уничтожить, но Борисъ Годуновъ, предусматривая выгоды, получаемыя отъ продажи горячихъ напитковъ, приказалъ снова выстроить на этомъ мѣстѣ кабакъ, и отдалъ его на откупъ: это было начало винныхъ откуповъ въ Россіи. Слово *кабакъ* производитъ Татищевъ отъ слова *кабалъ*, означавшаго у Татаръ *постоялый дворъ* или польскую *корчму*, (не отъ слова ли *кормить*?)

(**) Церковь Троицы *въ Серебряникахъ*, какъ изъ надписей на крестахъ видно, именовалась, «что въ старыхъ денежныхъ мастерахъ»; вѣроятно, это была слободка монетчиковъ.

Хива? Противъ церкви князя Владиміра находился *Каменный приказъ*, завѣдывавшій постройками въ Москвѣ, нынѣ Архивъ Иностранной Коллегіи. Кстати, улица *Полянка* (за Москвой рѣкой) не означала ли *чиста-поля;* улица *Садовники*, *Ольховецъ*, по ольховой рощѣ, церковь Іоанна Предтечи *надъ боромъ*, на Пятницкой, и противъ моста,—это ясное показаніе о бывшей тамошней мѣстности и обстановкѣ ея.

Семеновскій, въ Семеновской солдатской слободѣ, и вмѣстѣ въ Дворцовомъ селѣ, (нынѣ улица Лефортовская): это былъ дворецъ Петра Великаго; извѣстно, что отъ Семеновскаго села заимствовалъ свое названіе лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. Церковь же Введенія Пресвятыя Богородицы, каменная, построена тамъ усердіемъ прихожанъ, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1736 г., ноября 20-го, что значится надписью на двухъ тамошнихъ деревянныхъ крестахъ.

Преображенскій старый, также Императора Петра І-го, въ дворцовомъ селѣ Преображенскомъ, на лѣвомъ берегу Яузы. Въ немъ Государь имѣлъ частое пребываніе; отъ этого села гвардіи Преображенскій полкъ получилъ свое названіе. Тамъ и церковь Преображенія Господня, ружная, съ придѣломъ Петра и Павла. Со временъ Императрицы Анны Іоанновны, отъ учрежденія гвардіи Московскаго баталіона, первая церковь тамъ была холстинная Преображенскаго полка, въ полковой съѣзжей. При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, усердіемъ прихожанъ, выстроена была деревянная, въ 1746 г., коштомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержанта Ивана Елисеева Третьякова, а въ 1768 году каменная. Гулянье въ Преображенскомъ бываетъ и до сихъ поръ въ день Петра и Павла, 29-го іюня (простонародное). Изъ этого села важивалъ Петръ І-й въ Измайлово свою потѣшную роту; иногда училъ онъ ее въ Преображенскомъ, иногда водилъ свои полки въ родовую свою отчину угощать, или дѣлалъ тамъ маневры на широкомъ дворцовомъ Измайловскомъ дворѣ, и стаивалъ съ ними въ шатрахъ подъ рощею. Однажды,—есть преданіе,—Государь, потѣшаясь и угощаясь съ своими любимцами-учениками-сподвижниками, на запасномъ дворѣ въ Измайловѣ и на погребахъ, сжегъ брусяную избу, находившуюся посреди двора цар-

скихъ хоромъ. Въ селѣ Преображенскомъ, среди огородовъ, до сихъ поръ сохранились признаки бывшей тамъ Тайной канцеляріи, существовавшей въ небольшомъ каменномъ домѣ; она учреждена Петромъ во время крамолъ стрѣлецкихъ и раскольничьихъ. Еще Карамзинъ, какъ пишетъ онъ, видѣлъ тамъ глубокія ямы и желѣзныя рѣшетки въ маленькихъ окнахъ (*). Были времена, когда восклицаніе: *слово и дѣло*, приводило въ ужасъ и оцѣпенѣніе слышавшихъ его; часто злосмыслящіе люди пользовались имъ и узловато запутывали многія тяжкія слѣдственныя дѣла, и обвиняли невинныхъ. Многіе слыхали, что такое значилъ *языкъ*, т. е. донощикъ, обвинитель, котораго водила по улицамъ вооруженная стража, спрятаннаго съ головою въ полотняный мѣшокъ, чтобъ нельзя было узнать его; въ этомъ мѣшкѣ оставляли небольшія отверстія для дыханія. Завидя это пугало, всѣ стремглавъ бѣжали отъ него прочь, какъ отъ заразы, трепетно восклицая: языкъ, языкъ! опасаясь, чтобъ оно не указало на кого нибудь; купцы едва успѣвали запирать свои лавки или запираться въ нихъ, даже нищіе увѣчные и безногіе, лежанки, во множествѣ въ то время сидѣвшіе на уличныхъ перекресткахъ, прыгали на костыляхъ или уползывали, кто куда попало. (**).

(*) Въ Москвѣ домъ Тайной канцеляріи находился на Лубянкѣ, наискось отъ церкви Гребенской Божіей Матери, потомъ домъ Библейскаго Общества. По стѣнамъ разбойничьяго приказа уставлены были орудія пытки: дыбы, веревки, ремни, (которыми завязывали руки и ноги, потомъ подымали руками вверхъ и дергали за ноги такъ, что всѣ составы выскакивали съ мѣстъ своихъ: это называлось встряской), кнуты, жаровни съ угольями, клещи, которыя раскаляли для мученья подсудимыхъ, и пр. пр.

(**) Можно полагать, что Тайная канцелярія основана была еще при Іоаннѣ Грозномъ, потому что лѣтописи упоминаютъ объ *окольничемъ Колычевѣ*, который вѣдалъ тайными дѣлами: опричники, доносы, удаленіе Грознаго въ селеніе Александрово, и проч. поясняютъ это дѣло; въ записныхъ книгахъ эта канцелярія была извѣстна подъ именемъ *Приказа тайныхъ дѣлъ* съ 1658 г., а въ 1676 и 1678 годахъ, Царь Θеодоръ Алексѣевичъ повелѣлъ всѣ дѣла этого Приказа описать и передать въ Разрядъ. Нѣкоторые учрежденіе Тайной канцеляріи приписываютъ Царю Алексѣю Михайловичу. Въ 1701 г. Приказъ тайныхъ дѣлъ открылся снова, подъ именемъ *Преображенскаго приказа*. Императоръ Петръ III-й уничтожилъ его въ 1762 году. Императрица

Яузскій противъ церкви Симеона Столпника, (храма, извѣстнаго своею прекрасною архитектурою; форма его есть красивая ротонда съ соразмѣрнымъ куполомъ временъ Царя Бориса Годунова). Этотъ дворецъ существовалъ изстари, до временъ Екатерины II-й: объ немъ упоминается еще въ описаніи коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны. Послѣ перешелъ онъ во владѣніе купца Кайдакова; это былъ скромный, одноэтажный домъ, но все-таки онъ замѣчателенъ, какъ памятникъ старины, а болѣе потому, что въ немъ жили Петръ и Елисавета.

Екатерининскій, или *Анненгофскій*, или *Головинскій*, (противъ Нѣмецкой слободы за Яузою). Онъ построенъ былъ по повелѣнію Императрицы Анны Іоанновны, въ 1731 году, почему и назывался *Анненгофъ*. Близъ него роща, находящаяся за Кадетскими корпусами, также называется *Анненгофскою*. Въ 1753 году онъ сгорѣлъ; въ томъ же году на этомъ мѣстѣ Императрица Елисавета Петровна приказала выстроить *Головинскій* дворецъ (на дачѣ Головина), но онъ также сгорѣлъ, и послѣ того уже построенъ по указу Императрицы Екатерины II, огромный каменный, и названъ въ честь ея *Екатерининскимъ* въ 1774 году. Императоръ Павелъ I-й, взошедъ на престолъ, обратилъ его въ казармы, и приказалъ помѣстить въ немъ четыре баталіона московскаго гарнизоннаго полка. Императоръ Александръ пожаловалъ его первому кадетскому корпусу; тогда этотъ дворецъ принялъ удобнѣйшую форму и устройство для своего назначенія.

Въ этой же сторонѣ были дворцы и казенныя зданія: *Бестужевъ*, каменный, сломанъ по ветхости и ненадобности; *Марлинской*, каменный, въ немъ жилъ дѣйствительный каммергеръ князь Тюфякинъ; старый Сенатъ, бывшая *Гофъ-интендантская канце-*

Екатерина II-я подтвердила указъ объ уничтоженіи Тайной канцеляріи розыскныхъ дѣлъ, но вскорѣ замѣнила мѣсто его учрежденіемъ *Тайной экспедиціи*. Въ 1801 году апрѣля 2-го Императоръ Александръ Благословенный издалъ указъ о совершенномъ уничтоженіи не только названія, но и дѣйствій Тайной экспедиціи, и приказалъ всѣ дѣла ея, предавъ ихъ вѣчному забвенію, сдать въ Государственный архивъ. Съ тѣхъ поръ и кончились *пытки*.

лярія, деревянная; *Люберская канцелярія*, каменная; и всѣ эти и многія другія зданія, находились подъ вѣдѣніемъ *Конторы строенія домовъ* и *садовъ*, находившейся тутъ же. Здѣсь, кстати, нельзя не упомянуть о *Главномъ госпиталѣ*, основанномъ въ 1706 г. Императоромъ Петромъ I-мъ, на берегу рѣки Яузы; это огромное, каменное зданіе, со многими флигелями и службами, назначено имъ было для пользованія солдатъ, съ аптекой и анатомическимъ театромъ, заключавшимъ въ себѣ множество рѣдкостей, особенно для того времени, когда еще не было университетовъ съ находящимися при нихъ разными кабинетами. Въ этомъ же госпиталѣ основано было первое Медицинское училище, въ которомъ, обучая, какъ тогда выражались: *лечебной наукѣ* (*) преподавали: анатомію, ботанику и латинскій языкъ. Ученики тогдашней Медицинской школы, опредѣляемые въ разные полки, бывъ изъ простаго званія, до основанія Медико-Хирургической Академіи и Московскаго Университета, не имѣли особенныхъ правъ, мало чѣмъ различались отъ фельдшеровъ, или, по тогдашнему названію, рудометовъ, потому что имъ вмѣнялось въ обязанность брить бороды полковымъ начальникамъ своимъ и пускать кровь (**). Пріѣзжавшіе изъ чужихъ краевъ доктора получали важныя, по тогдашнему времени, выгоды и льготы.

(*) Истор. описаніе городовъ Московской губерніи 1787 года. Замѣчательно, что акушеровъ тогда звали: *Бабичъ*, аптеку — *лекарня*; про послѣднюю сложена пословица: *аптека убавляетъ жизни полвѣка*. У предковъ нашихъ были доморощенныя лекарства—снадобья.

(**) Извѣстно, что еще изстари находились въ Россіи врачи, но они были иностранцы, а простой народъ довольствовался домашними средствами; аптека ихъ была на парномъ банномъ полкѣ, лечились же виномъ съ перцомъ, и тому подобнымъ, а суевѣрные разными наговорами; больницы были при церквахъ, въ которыхъ, съ самой глубокой древности, пользовали греческіе, а послѣ нѣмецкіе врачи, но таковыхъ больницъ было немного. При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ учрежденъ былъ *Аптекарскій приказъ* и отданъ въ вѣдѣніе Милославскому; въ 1616 году, упоминаются въ разрядныхъ спискахъ *полковые лекаря*. На западной сторонѣ Кремля учреждены были аптекарскіе сады; на Моховой была главная аптека, также и въ *Измайловѣ*. Главная Госпиталь въ Лефортовѣ называлась *Генеральною*.

Въ этой же сторонѣ находился и находится *Дворцовый садъ*, подлѣ бывшаго Анненгофскаго дворца (нынѣ этотъ садъ пожалованъ Императоромъ Николаемъ I-мъ Кадетскому корпусу); тамъ сохранились деревья, посаженныя Петромъ I-мъ; около нихъ П. С. Валуевъ, бывшій президентомъ Кремлевской экспедиціи (что нынѣ Дворцовая контора), устроилъ бесѣдку. Въ этомъ саду нѣкогда были знаменитыя гулянья, особенно въ концѣ прошедшаго столѣтія, въ Вознесенье и въ Троицынъ день. Нѣкоторые помнятъ еще, какъ въ царствованіе Императора Павла I-го, многіе являлись на это гулянье, держа шляпы подъ мышкою, потому что высокая прическа, пудра, шпильки и помада, особенно у дворянъ, слѣдовавшихъ законамъ моды, такъ отягчали и парили ихъ головы, что невыносимо было накрывать ихъ новымъ грузомъ. Купцы тогда стояли двоерядно на главной площадкѣ сада, и, слушая музыку, смотрѣли на проходящихъ и не сближались съ аристократіею; у купцовъ, ходившихъ въ нѣмецкомъ платьѣ, на шляпахъ были темныя кокарды съ такими же пуговками, а у чиновныхъ людей свѣтлыя.

Надобно замѣтить, что купцы, до царствованія Императрицы Екатерины II-й, мало чѣмъ отличались отъ мѣщанъ, и въ отношеніи наружной формы и въ отношеніи правъ. Она даровала имъ разныя привилегіи по гильдіямъ, въ 1782 году.

Пречистенскій (*), въ которомъ отдыхала Императрица Екатерина II, отправляясь на знаменитое *Ходынское* гулянье; съ Пречистенки перенесенъ былъ дворецъ на Воробьевы горы (**); вѣроятно онъ былъ деревянный и строенъ случайно, не въ глубокой древности. Близь него находился, какъ и теперь: 1) ***Колымажный*** или ***конюшенный дворъ***, построеніе котораго относятъ ко времени Царя Алексѣя Михайловича. Онъ возобновленъ при Императрицѣ

(*) Улица ***Пречистенка*** получила это названіе только съ 1658 г. апрѣля 16, по указу Царя Алексѣя Михайловича, а прежде именовалась она *Чертольемъ*, отъ водомоинъ. *Путеводитель, руководствующій къ дѣе-мѣсто-описательному познанію мѣстъ и зданій московскихъ. 1792 г.*

(**) Историческое и топографическое описаніе городовъ Московской губ. 1787 г.

Екатеринѣ II, но существованіе подобнаго зданія должно отнести къ древнѣйшимъ временамъ, потому что еще Великіе князья имѣли большой запасъ коней для торжественныхъ выѣздовъ своихъ и для охоты, также множество *колымагъ* (среднее между каретой и польской брикой); тогда щеголяли еще богатствомъ конской сбруи. 2) Домъ князя Сергія Михайловича Голицына, также бывшій дворецъ Императрицы Екатерины II-й, подаренный ею родителю князя Сергія Михайловича Голицына. 3) Главное училище вѣдомства Московскаго Приказа общественнаго призрѣнія, (подлѣ строющагося теперь великолѣпнаго храма, во имя Спаса) съ большой поляною, на которой, въ торжественные и викторіальные дни (въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II-й) стрѣляли изъ пушекъ. Сначала пушки стояли на Красной площади, гдѣ былъ и кабакъ *подъ пушкою*; въ послѣдствіи времени нѣкоторыя изъ нихъ перевезены были въ Кремль, для пальбы въ торжественные дни; открытѣе и просторнѣе мѣста въ Кремлѣ не нашли для установки пушекъ, какъ подлѣ архіерейскаго митрополичьяго дома. Платонъ, (въ то время бывши еще архіепископомъ) просилъ Еропкина, чтобъ онъ отвелъ ихъ подальше отъ его дома, (въ 1786 г.), потому что однажды, (26 іюля, того же года) отъ пушечной пальбы перебито до 70 стеколъ въ архіерейскомъ домѣ и въ Вознесенскомъ монастырѣ, и такъ монастырскихъ служекъ перепугало, что они попрятались въ погреба.

Запасный, (красноворотскій съ церковью св. Іаннуарія) (*). Еще при Императорѣ Петрѣ I-мъ, на обширномъ сѣнномъ торжищѣ, находящемся по близости этого дворца, бывало катанье, особенно на Масляницѣ; тамъ находилась и австерія (**), куда Петръ заѣзжалъ

(*) Красныя ворота выстроены въ 1742 году, во время коронаціи Императрицы Елизаветы Петровны, на сумму, пожертвованную купечествомъ. Строителемъ ихъ былъ кн. Ухтомскій.

(**) Въ польскомъ словарѣ Линде, слово austeria знач. *страннопріимный, постоялый дворъ;* въ Римѣ, подъ названіемъ: osteria, разумѣются *харчевни;* въ Петербургѣ была австерія, куда Монархъ заходилъ выпить рюмку водки и закусить кускомъ чернаго хлѣба съ солью; а въ Москвѣ у Курятныхъ воротъ, въ томъ домѣ, гдѣ послѣ открытъ былъ университетъ; подъ этимъ названіемъ и донынѣ слыветъ тамъ крайній проходъ по Скорняжному ряду, отъ Ильинки на Никольскую. (Энцикл. лекс. томъ I-й).

съ приближенными своими выпить анисовой водки. Этотъ дворецъ былъ построенъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ для дворцовыхъ запасовъ, по большей части изъ матеріаловъ измайловскихъ ригъ. Въ немъ находилась главная контора дворцовой канцеляріи, послѣ, при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, переименованная въ контору придворной экспедиціи. Замѣчательно, что въ большіе погреба и подвалы дворцовскіе возили изъ Петербурга невскій ледъ, вѣроятно, какъ самый лучшій и чистый.

При Императрицѣ Елисаветѣ, близъ этого дворца, на Сѣнной же площади, находился *оперный домъ*, содержимый полковникомъ Толстымъ; недалеко отъ церкви Трехъ Святителей были Хомутовскія бани, противъ Яузской части.

Слободской, (гдѣ нынѣ ремесленное заведеніе), купленный Императоромъ Павломъ у графа Безбородки. Во время коронаціи Императора Павла, тамъ были большіе праздники. Всего замѣчательнѣе этотъ дворецъ тѣмъ, что Императоръ Александръ, предъ 1812 годомъ, прибывъ въ Москву, получилъ въ Слобод. дворцѣ ключи отъ взятой крѣпости Браилова, во время турецкой войны, и праздновалъ это событіе. Въ 1812 году также, прибывъ въ Москву, принималъ онъ въ Слободскомъ дворцѣ жителей столицы.

Это событіе многіе помнятъ: когда открыли подписку на пожертвованіе для военныхъ дѣйствій, всѣ стремительно бросились къ подписному листу, и чуть-чуть не вырывали другъ у друга пера; каждый скорѣе хотѣлъ вписать цифру жертвуемой суммы. Этотъ дворецъ, буквально, залитъ былъ тогда и снаружи народными толпами; въ открытыя окна его вносились звонкіе звуки ура!

Великодушный, обожаемый своими подданными Монархъ, прослезился, а многіе заплакали навзрыдъ; но эти слезы были слезами радости, восторга, умиленія.—Когда раздалось восклицаніе: *На начинающаго Богъ*! напечатанное въ манифестѣ 1812 года, народъ застоналъ отъ избытка отваги и праведнаго негодованія на враговъ своихъ. Это незабвенное время было повтореніемъ 1612 г., когда Россія избавилась отъ ига Поляковъ. И всѣ почти эти дворцы были заслонены садами, какъ зелеными щитами, и въ нихъ гуляли,

отдыхали и прохлаждались Государи Русскіе и приближенные ихъ; а нѣкоторые изъ дворцовыхъ садовъ были мѣстомъ всенароднаго гулянья.

Теперь отъ дворцовъ обратимся къ дачамъ и къ садамъ городскимъ.

Старинные дачи и сады представляли мѣсто для гулянья общественнаго и частнаго; нѣкоторые изъ нихъ принадлежали казнѣ, нѣкоторые—именитымъ боярамъ. Должно замѣтить, что не только всѣ московскія земли сперва принадлежали царю, но и всѣ окололодки ея были царской отчиной. Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ III-й одарилъ болѣе 1000 человѣкъ изъ своихъ приближенныхъ московскими землями, а двадцати восьми избраннымъ своимъ боярамъ пожаловалъ онъ болѣе 300,000 десятинъ въ окрестностяхъ московскихъ. Въ половинѣ XVII вѣка не только патріархъ и царскіе родственники, но и нѣкоторые бояре: *Милославскіе*, *Шереметевы*, *Стрѣшневы* и *князья Черкасскіе* жили въ своихъ домахъ въ самомъ Кремлѣ, близъ царскаго дворца (*).

Прежде нежели осмотримъ дальнія дачи Москвы, взглянемъ мимоходомъ на нѣкоторыя владѣнія и дачи бояръ, находившіяся въ центрѣ Москвы, въ Китаѣ и въ Бѣломъ Городѣ. Бояре любили жить въ широкихъ размѣрахъ, любили имѣть хоть какіе-нибудь сады, и гдѣ же? въ тѣснотѣ, въ Кремлѣ, въ которомъ и тогда уже было много казенныхъ зданій и церквей, напримѣръ: дворецъ Іоанна III. Въ немъ жилъ еще Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ; на мѣстѣ его, въ 1743 г. Императрица Елисавета построила новый; теперь вмѣсто стараго Елисаветинскаго дворца высятся дивные Царскіе Чертоги. Правда, было широкое мѣсто въ Кремлѣ, гдѣ теперь находится арсеналъ, но оно отведено было для сборной площади *народной пѣ-*

(*) Нынѣшній *Николаевскій* дворецъ построенъ на мѣстѣ митрополичьяго дома, по желанію митрополита Платона, архитекторомъ Казаковымъ. Противъ угла его была церковь Николы Гостунскаго, разобранная въ 1816 году. Между монастырями Чудовымъ и Вознесенскимъ, была улица; близъ Спасской башни находились подворья: *Крутицкое* и *Кирилловское*; за ними стоялъ домъ боярина Шереметева, на самомъ верху горы. (Моск. справ. книжка В. Пассека).

хоты, т. е. стрѣльцовъ; тамъ же находился домъ Бориса Годунова (противъ арсенала, гдѣ была Оружейная Палата); на мѣстѣ нынѣшняго громаднаго зданія Сената находился домъ князя Трубецкаго и нѣсколько уничтоженныхъ церквей: *Косьмы и Даміана*, *Петра Митрополита*, *Введенія Пресвятыя Богородицы* и проч.; близъ Спасской или Флоровской башни былъ домъ Дмитрія Донскаго.

Цари раздавали мѣста для домовъ и дачъ своимъ боярамъ также въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ.

Извѣстно, что *Китай* городъ былъ *посадомъ* Кремля. Кромѣ многихъ урочищъ, сохранившихся донынѣ, здѣсь были посольскія подворья, и, въ послѣдствіи времени, дома съ садами, и даже съ домовыми церквами; на Никольской улицѣ: князя *Якова Ѳедоровича Долгорукова*, знаменитаго современника Петра, *князя Кантемира*, князей *Черкасскихъ;* и теперь сохранилось названіе *Черкасскаго переулка* на Никольской, подлѣ дома графа Шереметева, которому достался онъ, по родственнымъ отношеніямъ, отъ князя Черкасскаго (*) ; *Воротынскихъ*, *Трубецкихъ*, и проч.; на Ильинкѣ: гг. *Барятинскихъ* и *Шеиныхъ*; на Варваркѣ: *Бутурлиныхъ* и *Пушкиныхъ*. На мѣстѣ нынѣшней биржи, въ концѣ прошедшаго столѣтія, находились шкапчики съ разнымъ мелочнымъ товаромъ, и у самой стѣны Кремля рядъ каменныхъ лавокъ. Между ними былъ шляпный рядъ, называемый *Шапочнымъ разрывомъ*, думаютъ, потому, что тамъ покупателя *разрывали* на части, каждый таща къ себѣ (**).

Бѣлый городъ преимущественно образовался изъ разныхъ предмѣстій и дачъ, также жалованныхъ боярамъ Царями; эти мѣста встарину были загородными домами многихъ бояръ; на нихъ зеле-

(*) Въ наше время домъ графа Шереметева значительно измѣнилъ свою физіономію: прежде у него было огромное крыльцо и на немъ сверкали граненные фонари у подъѣзда, что было очень кстати для тогдашняго бѣднаго освѣщенія улицъ.

(**) Вѣроятно, было тогда гдѣ разгуляться въ *Китаѣ* городѣ, потому что въ то время сложена была пѣсенка: *Я пойду во Китай городъ гулять.*

нѣлись большіе сады и даже полосились огороды: въ немногихъ старинныхъ сохранившихся домахъ замѣтны еще остатки этихъ садовъ. Въ *Кузнецкой* слободѣ, (нынѣшній Кузнецкій Мостъ) со стороны Неглинной, даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, была цѣлая аллея большихъ вязовъ, и здѣсь было мѣсто для прогулокъ, только не чистое. (*) Со времени Царя Алексѣя Михайловича тамъ жили кузнецы и ковали желѣзо, такъ какъ теперь, говорятъ, тамъ изъ разныхъ, по большей части иностранныхъ товаровъ, выковываютъ спекуляторы деньги. Тамъ былъ дѣйствительно каменный мостъ и съ перилами на канавѣ (около дома г. Татищева) и церковь Воскресенія Слоущаго (около Большаго театра). Въ концѣ прошедшаго столѣтія были уже на Кузнецкомъ мосту, между немногими, незатѣйливыми лавками, небольшія сарептскія лавки, отдѣленіе сарептскаго магазина, близъ Елохова моста. А какъ измѣнился съ тѣхъ поръ Кузнецкій Мостъ!

Огорченные супруги и нѣкоторые разсчетливые женихи звали встарину Кузнецкій мостъ *чортовой слободой*,

Гдѣ за французскій *милый вздоръ*,
Бываетъ денегъ русскихъ сборъ (**).

Близъ него находился Артиллерійскій Приказъ, послѣ Артиллерійское Депо, (теперь домъ Торлецкаго).

Говоря о Никольской, какъ о самой людной улицѣ и встарину, также упоминая о празднествахъ, большею частію прошедшаго столѣтія, нельзя не вспомнить, что на ней, въ 1702 г., декабря 4-го, было замѣчательное, великолѣпное торжественное шествіе Петра Великаго, послѣ взятія у Шведовъ крѣпости *Ноттенбурга* или *Шлюссельбурга*. По этому случаю поставлено было двое деревянныхъ тріумфальныхъ воротъ: первыя внутри Красной стѣны Китая города, противъ Греческаго монастыря, близъ типографіи и дома фельдмаршала Шереметева, вторыя внутри Бѣлой стѣны (***). Впе-

(*) Около большаго театра, въ переулкѣ, находилась блинняя, а далѣе мѣсто, куда сгоняли продавать разную скотину.

(**) Журналъ «Зритель», издаваемый Иваномъ Андреевичемъ Крыловымъ, 1792 г.

(***) Картины свѣта, изданныя А. Ѳ. Вельтманомъ.

реди шелъ гвардейскій полкъ; половина одѣта была по-нѣмецки, въ красные мундиры, другая въ русской одеждѣ; за ними слѣдовали плѣнные Шведы, въ сопровожденіи трехъ ротъ солдатъ, семью отдѣленіями, по три въ рядъ; далѣе гренадерская рота въ зеленыхъ мундирахъ и въ нѣмецкихъ шапкахъ; за ними аллебардщики и трубачи, потомъ Преображенскій полкъ; нѣкоторые изъ солдатъ этого полка одѣты были въ зеленые мундиры съ краснымъ подбоемъ, и въ шапкахъ, обшитыхъ бѣлымъ голуномъ; въ главѣ полка находились—Царь и Менщиковъ, предъ ними флейтщики и заводныя лошади, за ними Семеновскій полкъ въ синихъ мундирахъ съ краснымъ подбоемъ.

За отрядами нашихъ войскъ несли трофеи: разноцвѣтныя шведскія знамена, на которыхъ изображены были золотые коронованные львы, корабельные флаги и разныя оружія. За ними слѣдовала полевая кухня, нѣсколько саней, съ оружіемъ и барабанами, и съ походной кузницей. Потомъ сорокъ плѣнныхъ офицеровъ, одинъ за другимъ, каждый подъ прикрытіемъ двоихъ солдатъ; эта процессія заключалась обозомъ раненыхъ и больныхъ.

Ровно въ часъ по полудни Царь вступилъ въ Тверскія ворота; шествіе направилось къ первымъ тріумфальнымъ воротамъ. Здѣсь былъ небольшой роздыхъ; Царь принялъ поздравленіе отъ духовенства. Толпы народа стояли съ обнаженными головами; было на что посмотрѣть: на величаваго Царя, на стройную и разнообразную процессію и на красивыя ворота, состоявшія изъ трехъ арокъ и украшенныя разными викторіальными изображеніями и девизами. На вершинѣ ихъ симметрически разставлены были музыканты, въ цвѣтныхъ платьяхъ; надъ главной средней аркой высился орелъ съ приличными аттрибутами; близъ-стоявшіе дома также имѣли нарядную, торжественную физіономію, по уборкѣ своей; на балконахъ ихъ также стояли музыканты и играли на *віолахъ*, *органахъ* и другихъ инструментахъ.

Несмотря на зимнее время, эта улица была застлана зеленью и цвѣтами. Кромѣ царской фамиліи, здѣсь находились всѣ знатныя особы русскія и иностранныя, обоего пола. Шествіе двинулось

отсюда къ Мясницкимъ воротамъ (*) и направилось къ Нѣмецкой слободѣ. Тамъ встрѣченъ былъ Монархъ голландскимъ консуломъ, съ хлѣбомъ и солью, послѣ сѣлъ на подведенную ему лошадь и отправился такъ же церемоніально въ Преображенское.

Въ Бѣломъ городѣ, по простору его, въ сравненіи съ Кремлемъ и съ Китаемъ городомъ, можно было жить просторнѣе и привольнѣе. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ тамъ находились загородные дома или дачи князей и бояръ: Бутурлиныхъ, Борятинскихъ, Волконскихъ, Гагариныхъ, Глѣбовыхъ, Долгоруковыхъ, Куракиныхъ, Масальскихъ, Мещерскихъ, Ромодановскихъ, Ростовскихъ, Нарышкиныхъ, Прончищевыхъ, Рѣпниныхъ, Строгоновыхъ, Хлоповыхъ и другихъ (**).

У самой церкви Димитрія Селунскаго (у Тверскихъ воротъ) изстари былъ загородный домъ *Романовыхъ;* а на Моховой (гдѣ теперь Горное Правленіе) также загородный домъ *Нарышкиныхъ.* Въ немъ жила мать Петра.

Нѣкоторые полагаютъ, что слово *Бѣлый* произошло отъ того, что бояре, получившіе участки земли въ этомъ мѣстѣ, освобождались отъ постоевъ и другихъ городскихъ повинностей.

Загородные дома въ Бѣломъ городѣ, не въ глубокую старину, еще были: *Я. А. Брюса* у Воскресенья на Вражкѣ, *С. С. Апраксина,* на Знаменкѣ, (***) *Графа Панина* въ Старогазетномъ переулкѣ, *Стрешневыхъ* на Дмитровкѣ (строенный архитекторомъ Бажено-

(*) Настоящія Мясницкія ворота, то есть зданіе ихъ, были каменныя, а створы ихъ—большіе, тяжелые, желѣзные; на ночь они затворялись, иногда запирались, а улицы загораживались рогатками; однажды, смотритель этихъ воротъ рапортомъ доносилъ своему начальству, что въ одну темную ночь ворота были неизвѣстно кѣмъ украдены; дѣлали поиски, но тщетно...

(**) Справочная книжка В. Пассека и Указатель Москвы, показывающій, по азбучному порядку, всѣ дома въ Москвѣ, кому они принадлежали, въ какой находились части, подъ какимъ номеромъ и пр. 1792 г.

(***) Замѣчательный огромностью своей домъ. Въ немъ находилась труппа Императорскаго Московскаго Театра, переведенная изъ дома *Позднякова;* потомъ Итальянская труппа, переведенная въ С.-Петербургъ, потомъ французская. Послѣ того онъ перестроенъ былъ для Александринскаго Института, нынѣ военная гимназія.

вымъ), *Воронцовыхъ*, (Университетская Клиника) на Рожественкѣ; послѣ этотъ домъ принадлежалъ *П. П. Бекетову*, мужу образованному, ревнителю отечественнаго просвѣщенія, другу знаменитыхъ своихъ современниковъ: Карамзина, Ивана Ивановича Дмитріева, и другихъ. У Бекетова была своя типографія и словолитня, кабинеты: Нумизматическій, Минералогическій и Зоологическій.

Наконецъ взглянемъ на современные намъ замѣчательные, существовавшіе и въ прошедшемъ столѣтіи, дома: *Пашкова* на Моховой, на горѣ, (нынѣ Румянц. музеумъ). Наружности своей онъ не измѣнилъ съ главнаго фаса, но многаго ужь не найдешь внутри сада его; прежде въ немъ былъ чистый, полный, какъ налитая чаша, прудъ, выстланный камнемъ, красивые боскеты, водометные фонтаны, пріютные гроты, сумеречныя пещеры и т. д. Многіе помнятъ, какъ по пруду плавали лебеди, ослѣпительной бѣлизны, важно расхаживали журавли по извилистымъ дорожкамъ, красовались пышные, радужные павлины разной породы, и курцъ-галопомъ скакали кролики. Любопытные стекались толпами къ красивой, прозрачной, чугунной рѣшеткѣ сада и ненаглядно смотрѣли на живыя диковинки его. Архитектура и мѣстность дома и теперь дивятъ еще собою даже иностранныхъ посѣтителей Москвы. Каковъ видъ съ бельведера этого дома! А какъ бывало эта гигантская игрушка нашей столицы, въ какой-нибудь торжественный день, сверкала въ плошкахъ и представляла собою гору, океанъ свѣта на землѣ, и взметывала зарево свое на небо.... То-то было зрѣлище!

Желающіе (изъ чистой публики) гуливали и въ саду князя Юсупова (у Харитонія въ Огородникахъ, что нынѣ рабочій домъ) несмотря на то, что самъ хозяинъ его былъ долго внѣ Россіи, посланникомъ при Сардинскомъ дворѣ.

Если вѣрить преданію глубокой старины, то кстати можно молвить, что около нынѣшнихъ Чистыхъ прудовъ, на Мясницкомъ бульварѣ, (прежде эти пруды назывались Погаными), былъ домъ перваго владѣтеля Москвы, боярина *Кучки;* ужъ этотъ домъ навѣрное былъ самымъ *загороднымъ*, и стоялъ на обширномъ пространствѣ, потому что города сѣверовосточной России были не въ близкомъ

разстояніи другъ отъ друга, тѣмъ болѣе отъ тогдашней раждавшейся Москвы-младенца.

Теперь перейдемъ къ дачамъ, садамъ, загороднымъ домамъ и къ нѣкоторымъ урочищамъ Землянаго города.

Земляной городъ изстари раздѣлялся собственно на *Земляной* и на *Замоскворѣчье*; я не исчисляю всѣхъ улицъ, составляющихъ эти части, а только указываю на нѣкоторыя урочища, находящіяся въ нихъ, которыя по чему нибудь достойны вниманія любознательныхъ людей. Теперь эти мѣста не считаются *загородными*, даже села, окружавшія Москву, вошли въ составъ ея: чтожъ будетъ еще, положимъ, хоть чрезъ полвѣка?

Земляной городъ (отъ Бѣлаго до Камеръ-коллежскаго вала) есть послѣдній, крайній поясъ нашей столицы; онъ окружаетъ со всѣхъ сторонъ прочія части ея. Улицы, составляющія Земляной городъ, встарину назывались слободами, напр. *Сущевская*, (*), *Бутырская* (солдатская), *Хамовническая*, *Мѣщанская*, *Кудрино*, *Конюшенная*, *Бронная*, *Патріаршая*, *Огородная*, *Садовничья* и т. д. Всѣ эти названія показываютъ или ремесло своихъ бывшихъ поселенцевъ, или большіе пустыри, обращенные нѣкогда въ сады, огороды, луга и даже въ цѣлыя рощи, а теперь застроенные домами. Большая часть этихъ слободъ принадлежала царственнымъ особамъ, нѣкоторыя боярамъ, а нѣкоторыя архіереямъ и монастырямъ, потому что во многихъ мѣстахъ находились подворья ихъ. Извѣстно, какъ многіе монастыри постепенно (до временъ Петра 1-го) увеличивали владѣнія свои отъ пожертвованій В. Князей, именитыхъ бояръ и богатыхъ гостей или почетныхъ купцовъ: многія тысячи душъ принадлежали монастырямъ; какъ вассалы, они работали въ пользу ихъ или платили имъ положенный оброкъ, а митрополиты, особливо св. Петръ, имѣли собственный свой большой штатъ, дворцы и даже свою стражу или охранное войско, вѣроятно, заимствуя эту пышность отъ Грековъ, и конечно не по наклонности къ ней, а по обычаю и требованію тогдашняго времени.

По ту сторону Москвы-рѣки, въ Землямъ городѣ, находились сло-

(*) Данная В. К. Іоанномъ Васильевичемъ сыну своему.

боды: *Кадашевская*, *Толмацкая*, *Стрѣлецкая* и пр. Тамъ же первоначально находилась и *Нѣмецкая слобода* (*), (близъ Спаса, что въ Наливкахъ), также слобода *Татарская* изстари, потому что Татары селились, большею частію, близъ тѣхъ концовъ Москвы, въ которые они въѣзжали изъ орды своей; баскаки же ихъ, вытѣсненные изъ Кремля (**), а послѣ изъ Китая города, переселялись къ землякамъ своимъ; наконецъ, по уничтоженіи владычества Татаръ и по принятіи ими подданства Россіи, они обжились тамъ, какъ дома, какъ въ своемъ отечествѣ, настроили мечетей, благодаря вѣротерпимости нашихъ государей, и разселились по другимъ смежнымъ и дальнимъ улицамъ, давъ имъ и свои названія, напр. *Ордынка*, *Берсеневка*, *Балчугъ*, *Таганка*, *Басманная* и т. д. (***).

И въ Замоскворѣчьѣ, вѣроятно, находился нѣкогда боръ, судя по храму *Іоанна Предтечи, что на бору* (выстр. въ 1675 г., перестр. въ 1758 г.).

Нѣкоторыя земли и въ Москвѣ оставались долго еще принадлежностію монастырей: напр. *Калужская площадь*, теперь отчасти застроенная, принадлежала Данилову монастырю; на ней были пашни и огороды; потомъ она перешла во владѣніе ямщиковъ; московскій градоначальникъ, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, въ 1789 году, сдѣлалъ это мѣсто площадью, а ямщикамъ отдалъ въ замѣнъ другія, окрестныя земли. *Болотная площадь*, на которой теперь торгуютъ хлѣбомъ, была мѣстомъ казни Пугачева и другихъ преступниковъ.

Кромѣ исчисленныхъ слободъ, въ Земляномъ городѣ были еще ямскія слободы: *Коломенская*, *Дорогомиловская*, *Тверская*, *Пере-*

(*) Чужестраннымъ выходцамъ отведена была земля въ Москвѣ еще въ 1652 г.

(**) При В. К. Іоаннѣ Вас. III, супругою его Софіею Ѳоминичною, которая, посредствомъ подарковъ, посланныхъ къ татарскому хану, выхлопотала дозволеніе построить церковь въ Кремлѣ, на мѣстѣ татарскаго подворья, въ которомъ жили *Баскаки*—надсмотрщики и *Темники*—собиратели дани съ русскихъ.

(***) Полагаютъ, что Басманная (старая и новая) была отчиною боярина Басманова, современника Бориса Годунова и Лжедимитрія.

яславская и *Рогожская* (*) (нынѣ улицы). Онѣ были населены одними ямщиками, имѣвшими повинность содержать почтовую гоньбу; теперь этотъ классъ людей составляетъ также городскихъ обывателей, какъ и прочіе. Еще и теперь видимъ мы въ этой отдаленной части города остатки садовъ, огородовъ, полей и луговъ, прудовъ и старинныхъ, затѣйливыхъ барскихъ домовъ.

Теперь взглянемъ на казенныя урочища, а тамъ на частныя, какъ на мѣста гуляній и разныхъ увеселеній.

Разгуляй, у Елохова моста. Этотъ мостъ сдѣланъ надъ ручьемъ, протекающимъ изъ колодцевъ (**), черезъ Каланчевское поле, (полагаютъ, не изъ-подъ *ели* ли вытекалъ этотъ ручей, по этому будто и мостъ названъ *Елоховымъ*); тамъ, на распутьѣ четырехъ дорогъ, стояло «кружало»: подобныя заведенія всегда устроивались и устраиваются, по большой части, на распутьяхъ дорогъ, на площадяхъ, и близь заставъ; наискось отъ огромнаго дома Мусина-Пушкина, (нынѣ вторая гимназія) съ садомъ и прудами, встарину (***) находился извѣстный гулякамъ трактиръ, соперничествовавшій съ извѣстнымъ въ то время цареградскимъ трактиромъ, находившимся въ Охотномъ ряду, (въ нынѣшнемъ домѣ купца Алексѣева). Кто хотѣлъ предаться гульбѣ втихомолочку, не слишкомъ гласно, особенно жители Замоскворѣчья, купеческіе дѣтки, держимые въ то время круто своими родителями, да и сами-то родители, вечеркомъ, заперевъ свои лавки и собравшись веселой компаніей кутнуть, ѣхали

(*) Иначе назывались они: *далекіе концы*, потому что за ними начинались уже поля и рощи, а послѣ устроенъ былъ валъ и выстроены заставы (1780 г.). Нынѣшняя *Проломная* застава прежде называлась просто *Проломомъ*, близь Екатер. дворца, гдѣ прежде была придворная дневальная и конной гвардіи караульная конюшня. Чрезъ *Симоновскую* заставу ѣздили въ подмосковное село Коломенское и до деревни *Тухоли* (не тамъ ли, гдѣ *Тюфелева* или *Тюхтелева* роща?) за *Симоновской* заставой и за *Лизинымъ прудомъ*, гдѣ содержались дворцовые соколы.

Описаніе Москвы Рубана, собранное въ 1775 г.

(**) Близъ станціи желѣзной дороги.

(***) Т. е. въ дѣдовскія времена, въ послѣдней половинѣ прошедшаго столѣтія.

на *Разгуляй*, въ помянутый трактиръ, какъ въ отдаленный уголъ Москвы, гдѣ ихъ другіе посѣтители трактира не знали; для подобной чтимой компаніи, разумѣется, по расточительности ея, находились тамъ особенныя, уютныя комнаты; но несмотря на это, иногда бывали тамъ, по разсказамъ современниковъ, водевильныя сцены, напр. неожиданныя встрѣчи отцовъ съ сыновьями, хозяевъ съ прикащиками, и т. д.

Пировали тогда оглушительно шумно, пили богатырски; къ услугамъ пировавшихъ являлись тамъ гуслисты, торбанисты, пѣсельники: музыкальныхъ машинъ въ то время не было, и часы съ музыкой (съ курантами) считались тогда за рѣдкость: обыкновенно стѣнные часы мастерили въ то время съ кукушкой; а къ полному разгару удовольствій посѣтителей трактира, являлись цыганки ворожеи, цыганки солистки и цыганки, составлявшія заказный, пронзительный хоръ. Окна трактира запирались ставнями или занавѣшивались сторами, и гуляки пировали отъ зори до зори. Начиная съ осеннихъ вечеровъ до Святой недѣли, трактиръ на Разгуляѣ кипѣлъ народомъ; къ тому же, черезъ это мѣсто совершались праздничныя, многолюдныя зимнія катанья въ Покровское.

Тогда еще не было такихъ затѣйливыхъ вывѣсокъ на трактирахъ, какъ теперь (*), а географіи и подавно не учились по трактирнымъ надписямъ, напр. не знали, что *Амстердамъ* находится подлѣ *Константинополя*, а *Парижъ* на перепутьѣ къ *Китаю*, и т. д.

Самотека или *Протека*, образовавшаяся изъ рѣчекъ Напрудной и Неглинной. Есть преданіе, что 1-го августа, дѣти Пушкарей, жившихъ въ Пушкарской слободѣ, (что у Сергія на Трубѣ), ходили на Самотеку, гдѣ устроена была въ тотъ день Іордань, въ бѣлыхъ одеждахъ, и составляли своего рода процессію, которая отправлялась съ пушечною пальбою. Кромѣ того, черезъ это мѣсто ходили въ Семикъ на *тюльку*, въ Марьину рощу, а нѣкоторые оставались тутъ же завивать и бросать вѣнки въ воду (это было своего рода га-

(*) Художникамъ и мастерамъ дозволено имѣть вывѣски на главныхъ улицахъ Москвы, въ 1770 г.

данье), а возвращаясь съ поминокъ съ Лазарева кладбища (въ праздникъ мертвыхъ), здѣсь было обыкновеніе обмывать руки. (*).

Окрестности Самотеки, съ одной стороны, (съ лѣвой отъ Трубы) представляли поля и сады, а далѣе находилось поселеніе *воротниковъ* (**). Съ другой стороны граничили окрестности Самотеки съ мѣщанскими и пушкарскими слободами (***) Мѣщанская слобода получила свое названіе въ 1671 г. въ то время, когда, по указу царя Алексѣя Михайловича, отведено было тамъ мѣсто для заселенія мѣщанамъ, а до того времени называлась она *Троицкою слободою*, а съ самаго начала *Неглинною*, подлѣ села *Напруднаго*, существовавшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится церковь св. Трифона муч., и указано было всякое хоромное строеніе оттуда снести, мѣста очистить и строить мѣщанамъ свои дворы; изъ всѣхъ черныхъ слободъ перемѣстить мѣщанъ въ эту новомѣщанскую слободу и сбирать отъ нихъ въ житьѣ поручныя записи.

Троицкому же монастырю дано было во владѣніе подворье (нынѣшнее Архіерейское) еще при В. Князьяхъ; оно простиралось до самаго нынѣшняго Землянаго города и по другую сторону рѣки Неглинки на 174 саж. На этомъ мѣстѣ изстари поселены были разные люди Троице-Сергіевскаго монастыря, отъ которыхъ и бывшая Неглинная слободка получила свое названіе; но послѣ того, когда

(*) Во время Литовскаго погрома имѣли по рѣчкамъ Неглинной и Напрудной свои дачи въ смежности съ Троицкимъ подворьемъ: Князь Телятевскій, Козловскій, окольничіе: Бутурлинъ, Оладьинъ и другіе. *Описаніе Троицкой церкви свящ. Орлова. 1844 г.*

(**) *Воротники* жили сперва (до 1658 г.) въ земляномъ городѣ у *Пимена*, что *въ старыхъ воротникахъ*, но какъ на то мѣсто, по указу Ц. Алексѣя Мих. поселились стрѣльцы, то воротникамъ и отвели мѣсто, ближе къ Сущеву, гдѣ они и построили на свой коштъ церковь *Новаго Пимена*, и это мѣсто назвалось *Новыми воротниками*. *Воротниками* называли надзирателей за городскими воротами, у которыхъ находились и ключи отъ нихъ, которыми они запирались на ночь.

(***) Близъ Самотеки и Садовой улицы существуетъ Волхонской переулокъ; тамъ было нѣсколько домовъ кн. Волхонскаго и обширный садъ.

поляки разорили Москву, большая часть земли, принадлежавшей Троицкому подворью, застроена была разными обывателями, и поступила въ казну; за Лаврой осталось только 7 десятинъ и 25 квадратныхъ саженъ. Здѣсь лѣпились разныя мелкія хибаренки, а большая часть земли была засѣяна огородными овощами. Въ 1743 г. хоромное строеніе, стоявшее на этомъ подворьѣ середи двора, сгорѣло, преосвященный Арсеній Ларскій, вмѣсто сгорѣвшаго дома, построилъ близъ того мѣста небольшой деревянный (который уже въ 1777 г., по причинѣ ветхости, разобранъ); въ 1759, на иждивеніе Троицкой Лавры, построенъ былъ на томъ мѣстѣ каменный домъ вчернѣ, о двухъ жильяхъ, который отстроился уже въ 1766 г. по именному указу, данному коллегіи экономіи; этотъ домъ, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, видимъ мы теперь (старин. путеводит. Москвы).

При Императрицѣ Екатеринѣ II-й, на мѣщанскихъ улицахъ было много казенныхъ домовъ: *Инвалидный*, подъ вѣденіемъ Приказа общественнаго призрѣнія; учрежденъ по повелѣнію императрицы, въ 1779; въ немъ помѣщались заслуженные штабъ и оберъ-офицеры. *Екатерининская больница*, устроенная въ 1775 г. на 150 человѣкъ, возлѣ нея, въ 4-й Мѣщанской, полицейская больница, богадѣльня и рабочій для лѣнивцевъ мужескаго пола домъ, т. е. для праздношатавшихся (*).

Пушкарскія слободы получили свое названіе отъ стрѣльцовъ пушечниковъ, артиллеристовъ тогдашняго времени, поселившихся на отведенномъ имъ мѣстѣ близъ церкви *Сергія Пушкарей* (**) (по указу царя Алексѣя Михайловича); сверхъ того, тамъ находился древнѣйшій литейный заводъ. Главное управленіе въ Россіи артил-

---

(*) А для праздношатавшихся женскаго пола, устроенъ былъ работный домъ, за Калужской заставой, въ бывшемъ Андреевскомъ монастырѣ, гдѣ нынѣ мѣщанская богадѣльня.

(**) Близъ Неглинныхъ прудовъ придѣльная церковь, какъ значится по писцовымъ книгамъ, построена была прежде деревянная, въ 1662 г., но въ 1684 г. каменная. Изъ писцовыхъ книгъ видно еще, что на этомъ мѣстѣ около половины 17-го стол.- былъ колокольный заводъ, едвали не первый въ Москвѣ.

леріею называлось *Пушкарскимъ* приказомъ; въ 1659 г. поступили въ его вѣденіе всѣ укрѣпленія, заведенныя на границахъ государства (засѣчное дѣло), и съ того времени, по 1802 г. инженерная часть почти постоянно управляема была вмѣстѣ съ артиллеріею. Пушкарскій приказъ названъ при Петрѣ I-мъ (1711 г.) *Приказомъ артиллеріи*, потомъ (1720 г.) *главною артиллеріею;* впослѣдствіи учреждена была особая контора фортификаціи; въ 1726 г. образована *военная сухопутная коллегія*, къ которой причислена была и артиллерійская канцелярія, подъ названіемъ *артиллерійскаго департамента;* въ 1797 г. всѣ департаменты, въ томъ числѣ и артиллерійскій, названы *Экспедиціями военной коллегіи*, а въ 1802 г. артиллерійская экспедиція раздѣлена была на двѣ особыя экспедиціи: на *артиллерійскую* и *инженерную* (*).

Аптекарскій ботаническій садъ былъ подъ вѣденіемъ медицинской конторы; тамъ дѣлались разные инструменты. Онъ основанъ при Петрѣ I-мъ. Этотъ садъ устроенъ по большой части изъ Измайловскихъ цвѣтниковъ; но онъ былъ мѣстомъ гулянья только для избранныхъ, т. е. для любителей ботаники и ученыхъ. Въ вѣденіе университета поступилъ онъ уже въ позднѣйшія времена.

Прѣсненскіе пруды. Они были вырыты въ 1683 г. патріархомъ Іоакимомъ. Эти пруды получили свое названіе, вѣроятно, отъ рѣчки *Прѣсни.* Макаровъ, въ своихъ русскихъ преданіяхъ, утверждаетъ, что это названіе произошло отъ слова *пріѣздня*; въ Москву, чрезъ Кремль, еще при В. Князьяхъ, пріѣзжали гости Новгородскіе, смольяне, нѣмцы и свейскіе, т. е. шведскіе люди, и имъ не давали мѣста для стоянки до тѣхъ поръ, пока не условлено было, какъ и гдѣ имъ стать; безъ осуды святительской и безъ разрѣшенія В. Князя чужестранцы не въѣзжали въ Москву. Для пріѣзжихъ гостей была *пріѣздная слобода*, тамъ спрашивали у заѣзжаго гостя, за чѣмъ онъ прибылъ въ такую дальнюю сторону? Къ В. Князю Московскому доступъ былъ не совсѣмъ свободенъ. Въ послѣдствіи времени *Пріѣздная слобода* отдана была во власть Грузинскимъ царевичамъ, за ихъ усердную службу Московскимъ Государямъ, со

(*) Энцикл. лекс.

всѣми приселками ея; основываясь на этомъ, производятъ слово *Прѣсня* отъ слова *пріѣздня*.

А вотъ историческій фактъ: на Прѣснѣ былъ разбитъ станъ царя Михаила Ѳеодоровича, когда онъ встрѣчалъ возвратившагося изъ польскаго плѣна родителя своего, Патріарха Филарета Никитича. Трогательно было свиданіе ихъ послѣ долгой разлуки: бывшій именитый русскій бояринъ, родственникъ русскихъ Царей, Патріархъ Фпларетъ, самоотверженно перенесшій столько переворотовъ въ жизни своей, томившійся въ тяжкомъ плѣну, но не измѣнившій отечеству, уѣзжая въ Польшу плѣнникомъ, покинулъ сына своего дитей, а по возвращеніи въ Москву, обнималъ могучаго русскаго Царя, по опредѣленію Божію единогласно избраннаго, не только Московскими властями, но и представителями почти всѣхъ дальнихъ концовъ Россіи.

Видъ съ Прѣсненскихъ прудовъ прекрасенъ; тамъ, стоя на мосту, нѣкогда кормили калачами завѣтныхъ и жирныхъ карповъ царскаго пруда; оттуда любовались, и теперь могутъ, кому угодно, любоваться съ него діорамою нашей столицы. Прѣсненскіе пруды устроилъ, т. е. развелъ тамъ садъ, П. С. Валуевъ, бывшій Президентъ Кремлевской Экспедиціи. Императоръ Александръ Павловичъ, пріѣзжая въ Москву, любилъ прогуливаться по Прѣсненскимъ прудамъ. Многіе помнятъ прежнія прекрасныя гулянья на Прѣсненскихъ прудахъ: экипажи гулявшихъ тянулись отъ Кудрина вплоть до Прѣсненской заставы; на прудахъ гремѣла музыка; московская аристократія толпилась по дорожкамъ, около державнаго посѣтителя Прѣсненскихъ прудовъ; по прудамъ рѣзво носились разукрашенныя шлюпки; у домовъ, находившихся близь прудовъ, отворены были окна; черный народъ зыбкой стѣной стоялъ у рѣшетки прудовъ; вся Прѣсня тогда кипѣла жизнію.

Вaксалъ (*). Онъ находился близь Рогожской заставы и Дурнаго переулка, параллельнаго съ Алексѣевскою улицею; о существованіи

(*) Слово Англійское, знач. большой залъ, домъ, куда собираются для разнаго, публичнаго пріятнаго препровожденія времени. Теперь мѣсто, занимаемое воксаломъ, принадлежитъ рогожскимъ ямщикамъ и большею частію застроено домами; онъ уничтоженъ послѣ 1812 г.

его свидѣтельствуютъ до сихъ поръ переулки въ той сторонѣ, называемые 1-й, 2-й и 3-й *воксальные* (недалеко отъ *Чертова* переулка); при воксалѣ былъ довольно помѣстительный регулярный садъ; воксалъ собственно состоялъ изъ общаго большаго зданія и нѣсколькихъ домиковъ; въ главномъ зданіи была большая зала для публичнаго собранія благородныхъ посѣтителей и для танцевъ; тамъ для баловъ, концертовъ и театральныхъ представленій назначены были два дня въ недѣлю.

Воксалъ содержалъ извѣстный спекуляторъ тѣхъ временъ, Медоксъ. Въ концѣ прошедшаго столѣтія воксалъ посѣщала многочисленная публика; кареты пріѣзжавшихъ туда особъ стояли даже за заставой. Лѣтомъ въ воксалѣ пускали шары, и однажды, очень эффектный, въ темный вечеръ съ огоньками (*). Въ воксалѣ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, гулялъ и шведскій плѣнный адмиралъ; на это событіе еще написаны были стихи:

Умы дамски помутились,
У нихъ головы вскружились,
Какъ узнали, что въ воксалъ
Будетъ Шведскій адмиралъ, и т. д.

Кажется, наши бабушки, хотѣли его взять въ плѣнъ въ другой разъ.

Нескучное. Оно находится близь Донскаго монастыря. Въ этой сторонѣ были три загородные дома, и при нихъ прекрасные сады; *Орловскій*, *Голицынскій* (**) и *Нескучное*, прозванное такъ потому, что въ саду *Нескучномъ* никому не должно было быть *скучно:* это въ переводѣ значило: *скучай*, только *не будь скучнымъ*,

---

(*) Прежде того кто-то летѣлъ въ шару съ Крутицъ, съ фейерверкомъ, и чуть не сгорѣлъ; онъ опустился въ Царицынѣ, едва не въ прудѣ, и тамъ чуть не утонулъ.

(**) Князь Алекс. Мих. Голицынъ, исполняя завѣщаніе роднаго брата своего, кн. Дмит. Мих., торговалъ Нескучное и Голицынскій садъ для устроенія больницы, но это дѣло не состоялось; мѣсто для теперешней Голицынской больницы было куплено (въ 1794 г.) у бароновъ Строгоновыхъ, чрезъ посредство тогдашняго главнокомандующаго, князя А. А. Прозоровскаго.

въ отношеніи къ окружавшимъ тебя на гуляньѣ, потому что скука, какъ и зѣвота, заразительны.

Нескучный садъ принадлежалъ князю Трубецкому; послѣ его купилъ кн. Шаховской, а у него уже казна; въ *Нескучномъ* саду дѣйствительно трудно было соскучиться; въ немъ, кромѣ дикихъ красотъ природы, можно было насмотрѣться на великолѣпные фейерверки, наслушаться музыки и пѣсельниковъ; въ послѣдствіи времени, въ 20 годахъ текущаго столѣтія, тамъ было лѣтнее отдѣленіе Имп. Моск. театра (до открытія подобнаго театра въ Петровскомъ паркѣ); это былъ настоящій воздушный театръ, безъ крыши; тамъ зонтомъ для публики былъ небесный сводъ, и потому иногда, во время дождя, среди театральнаго представленія, происходилъ тамъ ужасный переполохъ, и тогда *дѣйствующія лица* обращались въ зрителей, глядя на публику, или прямо со сцены, или сквозь отверстія кулисъ, а зрители, на-оборотъ, представляли разныя комическія сцены, стараясь защищаться или укрыться отъ дождя. Въ числѣ принадлежностей этого театра была тамъ и кофейня, которую содержалъ Борегаръ; но это относится уже къ нашему времени.

Близъ Нескучнаго сада были загородные дома: генералъ-аншефа, кн. Вас. Мих. *Долгорукаго-Крымскаго*, называемый *Васильевскимъ*; но особенно, по многимъ отношеніямъ, славны были домъ и садъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго; противъ дома его устроенъ былъ на большое пространство бѣгъ; барьерами или границами этого бѣга, вмѣсто столбовъ, служили ребра кита, вышиною въ 4 аршина каждое. Въ назначенные дни для бѣга почтенный хозяинъ сидѣлъ съ многочисленными гостями своими на широкой террасѣ и смотрѣлъ на славныхъ, быстрыхъ рысаковъ и скакуновъ своихъ; охотники до подобнаго удовольствія выставляли туда и своихъ лошадей; тамъ вихремъ мчались питомцы Дона и Урала, куцыя англійскія лошади и кровныя арабскія. Тамъ охотники держали дорогія пари на выигрыши; но побѣды оставались, большею частію, за побѣдителемъ турокъ, славнымъ героемъ Чесменскимъ. Отличный конскій заводъ его былъ извѣстенъ и въ чужихъ краяхъ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ не только не отказы-

валъ въ гулянье въ своемъ саду всѣмъ посѣтителямъ, но еще радушно исполнялъ долгъ гостепріимства, даже и для незнакомыхъ, по старинному обыкновенію старинныхъ русскихъ бояръ; онъ былъ извѣстный хлѣбосолъ.

Разумовскій садъ (на Гороховомъ полѣ). Домъ и садъ графа Разумовскаго тоже были почти *загородными*; домъ, (гдѣ теперь помѣщается малолѣтное отдѣленіе воспитанниковъ Воспитательнаго дома и фельдшерская школа) замѣчателенъ постройкой своей; онъ выстроенъ изъ брусчатаго лѣса (*), а потому-то, несмотря на давнишнее существованіе свое, до сихъ поръ стоитъ молодцомъ; садъ и рощи, находящіеся при немъ, прежде были гораздо обширнѣе, (въ 3 съ полов. версты); посреди ихъ излучисто протекаетъ Яуза. Садъ графа Разумовскаго граничилъ съ садомъ Михаила Никитича Демидова (**), который не уступалъ ему въ обширности, заключалъ въ себѣ чудные гроты, убранные раковинами, и былъ обнесенъ красивыми чугунными рѣшетками; иногда отворяли ворота и этого сада, и такимъ образомъ соединяли два большіе сада для гулянья публики. Чтобы обойти ихъ хотя одинъ разъ, много было нужно времени; чего тамъ не было: фейерверки, музыка, иллюминація, даже цѣлые луга для сѣнокоса, лучшая Московская публика и роскошное угощеніе хлѣбосольнаго хозяина. Сѣнокосъ въ Разумовскомъ саду представлялъ собою настоящій дивертисманъ: нѣсколько десятковъ мужиковъ, рослыхъ, красивыхъ парней въ бѣлыхъ рубахахъ, съ красными ластовицами, въ одинаковыхъ поярковыхъ шляпахъ, съ воткнутыми въ нихъ павлиньими перышками, дружно размахивали свѣтлыми полосами косъ своихъ и пѣли какую нибудь пѣсню; а бабы и крестьянскія дѣвки, въ цвѣтныхъ кумачныхъ сарафанахъ и въ кичкахъ съ дробницами изъ стекляруса, или повязанныя по

(*) Другой домъ подобной постройки, изъ брусчатаго лѣса, принадлежалъ генералъ-адъютанту Л. А. Перовскому, возлѣ Басм. част. дома; онъ недавно проданъ.

(**) Бывшій домъ Трудолюбія, нынѣ Елисаветинскій Институтъ, на Гороховомъ полѣ; онъ пожертвованъ въ казну; а домъ извѣстнаго богача и благотворителя, Пр. Ак. Демидова находился за Москвой-рѣкой.

дѣвичьи алыми платками, сгребали сѣно; по окончаніи трудовъ, ихъ ожидало своего рода угощеніе; а послѣ они водили хороводы на скошенномъ лугу. Вотъ былъ настоящій деревенскій праздникъ въ городѣ, да еще въ столичномъ!

Корсаковъ садъ, названный эрмитажемъ. Замѣтимъ кстати, что это названіе не соотвѣтствовало его назначенію: эремитъ, (слово греческое) значитъ *пустынникъ*; въ I вѣкѣ христіанства, такъ называли христіанъ, удалившихся въ пустыню, для избѣжанія гоненій отъ язычниковъ, и для посвященія себя Богу; еще ихъ называли *анахоретами* и *аскетами* (отсюда происходитъ и слово *скитъ*); эрмитажъ значитъ *пустынька*, но нашъ эрмитажъ не былъ пустынькой. Екатерина II, избравъ въ своемъ дворцѣ особое отдѣленіе, назвала его *Эрмитажемъ*; она удалялась туда отдохнуть отъ многотрудныхъ царственныхъ занятій своихъ и проводила тамъ время въ разныхъ забавахъ только съ *избраннымъ* обществомъ. Въ XVII столѣтіи это мѣсто принадлежало Воскресенскому монастырю, а въ XVIII дворянину Пушкину; въ концѣ же этого столѣтія купилъ его В. Ив. Нелидовъ (директоръ соляной конторы). По кончинѣ его, въ 1818 г., купилъ его московскій генералъ-губернаторъ А. П. Тормасовъ; онъ владѣлъ имъ только два года и скончался; сынъ его продалъ это мѣсто ген.-м. Ив. Ник. Римскому-Корсакову, въ 1824 г. Наконецъ перешелъ онъ во владѣніе г. Любенкова, въ 1839 г. (*). При г. Корсаковѣ садъ сдѣлался мѣстомъ публичнаго гулянья, съ того времени, когда поступилъ садъ во владѣніе г-на Корсакова; тогда онъ не раздѣлялся, какъ теперь, заборомъ на два сада и не былъ мѣстомъ спекуляцій оборотливыхъ людей; лучшая часть его, теперь недоступная для публики, была роскошно убрана цвѣточными клумбами, и большими вазами, въ которыхъ нѣжились разныя тропическія растенія, а въ тѣнистыхъ аллеяхъ его, во весь ростъ, стояли бюсты царей русскихъ; между ними замѣчательны были бюсты Императрицы Екатерины II-й, въ особо устроенномъ храмѣ, и Императора Александра I-го, мраморный, на высокомъ пьедесталѣ. Въ другой аллеѣ, въ лиственныхъ нишахъ,

(*) Опис. Троицк. церкви свящ. Орлова.

красовались разныя миѳологическія фигуры своею античною красотою. Далѣе высились лѣтнія горы, и наконецъ, въ желѣзной клѣткѣ, сидѣлъ большой орелъ и недалеко отъ него прогуливалась большая обезьяна на цѣпи; на прудахъ носились лодки. Музыка у г. Корсакова была собственная; въ царскіе дни садъ былъ ярко иллюминованъ и въ немъ бывали богатые фейерверки; всѣми этими забавами *почтеннѣйшая публика* пользовалась gratis; билетомъ для входа въ Корсаковъ садъ былъ только приличный костюмъ. Близь этого сада, на мѣстѣ нынѣшнихъ институтовъ: Екатерининскаго, Александровскаго и Маріинской больницы, находилась дача Императрицы Маріи Ѳеодоровны, незабвенной благотворительницы безродныхъ сиротъ.

Около Трехгорной заставы, въ началѣ текущаго столѣтія, бывало гулянье на *Гагаринскихъ прудахъ* (гдѣ нынѣ Общество Садоводства); тамъ, извѣстный въ свое время композиторъ Дицъ, дерижировалъ музыкою, тамъ въ первый разъ игралъ онъ, положенную имъ на музыку пѣснь Ив. Ив. Дмитріева: *Стонетъ сизый голубочикъ*; Ив. Ив. написалъ къ Дицу:

О, коль меня ты восхитилъ,
Что голубка ты воскресилъ. (*).

Домъ и садъ Остермана (нынѣ Московская семинарія). При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ это мѣсто принадлежало тестю его, боярину Лукѣ Степ. Стрѣшневу; оно было также загородное. Изъ наслѣдниковъ его (при Петрѣ I мъ) Ив. Ив. Стрѣшневъ выдалъ дочь свою замужъ за гр. Андр. Ив. Остермана, и впослѣдствіи времени, это мѣсто поступило во владѣніе Остермановъ. (**). Для семинаріи онъ купленъ въ 1834 г. (за 100 тыс. руб. ассиг.). Многимъ памятенъ топкій и непроходимый пустырь, бывшій около этихъ мѣстъ, заваленный костями разныхъ животныхъ (это была кондитерская для собакъ). Пустырь отдѣлялъ помянутый садъ отъ Бѣлаго города. Екатерина II обвела разроставшуюся и тогда уже Москву Землянымъ валомъ, который увѣковѣчилъ имя *камеръ-коллегіи*, наблю-

(*) *Преданіе современника.*
(**) Губернск. Вѣдом. 1828 г.

давшей за устройствомъ его. Встарину, около Самотеки находился Дровяной рынокъ и бани; впослѣдствіи около теперешнихъ институтовъ: Екатерининскаго и Александровскаго начали лѣпиться дома и домики неправильнымъ наростомъ; наконецъ ихъ сломали и разбили тамъ паркъ. На мѣстѣ нынѣшняго Цвѣтнаго бульвара былъ также прудъ, изъ котораго образовали канаву, находящуюся и донынѣ подъ настилкой утромбованной бульварной дороги.

Къ тогдашнимъ загороднымъ, но не къ *заставнымъ* лѣтнимъ гуляньямъ принадлежала *дача Брюса*, (послѣ графа Растопчина, нынѣ г. Митькова), находящаяся на Сокольничьемъ полѣ; ее посѣщали приглашенные, но она не была чужда и для прочей публики, потому что мѣстность и устройство ея были прекрасны. Послѣ 1812 г., особенно послѣ смерти своего памятнаго для Москвы хозяина, эта дача, къ сожалѣнію, стала клониться къ упадку.

По сосѣдству съ этой дачей находится *Сокольничье поле*; оно опредѣлено было для маневровъ: нынѣшнія разныя постройки еще не занимали тогда огромнаго пространства его. Самый замѣчательный случайный праздникъ на Сокольничьемъ полѣ былъ въ 1801 г., сентября 15-го, въ коронацію Императора Александра Павловича; тогда на Сокольничьемъ полѣ было большое народное угощеніе.

Въ это памятное для многихъ время, на Сокольничьемъ полѣ продолжалось гулянье три дня; народъ отъ всей души потѣшался даровыми забами: тамъ скрипѣли качели разнаго рода и съ нихъ раздавались звуки пѣсенъ и гудковъ, комедіи представляли своего рода позорище; фокусъ-покусы, райки, неугомонные паясы, вертящіяся маріонетки, дребезжанье барабановъ, восторженныя восклицанія, и наконецъ гулъ колоколовъ Московскихъ,—все это выражало безпредѣльное ликованіе Москвы; всѣ были такъ радостны, веселы, довольны. На ту пору и погода, какъ нарочно для этого времени, стояла прекрасная; солнце ярко горѣло на небѣ, несмотря на осень; экипажи гулявшихъ длинною цѣпью тянулись по Сокольничьему полю; пѣшеходы, разодѣтые по праздничному, толпились въ разныхъ направленіяхъ, восторженно поздравляя другъ друга съ радостнымъ

событіемъ. Кто видѣлъ подобное зрѣлище, тотъ никогда его не забудетъ.

Дѣвичье поле. Кромѣ монастырскаго гулянья, бывшаго и бывающаго 28 іюля и въ пятницу на Святой недѣлѣ, на *Дѣвичьемъ полѣ* часто зимой бывали катанья, а лѣтомъ, по воскресеньямъ, охотники дѣлали иногда тамъ *сàдки* (*), т. е. по ихъ техническому выраженію, сажали зайцевъ и травили ихъ борзыми собаками. Еще въ глубокой древности на *Дѣвичьемъ полѣ* были смотры войска и своего рода маневры (**). Въ концѣ прошедшаго столѣтія, извѣстный магикъ Пинетти устроилъ тамъ амфитеатръ и показывалъ въ немъ свои дивные фокусы. Однажды онъ хотѣлъ съ того мѣста летѣть на аэростатѣ; по этому случаю собралось на Дѣвичье поле множество народа, но почему-то не сбылось общее ожиданіе; шаръ былъ закрытъ дощатымъ заборомъ; къ нему приступилъ народъ съ нетерпѣливыми вопросами: скоро ли, скоро ли?—«Шаръ надуваютъ» отвѣчали имъ; но это *надуванье* продолжалось нескончаемо, потому что Пинетти *надувалъ* народъ, а не шаръ.

Бекетова дача. Она находится около Симонова монастыря; это укромный уголокъ, гдѣ живалъ лѣтомъ и гдѣ умеръ отшельникомъ добрый *П. П. Бекетовъ*, русскій археологъ и ученый. Эта дача еще замѣчательна тѣмъ, что туда къ нему пріѣзжали дружески бесѣдовать съ нимъ наши литераторы: Карамзинъ, Ив. Ив. Дмитріевъ, Малиновскій и другіе.

Ив. Ив. Дмитріевъ писалъ о Бекетовѣ:

Воспитанникъ любви и счастія богини,
Онъ сердца своего отъ нихъ не развратилъ;
Другихъ обогащалъ, а самъ какъ стоикъ жилъ,
И умеръ посреди безмолвныя пустыни.

Кстати, далѣе, за Бекетовой дачей, въ сумрачной Тюхтелевой

(*) Послѣ садка была переведена за Тверскую заставу, къ бывшей тамъ медвѣжьей травлѣ, въ 20 годахъ текущаго столѣтія.

(**) Тамъ въ 1610 г. авг. 27 была присяга сыну польскаго короля, Владиславу; на полѣ поставлены были 2 богатоубранные шатра и при нихъ 2 алтаря; туда сошлись духовные сановники съ хоругвями и крестами, и большіе толпы народа.

рощѣ, остались слѣды также памятнаго человѣка Львова, поэта, механика и извѣстнаго остряка (*), съ которымъ былъ друженъ Державинъ; за Тюхтелевой рощей виднѣется деревня *Кожухово;* тамъ нашъ Великій Петръ, бывши еще отрокомъ, игралъ, учился стрѣлять и брать крѣпости.

Повсюду сколько воспоминаній!...

Теперь исчислимъ еще нѣсколько загородныхъ дачъ и домовъ на Земляномъ городѣ, хотя не столько замѣчательныхъ и памятныхъ, какъ вышеописанные, но все-таки любопытныхъ для охотниковъ до старины, особенно Московскихъ жителей.

Нѣкоторые загородные дома съ садами были на Яузѣ, близь нынѣшняго дома бывшаго Усачева, нынѣ г. Хлудова Г. Ив., который стоитъ на видномъ высокомъ мѣстѣ. У Троицкой или Крестовской заставы до сихъ поръ остались еще слѣды загороднаго дома *Пашкова*, съ садомъ и оранжереями; на Прѣснѣ, на Средней улицѣ, въ приходѣ Іоанна Предтечи, былъ загородный домъ князя Ивана Петровича *Прозоровскаго*, съ садомъ и оранжереями (**); подъ Дѣвичьимъ, въ приходѣ Саввы Освященнаго, находился загородный домъ секундъ-маіора кн. Ник. Серг. *Долгорукаго*, разумѣется, также съ садомъ; въ Хамовникахъ, въ приходѣ Николая Чудотворца, въ 4-й части (***) загородный домъ генеральши *Лопухиной* съ садомъ и прудами (****).

У Спаса во Спаской (нынѣшнія Спаскія казармы), близь Черкаскихъ огородовъ, былъ тоже почти загородный домъ генералъ-аншефа графа Ивана Семеновича Генрихова; въ Сущовѣ, въ приходѣ Казанской Божіей Матери, загородный домъ съ большимъ садомъ, двухъ-этажною оранжереею и даже цѣлой березовой рощей, оберъ-полицмейстера Архарова; въ приходѣ мученика Трифона, что на ста-

---

(*) Онъ изобрѣлъ постройку земляныхъ домовъ, впрочемъ не осуществимыхъ.

(**) Въ 1777 г. онъ продавался по газетамъ.

(***) Прежде въ Москвѣ назывались части: 1-я, (начиная отъ Кремля) 2-я и т. д. до 20.

(****) Эти дома также продавались по газетамъ въ 1779 г.

ромъ Убогомъ дому, за Землянымъ городомъ, загородный домъ генералъ-аншефа графа Ивана Петровича Салтыкова.

О поляхъ и огородахъ московскихъ, городскихъ, ужъ нечего и упоминать; *Гороховое поле* дѣйствительно было засѣяно горохомъ на большое пространство; по преданію, лучшій горохъ урожался близь церкви Николы *Кобыльскаго*, а не *Ковыльскаго*, потому что тамъ, полагаютъ, былъ конской заводъ, такъ какъ близь церкви Іакова Апостола, въ *Казенной*, находились царскія казенныя конюшни.

Новая Басманная и близь-лежащія къ ней улицы также до сихъ поръ сохраняютъ на себѣ слѣды барскихъ домовъ съ большими садами и нѣкоторыхъ съ прудами, напр. Княжны *Долгорукой* (нынѣ Ладыженской), г. *Высоцкаго* (послѣ военная богадѣльня) (*). Владѣльцы этихъ домовъ были извѣстные московскіе хлѣбосолы: въ положенные два дня въ каждой недѣлѣ у нихъ бывали большіе съѣзды, экипажи гостей не умѣщались на дворахъ, а протягивались цѣпью до Разгуляя. Домъ г. Демидова, послѣ кн. Мих. Петр. Голицына, (нынѣ Сиротскій) съ славною картинною галлереею. На старой *Басманной* кн. *Куракина* (нынѣ Межевой Институтъ), въ которомъ находились огромныя залы съ золочеными карнизами. Князь Куракинъ былъ посланникомъ въ Парижѣ; тамъ жилъ онъ роскошно, и возвратясь въ Россію, продолжалъ жить, какъ старинный русскій баринъ; обѣдъ его, хотя бы онъ обѣдалъ и безъ гостей, всегда сопровождаемъ былъ звуками музыки собственнаго прекраснаго оркестра его. Далѣе у церкви *Никиты мученика*, опять домъ г. *Демидова*, нынѣ Топографическій институтъ, съ затѣйливымъ садомъ и прудами; домъ г-на *Каро*, (нынѣ Басманный част. домъ), тоже съ садомъ и прудами. Надобно замѣтить, что многіе изъ нашихъ аристократовъ селились тогда ближе къ дворцамъ: Екатерининскому, Покровскому и Лефортовскому, напр. Посольская улица, ведущая отъ церкви Богоявленія къ Нѣмецкой слободѣ, издавна застроена была огромными домами: графовъ Шувалова, Воронцова, Григ. Григ.

(*) Переведенная въ Измайлово.

Орлова и другихъ; на ломку нѣкоторыхъ изъ этихъ домовъ тратили болѣе времени, нежели на постройку многихъ нынѣшнихъ. Обо многомъ здѣсь еще не упомянуто, это только *общій взглядъ*; кое о чемъ скажется въ грядущихъ статьяхъ.

ВЗГЛЯДЪ НА ТО ВРЕМЯ,

КОГДА СОВЕРШИЛАСЬ КОРОНАЦІЯ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II,

СЪ ОПИСАНІЕМЪ ФЕЙЕРВЕРКА, ДАННАГО ПО ЭТОМУ СЛУЧАЮ ПРОТИВЪ КРЕМЛЯ.

Ровно за 105 л. предъ нашимъ временемъ, приготовлялись въ Москвѣ пышныя торжества для коранаціи такой Государыни, которую, послѣ Петра *Перваго*, смѣло можно назвать *Второю*. Слѣдующія послѣ этой коронаціи еще памятны нѣкоторымъ ветеранамъ, разумѣется, немногимъ памятны, особенно коронація Императора Павла I-го (тоже вполнѣ блистательная, совершенная въ день Свѣтлаго Воскресенія, 1797 г. апрѣля 5-го дня); но коронація Императрицы Екатерины II-й сохранена для насъ только по устнымъ преданіямъ и по немногимъ печатнымъ. (*) Въ описываемое мною время, Екатерина II-я была въ полномъ развитіи своей красоты, соединенной съ поражающимъ величіемъ; она родилась 1729 г. апрѣля 21 (по преданію — въ достопамятный день основанія Рима); на престолъ вступила 1762 г. іюня 27-го, въ день полтавской битвы, слѣдовательно на 33 г. своей жизни. Екатерина была самаго веселаго

(*) Къ числу которыхъ принадлежитъ находящаяся у меня брошюра, весьма рѣдкая, подъ названіемъ: *описаніе аллегорическаго изображенія фейерверка, въ заключеніи великихъ торжествъ, даннаго по случаю коронаціи* ***Императрицы Екатерины II-й***, 1762 г. (на Французскомъ и Русскомъ языкѣ).

и любезнаго нрава; эти качества, вмѣстѣ съ необыкновеннымъ умомъ, выказывались въ ней еще въ то время, когда она была Великою Княжною; она любила веселиться и видѣть всѣхъ окружающихъ ее веселыми и довольными. Къ 29 іюня, ко дню тезоименитства Императора Петра III-го, готовились пышныя торжества въ Петергофѣ, но вдругъ скоропостижная смерть Государя прекратила всѣ эти приготовленія; до самой коронаціи Екатерины, по причинѣ траура, при Дворѣ были только оффиціальные съѣзды придворныхъ особъ; торжествъ и празднествъ никакихъ. Въ концѣ августа Государыня отправилась изъ Петербурга въ Москву, гдѣ ожидали ее съ нетерпѣніемъ; надобно замѣтить, что не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ, выключая придворныхъ чиновъ, видали ее немногіе; даже бывши Императрицею, она рѣдко показывалась народу; но если куда выѣзжала, то со всею пышностію: впереди, предъ каретою ея, ѣхалъ взводъ лейбъ-гусаръ въ блистательныхъ мундирахъ, сзади сопровождалъ ее подобный отрядъ гвардіи. Если выѣздъ ея случался поздно вечеромъ, то путь ея освѣщался факелами; появленіе ея на какой-нибудь улицѣ производило необыкновенное восторженное волненіе въ народѣ.

Въ Москвѣ собирались праздновать два торжества: коронацію Императрицы и заключеніе мирныхъ условій съ Австріею и Даніею. Кто не знаетъ великодушнаго заступничества Императрицы Елисаветы за Австрійскую Императрицу Марію Терезію? Прусскій Король-герой, Великій Фридрихъ II, быстрымъ натискомъ своей, хотя немногочисленной, но лучшей въ то время въ Европѣ, въ стратегическомъ отношеніи, арміи, такъ стѣснилъ Австрію, что ей, безъ помощи Россіи, пришлось бы согласиться на невыгодное размежеваніе своихъ земель; но, по смерти Елисаветы, Императоръ Петръ III-й, вполнѣ оцѣнившій доблестныя качества друга своего Фридриха, приказалъ вспомогательному русскому войску, бывшему подъ начальствомъ Графа Чернышева, оставить союзныхъ Австрійцевъ и присоединиться къ Прусской арміи. Готовилась новая борьба между бывшими союзниками...

Голштинія, по прямому наслѣдству, принадлежала Императору Петру

III; вступивъ на престолъ, онъ объявилъ на нее права свои; Данія не хотѣла сдѣлать этой уступки; Петръ началъ приготовляться къ войнѣ съ нею. Наши полки двинулись уже за-границу и дошли до Помераніи, два сильные флота русскіе должны были выступить изъ Ревеля; Петръ хотѣлъ лично предводительствовать своими войсками, но смерть его пріостановила всѣ эти дѣйствія; Екатерина же, принявъ бразды правленія надъ Русскимъ государствомъ, совершенно прекратила готовыя вспыхнуть обѣ эти войны; на юго-западѣ приняла она нейтралитетъ, а съ сѣвера приказала воротиться своимъ войскамъ; обладая такимъ государствомъ, каково русское, она не желала имѣть претензій на Голштинію. Во всемъ замѣтно было великодушіе ея, совмѣстное съ достоинствомъ ея сана; принесши за собою небольшое приданое, она, въ вознагражденіе того, въ продолженіе царствованія своего, сдѣлала для Россіи большія пріобрѣтенія и оружіемъ и политикою. (*) *На землѣ миръ — человѣцемъ благоволеніе*, блаженни миротворцы....

Въ продолженіи всего августа, сообщеніе между столицами было безпрерывное, какъ казенное, такъ и частное, несмотря на то, что Петербургско-Московская дорога была тогда ужасна, въ полномъ значеніи этого слова (**).

(*) При ней пріобрѣтены 6-ть губерній, Курляндія и Таврида; Россія раздвинула свои границы до Днѣпра, Чернаго моря и къ Балтійскому заливу. Въ началѣ царствованія ея было только 16 губ., она оставила послѣ смерти своей 46; она соорудила крѣпости, порты и множество новыхъ городовъ; въ Россіи прежде жителей считалось до 20 мил.; послѣ оказалось ихъ до 36 мил.; доходъ простирался до 21 мил., она возвысила его до 45 мил.; она распространила флотъ и умножила войско до 560 тыс.

(**) Еще Цари Алексѣй М. и Петръ I-й прилагали большое стараніе о содержаніи въ хорошемъ состояніи большихъ дорогъ. Петръ I-й въ 1712 г. приказалъ профессору морск. Академіи Феркверсону проложить прямую дорогу между Москвою и Петербургомъ. Прежде большія дороги состояли въ вѣдѣніи *Ямской Канцеляріи*; (*ямъ*, полагаютъ, отъ слова *емлю*, беру, т. е. прогонныя деньги) но съ 1775 г. вообще почты улучшились, а съ ними и устройство дорогъ, особенно съ того времени, когда главная почтовая дирекція поступила въ завѣдываніе Ген. М. Безбородко, по ходатайству котораго учреждено было *Главное почтовое правленіе*.

Извѣстно, какъ лѣсисты и болотисты губерніи Новгородская и Петербургская, а дорога чрезъ нихъ была гдѣ неровна, гдѣ песчана, гдѣ грязно-глиниста; про проѣздъ чрезъ Валдайскія горы нечего уже и говорить: *горе—горы* называли ихъ тогда; уже ночью не пускайся, въ то время, въ дальнія дороги; тогда не только не имѣли идеи про нынѣшнюю самокатную дорогу, по чугуннымъ скатертямъ, но не ѣзжали и по шоссе, за неимѣніемъ его; да не только эта, но и вообще большія дороги большею частію пролегали чрезъ большіе лѣса; мосты, перекинутые чрезъ встрѣчавшіяся рѣки и овраги, были очень сомнительны. (*) Кто не слыхалъ, напримѣръ, о муромскихъ дебряхъ, съ существовавшими въ нихъ нѣкогда разбойниками, (historique), о песчаной зыби этой дороги, растягивавшейся на нѣсколько десятковъ верстъ, по которой тянулись обозы, какъ караваны, тащимые дромадерами по Сахарскимъ степямъ? Богатые, разумѣется, не претерпѣвали такихъ неудобствъ, такихъ душевныхъ и тѣлесныхъ потрясеній, какъ бѣдные; они ѣзжали большимъ поѣздомъ, но все-таки съ безпокойствомъ; собираясь въ дальнюю дорогу, служили напутственные молебны, а иные предварительно писали духовныя, на всякій случай; тогда еще не было исправныхъ капитанъ-исправниковъ. — Къ довершенію же всего, въ то время, большія дороги были безлюдны, селенія на нихъ отстояли одно отъ другаго на большое пространство. Разумѣется, по случаю коронаціи Императрицы, С.-Петербургско-Московская дорога исправлялась, но она шла зигзагами, слѣдовательно пространства между столицами

(*) Въ одномъ архивѣ сохраняется прекурьезное дѣло: двухъ помѣщиковъ понудили устроить мостъ чрезъ рѣку; одинъ изъ нихъ обязанъ былъ поставить половину моста на одной сторонѣ рѣки, а другой на противоположной; эти господа не согласились на выборъ мѣста, для построенія моста, сохраняя неприкосновенность пахатныхъ полей своихъ. Одинъ выбралъ мѣсто, какое считалъ для себя удобнымъ и построилъ половину моста; другой же выбралъ свое мѣсто и также построилъ свою половину моста; каждый считалъ себя правымъ, потому что требованіе мѣстнаго начальства было исполнено; разумѣется, началась тяжба, которая въ то время была самая продолжительная (въ прош. ст.), а бѣдные путешественники должны были, какъ говорится, *сидѣть у моря....*

было тогда болѣе, нежели теперь. Екатерина, въ послѣдствіи времени, обратила на все это мудрое свое вниманіе: она издала нѣсколько указовъ, относящихся до дорогъ, почтовыхъ станцій и пр.— Для любознательныхъ и любопытныхъ, кстати, для дополненія обзора тѣхъ временъ, помѣщаю вкратцѣ эти указы ея:

Когда почтарь отвезетъ почту, эстафету или курьера на другую станцію, то оному не болѣе дозволяется кормить лошадей, какъ только три часа; а по накормленіи ѣхать съ поспѣшностію на свою станцію, не заѣзжая никуда (30 дек. 1769 г., пунктъ 5).

Ежели ямщики чинить будутъ въ проѣздѣ почты: безпорядки, замедленія, пьянство, ссоры и нескорое запряженіе лошадей, то на каждой станціи, при собраніи всѣхъ ямщиковъ, чинить виновнымъ наказаніе (тотъ же указъ, пунктъ 6).

Неоднократно смотрѣть, чтобы малолѣтные на станціяхъ почтарями не стояли, и были бы почтари не менѣе 18 л. (тотъ же указъ, ст. 7).

Почтарямъ отъ 1 дек. по 15 марта, также по просухи до 15 сент. вести курьеровъ по 12 верстъ въ часъ, а просто проѣзжающихъ по 10 верстъ въ часъ; въ прочее же время года, (т. е. въ худое) курьеровъ возить по 11 в. въ часъ, а проѣзжающихъ по своей надобности по 8 в. въ часъ; (3 ноября 1770 г.).

Почтовые чемоданы и курьеровъ везти въ часъ по 12 в., а ординарную почту на фурахъ по 8 в. въ часъ; (23 нояб. 1773 г.).

По грязнымъ и болотистымъ мѣстамъ, вмѣсто мостовыхъ, дѣлать изъ мелкаго лѣса, а гдѣ нѣтъ лѣса—изъ камыша, гати, шириною въ 4 саж., которыя насыпать не толсто-крупнымъ пескомъ (24 іюля, 1791 г.).

За правило имѣть, чтобы почтовыя станціи отнюдь не болѣе, какъ отъ 20 до 30 вер. были.

Эти два послѣдніе указа подтверждены были 1797 года Императоромъ Павломъ.

Къ этому же году принадлежитъ указъ: наблюдать, чтобы подорожныя въ столицѣ были подписаны рукою Императорскаго Наслѣдника, изъ прочихъ же мѣстъ, чтобы выдаваемы были подорожныя

за подписаніемъ губернаторовъ, а изъ чужихъ краевъ — за подписаніемъ пословъ или Министровъ Имп. Величества.

Въ то время обыкновенные прогоны во всѣхъ губерніяхъ и во всякое время года платились по двѣ коп. (асс.) за версту, за каждую лошадь; а за первыя станціи отъ столицъ вдвое, (1783 г. апрѣля 4).

Екатерина приказа большія дороги обсаживать деревьями и обрывать рвами (1781 г. 26 іюля) (*).

Да что говорить о большихъ дорогахъ, когда въ то время и въ самой Москвѣ мостовыя устроены были только по большимъ улицамъ, и то многія изъ нихъ были бревенчатыя? на нихъ, въ послѣдствіи времени, сдѣлана была земляная насыпь, на которой уже и устроены нынѣшнія мостовыя. Тогдашнія мостовыя были выпуклыя на срединѣ, а на краяхъ ихъ, близъ домовъ, или длинныхъ тянувшихся заборовъ, находился стокъ воды; въ ненастье шли по срединѣ мостовой, гдѣ было суше, перепрыгивая съ камня на камень; но пѣшихъ часто сгоняли оттуда проѣзжіе экипажи. Впрочемъ, надобно замѣтить, въ то время имѣли право шибко ѣздить только священники съ требами, медики и акушерки. Тогда многія дороги въ нашей столицѣ пролегали косвенно, упираясь въ какой нибудь тупой переулокъ или зданіе, или выходили на пустыри, (**)

(*) Дорожный календарь или указатель новыхъ дорогъ Россійской Имперіи. Москва, 1805 года.

(**) Которые находились даже близъ Кремля, напримѣръ, на рѣчкѣ Неглинной; (она въ то время еще существовала) зимой, когда она замерзала, на Масляницѣ, на ней, въ дополненіе къ москворѣцкимъ, строили лубочныя комедіи и происходили ожесточенные кулачные бои; Моисеевская площадь, подлѣ Охотнаго ряда, и самый Охотный рядъ были также почти не заселены и представляли большіе пустыри. Около Покровскаго собора, или Василія Блаженнаго, *что на рву*, дѣйствительно существовалъ нѣкогда огромный ровъ, въ которомъ росли деревья и водились дикія собаки. На мѣстѣ нынѣшнихъ бульваровъ была грязь и топь и находились складочныя мѣста для всякой нечистоты. Въ земляномъ городѣ находились дачи бояръ съ прудами, съ островами, съ вѣтреными мельницами и съ лѣсами, куда хаживали за ягодами и за грибами.

гдѣ безвозбранно прогуливались семейно разныя животныя. Улицы тогда не были такъ форменны, какъ теперь, съ двоерядным фрунтомъ домовъ; тротуаровъ и поготово не существовало. Уличные фонари были также въ рѣдкость; въ темные вечера, (разумѣется, я говорю о бѣдномъ классѣ людей, богатые прокатывались въ своихъ зеркальныхъ каретахъ, (*) и берлинахъ спокойно) пѣшеходы ходили съ своими фонарями. На большихъ улицахъ кое-гдѣ встрѣчались освѣщенныя барскія палаты, внутри огромными люстрами, а снаружи—у подъѣздовъ, гранеными фонарями.

Темноту улицъ усугубляло и то, что крикуны, (въ родѣ нынѣшнихъ ночныхъ сторожей) прохаживаясь въ 10 часу вечера около обывательскихъ домовъ, усердно колотили по ставнямъ ихъ палками и протяжно кричали: «*десятый часъ! Огни гаситы!*» Въ послѣдствіи времени, въ концѣ прошлаго столѣтія, появились извощики, которые, хотя и по дурнымъ мостовымъ, но волокли кое-какъ сѣдоковъ своихъ на дрогахъ, (смѣнившихся послѣ телѣжками и наконецъ колибрами) завѣшивая колѣна своихъ пасажировъ фартуками, отъ брызжущей грязи и отъ дождя; на спинахъ возничихъ висѣли холстинные нумера, на которыхъ черно начерчены были

(*) У нѣкоторыхъ господъ парадныя кареты были снаружи вызолочены, стекла въ нихъ сверкали цѣльныя, съ фацетами; эти блистательные экипажи запрягали цугомъ, т. е. въ шесть лошадей, съ кокардами на головахъ, ими правили усатые кучера, въ треугольныхъ шляпахъ, съ длинными, напудренными косами; сзади каретъ стояли высокіе гайдуки, одѣтые егерями или гусарами. Впереди этихъ каретъ бѣгали извѣстные *скороходы*, опираясь на длинныя булавы, они дѣлали размашистые скачки; одѣты были эти *бѣгуны* или *скоробѣжки*, какъ ихъ обыкновенно еще тогда называли, въ легкія куртки, съ цвѣтными, ленточными наколками на локтяхъ и на колѣнкахъ, (даже и зимой) на головахъ ихъ красовались бархатныя или шелковыя шапочки съ кистями и съ страусовыми перьями. Этихъ скороходовъ кормили легко, какъ птицъ; разумѣется, для того, чтобы они легче бѣгали. Господа ихъ употребляли и вмѣсто городскихъ почтальоновъ, отправляя съ разными порученіями къ своимъ знакомымъ и родственникамъ, особенно въ торжественные и именивные дни съ поздравленіями. Есть преданіе, что скороходы, посылаемые съ какимъ нибудь спѣшнымъ порученіемъ въ подмосковныя, опережали почты.

цифры частныхъ домовъ, т. е. *первой* (городской части), *второй* и т. п.

Также для любознательныхъ, при обозрѣніи тогдашней Москвы, прибавлю, что въ числѣ городской стражи было много служителей изъ обывательскихъ домовъ, которые исполняли свою службу поочереди, поэтому и костюмъ ихъ былъ не форменный; они расхаживали дозоромъ съ длинными костылями въ рукахъ. Во время царствованія Императрицы Екатерины II, внутреннее устройство Москвы стало замѣтно улучшаться.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія Москва была уже раздѣлена на 20 частей (*) и 88 кварталовъ: Кремль былъ въ вѣдомствѣ Оберъ-Коменданта и Гражданскаго губернатора; въ каждомъ кварталѣ находилось по 11-ти человѣкъ ночныхъ сторожей, которые получали жалованья по 18 руб (асс.) въ годъ. Фонари, для освѣщенія большихъ улицъ, разставлены были на столбахъ (**) на разстояніи 40 саженъ одинъ отъ другаго; на содержаніе ихъ изъ казенной палаты отпускалось по 1 р. 30 к. въ годъ, на каждый. Въ 1782 году открыта была Управа Благочинія; сперва при ней состояло 180 драгунъ; послѣ того, въ скоромъ времени, учреждены были два гусарскіе эскадрона, изъ вольноопредѣляющихся и праздно-шатавшихся разночинцевъ; они употреблялись для наблюденія порядка въ столицѣ, (въ родѣ нынѣшнихъ жандармовъ). Въ случаѣ пожаровъ предписано было (кн. Прозоровскимъ) людямъ, высылаемымъ изъ обывательскихъ домовъ на помощь, носить картузы по частямъ, для отличія отъ обывателей; а именно: 1-й части: бѣлый, 2-й красный, 3-й зеленый, 4-й синій, 5-й желтый, 6-й голубой картузъ и т. д. Частные пристава именовались *Инспекторами*, квартальные надзиратели—*Унтеръ-Инспекторами*: при нихъ были по два комиссара. О подробностяхъ и измѣненіяхъ внутренняго состава для управленія Москвы, я не пишу: это такъ, общій взглядъ. Теперь перенесемся въ Кремль, который собирался помолодѣть для встрѣчи новой Владычицы своей.

(*) Изъ нихъ нѣкоторыя уничтожены: Таганская, Покровская. и пр.

(**) Послѣ стали ихъ прибивать къ обывательскимъ домамъ и заборамъ.

На *Красной* или *Царской* площади еще изстари наши Цари давали пиры народу. Во время коронаціи Екатерины II-й тамъ также (отчасти и на лобномъ мѣстѣ) приготовлены были столы съ разными закусками, заѣдками; посреди ихъ красовались быки съ раззолочеными рогами во всей натуральной одеждѣ своей, и во весь свой ростъ, съ тучными боками, начиненными разными птицами.

Конечно, многимъ странно покажется, что народный пиръ могъ помѣститься въ Кремлѣ; но въ то время тамъ не было еще огромнаго зданія Сената—(*), до 1790 г. онъ помѣщался въ Грановитой палатѣ,—и постоянныхъ жителей въ Москвѣ было не столько, какъ теперь (**).

1762 г. сентяб. 22 блистательно совершилось коронованіе Императрицы; и Кремль и всѣ предмѣстія его были затоплены народомъ: окна, балконы, вышки, кровли были будто бы оживлены, кипѣли головами; гулъ восторга и громогласное ура долго не прерывались. Обстановка этого торжества была великолѣпная; въ караулѣ были богатыри—кавалергарды,—въ шлемахъ съ перьями, въ серебряныхъ латахъ и въ великолѣпныхъ сюперверсахъ. (***) Въ то время цвѣтъ на мундирахъ Русскаго войска былъ свѣтло-зеленый, у гренадеръ шапки съ перьями разнаго цвѣта, а у мушкатеровъ шляпы скрѣплены были снурами. У офицеровъ шарфы и темляки золотые, мундиры обложены по борту золотымъ галуномъ. У музы-

(*) Онъ построенъ въ 1785 г. архитекторомъ Козаковымъ, фундаментъ и цоколь его стоили 150 т. р. На этомъ мѣстѣ были три церкви, домъ Кн. Трубецкаго, конюшенный дворъ Чудова монастыря и Симоновское подворье; а мѣсто, занимаемое арсеналомъ, было сборнымъ мѣстомъ *надворной пѣхоты*, т.-е. стрѣльцомъ. *Старин. путев. по Москвѣ.*

(**) По рапорту Ген. Фельдм. Гр. Захара Григор. Чернышева Екатеринѣ II-й предъ открытіемъ Московс. Губерніи, въ 1782 г. было въ Москвѣ только 125 тыс., но чрезъ 50 лѣтъ ихъ почти удвоилось.

Матеріалы дая полной и сравнительной статистики Москвы.

(***) *Сюперверсъ* собственно родъ одѣянія безъ рукавовъ, съ нашитыми крестами сзади и спереди изъ бѣлаго бархата, обшитаго серебрянымъ позументомъ и съ лиліями по угламъ креста. Это одѣяніе носили встарину Французскіе мушкатеры. Русск. Словотолк. Т. III.

кантовъ были мундиры малиноваго цвѣта, обложенные по всѣмъ швамъ галуномъ; плащи у рядовыхъ—суконные, синяго цвѣта. Екатерина, вступивъ на престолъ, приняла на себя званіе полковника Семеновскаго полка (*).

По совершеніи коронаціи, начался рядъ торжествъ и празднествъ; несмотря на наступленіе осени, погода стояла тогда прекрасная; Государыня съ пышностію, въ сопровожденіи блестящей свиты, поѣхала смотрѣть на народный пиръ.

По большимъ улицамъ, съ утра до вечера, не только что Кремль, но и вся Москва горѣла въ заревахъ иллюминаціи, во многихъ мѣстахъ высились затѣйливые, разцвѣченные транспаранты; нѣсколько выстроенныхъ ко дню пріѣзда Императрицы въ Москву тріумфальныхъ воротъ имѣли на себѣ разныя символическія картины: на однихъ изображенъ былъ Геліотропъ (цвѣтъ, подобный солнцу), а подъ нимъ гора съ надписью: *«отъ всего міра видима буду»*; а на другихъ, на скрижаляхъ закона, виднѣлся мечъ съ надписью: *«законъ управляетъ, мечъ защищаетъ»*; у однихъ воротъ, подъ среднимъ порталомъ, былъ представленъ орелъ, держащій въ когтяхъ своихъ громовыя стрѣлы, съ надписью: *защищеніе Величества*; далѣе—Царскій жезлъ, а подъ нимъ—полукружіемъ слова: *«жезлъ правости, жезлъ царствія Твоего»*. На иныхъ воротахъ изображенъ былъ вензель Екатерины, поддерживаемый Ангелами, а подъ нимъ Россія, съ надписью: *«се достояніе твое»*; на верху вензеля, подъ золотымъ сіяніемъ, представлено было небо, а изъ него виднѣлась благословляющая рука Божія съ надписью: *«Слава Богу, показавшему намъ свѣтъ»*; на иныхъ порталахъ изображалась радуга съ надписью: *предвѣстіе ведра*; на иныхъ—четыре части свѣта, изъ которыхъ Европа *особливо весело себя оказывала*. Повсюду виднѣлись крылатые *геніусы* и *фамы*, которые въ трубу *поздравленіе говорили*. Сперва Государыня полюбовалась на народный пиръ, на горы пироговъ, лежавшихъ на столахъ пирамидальными возвышеніями; на иныхъ столахъ стояли и

(*) Предъ ней былъ въ этомъ званіи Имп. Петръ III-й, послѣ нея въ 1796 г., шефомъ этого полка былъ В. Кн. Алекс. Павловичъ.

сидѣли цѣлыя стада жареныхъ птицъ, какъ живыя, а близъ нихъ большіе фонтаны выметывали изъ себя красное и бѣлое вино въ огромные чаны. На ближнихъ къ Кремлю перекресткахъ стояли красивые балаганы и шатры съ цвѣтными флагами, перевитыми лентами, полоскавшимися въ воздухѣ; здѣсь находились также разные лакомые, даровые припасы: груды золоченыхъ пряниковъ, маковая избоина, разные овощи и пр. Въ иномъ мѣстѣ скрипѣли размашистыя качели, въ другомъ высилась *камедь* съ акробатическими представленіями, или толклись куклы на помостѣ; въ иномъ мѣстѣ слышался протяжный голосъ импровизатора—разсказщика, объяснявшаго затѣйливыя картины въ райкѣ,представлявшія подвиги Ильи Муромца и Соловья Разбойника, или, какъ старообрядецъ поповщинскій обличаетъ старообрядца безпоповщинскаго, или какъ быкъ сдѣлался мясникомъ, мужикъ судьею, оселъ погонщикомъ, ученикъ мастера сѣчетъ, дѣти старика пеленаютъ, слѣпой зрячаго ведетъ, свинья нѣжится на розахъ, мыши кота погребаютъ, какъ кумовья Ѳедоты идутъ съ работы, какъ въ платье англійскаго мясника семеро одѣваются и пр. пр. (*) Повсюду виднѣлись разнообразныя продѣлки и фокусъ-покусы хитрецовъ тогдашняго времени. Все это восхищало народъ непритворною радостію; вездѣ раздавались веселыя восклицанія, шумный гулъ, раздольныя пѣсни, звукъ дудокъ и свиристѣлокъ съ качелей, шумъ высокобьющихъ фонтановъ, дребезжаніе барабановъ, пронзительный свистъ флейтъ, сиплый звукъ бубновъ – и, посреди всей этой хаотической смѣси звуковъ, царственно раздавался кимвальный звонъ колокола, регента всѣхъ Московскихъ колоколовъ, съ высокой полки Великаго Ивана; могучій его окликъ стройнымъ аккордомъ подхватывали всѣ наши сорокъ сороковъ.... Государыня объѣзжала многія улицы Москвы; за нею тянулся огромный поѣздъ высокихъ, грузныхъ каретъ съ крыльцами по бокамъ, каретъ, подобныхъ вѣеру, на низкихъ колесахъ,

(*) Тогда въ большомъ употребленіи были, кромѣ юмористическихъ, картины религіознаго содержанія: Страшный судъ, избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ, Лазарь богатый въ нѣмецкомъ костюмѣ, ѣдущій на седмиглавомъ чудовищѣ и пр. пр.

берлиновъ и осьми-стекольныхъ ландо, въ которыхъ виднѣлись распудренныя головы именитыхъ царедворцевъ, бархатные или атласные кафтаны, расшитые золотомъ или унизанные блестками, съ большими стальными или фарфоровыми пуговицами, пюсовые камзолы, лосинные *чинчиры* въ обтяжку. Въ иныхъ сквозныхъ стеклянныхъ каретахъ виднѣлись прекрасныя роскошно-одѣтыя дамы, въ атласныхъ робронтахъ и *калишахъ* на проволокѣ, въ пышныхъ полонезахъ, въ глазетовыхъ платьяхъ и въ длиннохвостыхъ робахъ съ прорѣзами на боку, съ фижмами или бочками, наподобіе распущенныхъ зонтовъ; головы тогдашнихъ щеголихъ были также распудрены, (для усиленія блеска въ глазахъ) волосная прическа у нихъ была a la Valliere, или *палисадникомъ*, или волосы были взбиты въ родѣ лебяжьяго пуха; букли, на подобіе висячихъ *вавилонскихъ садовъ*; ноги въ бѣлыхъ атласныхъ башмакахъ *стерлядкою* (т. е. востроносыя), шитыхъ блестками, на высокихъ каблукахъ и пр. пр. Лакеи сзади каретъ стояли одѣтые: и Турками, и Албанцами, и Сербами; были и настоящіе Арабы, (которыхъ дразнилъ народъ: ваксу-съѣлъ).

Между экипажами отличалась раззолоченая карета, запряженная въ восемь красивыхъ, статныхъ, Неаполитанскихъ лошадей съ цвѣтными кокардами на головахъ; въ ней находилась сама Государыня, въ ало-бархатномъ русскомъ платьѣ, унизанномъ крупнымъ, скатнымъ жемчугомъ, со звѣздами на груди и въ бриллiантовой діадемѣ на головѣ. При появленіи ангеловидной, обожаемой Государыни (*), раздался изъ тысячи грудей и устъ нашъ богатырскій посвистъ— громкое и раскатистое ура!.. По бокамъ кареты ея ѣхали верхомъ генералъ-поручики, которые обыкновенно держали за ней шлейфъ, а во время параднаго шествія ея по Кремлю, держали за шнуры балдахинъ, покрывавшій Императрицу; конвоировали ее герольды съ жезлами въ рукахъ, бросая народу серебряные жетоны. Любя Москву и любуясь ею, Государыня совершала и далекія катанья: на Покровскую улицу, (въ то время въ Покровскомъ были лучшія гулянья, особенно зимою), въ Семеновское и Преображенское; тогда

(*) Ее называли: богиня подъ вѣнцомъ.

тамъ были еще настоящія села; тамошнія дѣвушки, въ праздничныхъ сарафанахъ своихъ, съ открытыми головами, въ цвѣтныхъ косникахъ, а молодицы въ шелковыхъ шубкахъ, въ кикахъ съ дробницами, веселыми пѣснями и хороводами встрѣчали царскій поѣздъ. Оттуда проѣзжала Государыня на Сокольничье поле, гдѣ происходили забавы другаго рода: тамъ собирались Цыгане (*). Тогдашніе Цыгане были поэтичнѣе нынѣшнихъ; они жили ближе къ природѣ, вели жизнь раздольную, мужчины одѣвались не въ сюртуки, а въ кафтаны съ перехватами и въ восточные, широкіе шаровары, а жены ихъ, хотя и въ полинялыя, но разноцвѣтныя *плахты*, (родъ епанчи) босоногія, часто въ лохмотьяхъ, съ коричневыми лицами, въ алыхъ шаляхъ, также полинялыхъ, перекинутыхъ чрезъ одно плечо; въ ушахъ ихъ мотались мелкія серебряныя монеты, вмѣсто серегъ. Тамъ плясалъ у нихъ ручной медвѣдь, и затѣйливый фигляръ ходилъ колесомъ, или просто на рукахъ, поднявъ ноги, какъ мачты; а цыганки извивались въ національныхъ своихъ пляскахъ, или заливались въ хороводныхъ своихъ пѣсняхъ (**).

Государыня со всѣми была ласкова и привѣтлива; она дозволяла подбѣгать народу къ своей каретѣ и благосклонно улыбалась на его оглушительныя восклицанія; она была очень весела и проливала веселье на всѣхъ, окружавшихъ ее. Несмотря на свободное, общественное пиршество и на роскошные пиры, вездѣ соблюдался порядокъ, даже кружала (кабаки) были покинуты простонародіемъ для того, чтобы бѣжать за своимъ *краснымъ солнышкомъ*, (такъ называли Государыню), за красавицей своей Царицей.

Въ заключеніе общественныхъ торжествъ и пировъ, данъ былъ противъ Кремля (къ Замоскворѣчью) великолѣпный, блистательный фейерверкъ; несмотря на тѣсныя рамы, окружавшія его, видъ на него съ мѣстъ, устроенныхъ амфитеатромъ въ Кремлѣ и съ мѣстъ

(*) Цыгане жили тогда на Филяхъ.

(**) Въ то время только что вошла въ употребленіе пѣсня Сумарокова: «*о мѣста, мѣста драгія* и: *мѣста тобою украшенны*;» Сумароковъ, бывши еще кадетомъ Шляхетскаго кадетскаго корпуса, написалъ первую пѣсню: *толь награда за мою вѣрность, за мою искренность*; изъ нея составили тогда минуетъ.

даровыхъ, т. е. съ крышекъ, заборовъ и съ пр. былъ эффектный: по сигналу, данному пушечнымъ залпомъ, зажегся прежде первый планъ и открылъ *великое*, *сверху отверзтое*, *позорищное мѣсто* (*), состоящее изъ великолѣпныхъ коллонадъ и аркадъ, между которыми, на пьедесталѣ, украшенномъ разными трофеями, видна была Россія, возносящая благодарный взоръ свой на небо; подлѣ нея изображено было вензелевое имя Екатерины, на которое возлагалась Россійская корона; при этомъ явленіи въ свѣтломъ огнѣ явились слова:

Ob immortalia in patriam merita, (за безсмертныя заслуги къ отечеству).

Къ основанію надеждъ благополучныхъ слѣдствій отъ сего желаемаго происшествія, показалась на воздухѣ радуга, сверхъ которой поднялся потѣшный огонь, состоявшій больше, нежели изъ тысячи вдругъ пущенныхъ ракетъ и въ искры разсыпавшихся лустъ—кугелей, которые ярко освѣтили весь горизонтъ.

По одну сторону позорища опустилось на свѣтломъ облакѣ всеобщее благополучіе съ пальмовою вѣтвію, съ рогомъ изобилія и со словами:

Vicit amor patriae (побѣдила любовь къ отечеству). Противъ него явилась всеобщая радость со свѣжими вѣнцами изъ цвѣтовъ и съ бряцающими кимвалами, а сверхъ нея вспыхнула блистательная надпись, содержащая въ себѣ восклицаніе: Plaudite, cives! (восплещите, граждане!)

Эти два послѣднія изображенія заключали аллегорическое представленіе главнаго плана. Потомъ начались такъ называемые: *тихіе искусствомъ сдѣланные потѣшные огни*. Сперва появились два огромные, огненные каскада, которые *огненную рѣку*, *на подобіе воды*, *столбами вверхъ подняли* и, въ ниспаденіи по многимъ ступенямъ, съ шумнымъ журчаніемъ составили огненный ручей.

Нерегулярный звучный огонь препровождалъ теченіе этой рѣки съ безпрестаннымъ выхожденіемъ и подземельнымъ сту-

(*) Слова брошюры.

комъ, какъ будто бы земля въ премногихъ мѣстахъ хотѣла разсѣсться и выметнуть изъ себя огонь.

Этотъ страшный громъ и шумъ превратился вдругъ въ пріятную тишину; въ перспективѣ представились пальмы, освѣщенныя зеленымъ огнемъ (эмблема надежды); между ними пустили въ шесть рядовъ достойныя удивленія—вновь изобрѣтенныя машины съ перемѣннымъ огнемъ и съ разными фигурами въ огненныхъ колесахъ.

Наконецъ всѣ эти разнообразныя и продолжительныя явленія прервались также нововымышленнымъ огнемъ: великимъ множествомъ земныхъ и воздушныхъ швермеровъ (*) и разными другими огнями; глаза зрителей, слѣдовавшіе за вспышками этихъ огней, обращались на горизонтъ, осыпанный несчетнымъ множествомъ звѣздъ и искрами швермеровъ, со всѣхъ сторонъ, въ огненномъ движеніи, до тѣхъ поръ, пока будка болѣе нежели изъ тысячи ракетъ состоявшая, въ сопровожденіи великаго множества лустъ и ландкугелей, съ обѣихъ сторонъ вдругъ поднявшихся и освѣтившихъ своимъ заревомъ большое пространство неба, въ далекой вышинѣ съ необычайнымъ громомъ и трескомъ лопнула—и тѣмъ окончила дивное позорище фейерверка.

Послѣ этого начался рядъ частныхъ пиршествъ; Екатерина пробыла всю зиму въ Москвѣ; на Масляной представленъ былъ на улицахъ маскерадъ или живыя картины; я не описываю этой замѣчательной потѣхи, потому что о ней говорено было многими. Считаю только не лишнимъ представить хоры, (**) пѣтые во время общенароднаго зрѣлища, названнаго *торжествующею Миневрою*, при подвижныхъ живыхъ картинахъ или при большомъ маскерадѣ въ Москвѣ, на Масляницѣ, въ 1763 г., и къ нимъ, для объясненія, прибавить очеркъ маскераднаго поѣзда.

Это зрѣлище уподобляютъ старобытнымъ римскимъ увеселеніямъ; начертаніе ему сдѣлалъ Ѳед. Григ. Волковъ, а хоры сочинилъ Алекс.

(*) Змѣйка, ракетка, дѣлающая въ воздухѣ извилистое движеніе.
(**) См. Россійск Эрату, изд. въ С.-Пет. въ 1792 г.

Петров. Сумароковъ. Здѣсь были и *важныя* и *смѣхотворныя* отдѣленія, наприм., на высокой колесницѣ изображался цѣлый парнасъ съ своими аттрибутами, и оттуда раздавался слѣдующій хоръ *къ Златому вѣку*:

Блаженны времена настали,
И истины лучемъ Россію облистали.
Подсолнечна! внемли!
Астрея на земли.
Астрея во странахъ россійскихъ водворилась,
Астрея воцарилась.
Рокъ щедрый рекъ:
Настани Россамъ ты, златый желанный вѣкъ,
И се струи россійскихъ рѣкъ,
Во удивленіе сосѣдомъ,
Млекомъ текутъ и медомъ.

А вотъ хоръ къ самому Парнассу:

Лейтесь токи Иппокрены,
Вы, съ Парнасскія горы,
Орошайте вы долины,
И прекрасныя луга!
Напояйтесь, Россіяне,
Тѣми сладкими струями,
Кои Греція пила,
И имѣя на престолѣ
Вы Аѳинскую богиню,
Будьте Аѳиняне вы!

Хоръ къ Минервѣ,

Изображенной въ шлемѣ, съ щитомъ и съ копіемъ; у ногъ ея находилась сова, (эмблемма мудрости,) съ математ. инструментами.

Ликовствуйте днесь,
Ликовствуйте здѣсь,
Воздухъ и земля и воды;
Веселитеся народы:

Матерь ваша, Россы, вамъ
Отворила къ счастью храмъ.
О Церера и Помона, и прекрасна Флора!
Получайте днесь,
Получайте здѣсь,
Безъ препятства даръ солнечнаго взора.
О душевна красота!
Жизни сей утѣха, жизни сей отрада,
Раствори врата
Храма своего, Паллада!

Далѣе величались: Марсъ съ гигантами и богатырями въ полномъ своемъ вооруженіи, и за ними начинались уже и *смѣхотворныя* представленія, подвигавшіяся на 250 колесницахъ, (*) влекомыхъ волами, оглушаемыя хорами и музыкою роговою, струнною и духовою.

Хоръ Сатировъ, плясавшихъ на колесницѣ съ фавнами:

Въ сырны дни мы примѣчали,
Три дня и три ночи на рынкѣ.
Никого мы не встрѣчали,
Кто бъ не коснулся хмѣля крынкѣ.
Въ сырны дни мы примѣчали:
Шумъ блистаетъ,
Шаль мотаетъ,
Дурь летаетъ,
Хмѣль шагаетъ,
Разумъ таетъ,
Зло хватаетъ
Наглы враки,
Сплетни, драки,
И грызутся, какъ собаки.
Примиритесь!
Рыла жалѣйте и груди!
Пьяные, пьяные люди,
Не деритесь!

(*) Дѣйствовавшихъ лицъ находилось тамъ до 4000 чел.

На одной изъ колесницъ являлся веселый, багряный Бахусъ съ Силеномъ и съ вакханками подъ балдахиномъ; за ними двигались качели, кабаки, харчевни съ толпою прожоръ и бѣснующихся пьяницъ. За ними показывались мздоимные судіи, подьячіе и картежники.

Вотъ и соотвѣтственные имъ хоры:

Хоръ пьяницъ:

Двоеныя водки, водки сткляница!
О Бахусъ, о Бахусъ, горькій пьяница!
Просимъ, молимъ васъ,
Утѣшайте насъ;
Отечеству служимъ мы болѣе всѣхъ,
И болѣе всѣхъ
Достойны утѣхъ;
Вамъ въ часъ возвращаемъ кабацкій мы сборъ,
Вирь, варь, варь, донъ, донъ, донъ!
Прочая служба вздоръ!

Хоръ игроковъ:

Подайте картежникамъ милостыню.
Черви, бубны, вины, жлуди, всѣ насъ раззорили,
И, лишивъ насъ пропитанья, гладомъ поморили,

Хоръ къ обману:

Пусть мошенникъ шаритъ, не велико дѣло,
Срѣзана мошонка, государство цѣло.
Къ ябедѣ приказной устремленъ догадкой,
Правду гонитъ люто крючкотворецъ гадкой:
Откупщикъ усердный на Руси народу,
Въ прибыль государству откупаетъ воду.
Къ общу благоденству кто прерветъ дороги,
Ежели приставить ко лбу только роги,
Талъ, лалъ, ла, ла, ра, ра.
Онъ дьяволу пара.

Хоръ къ мздоимству:

Если староста бездѣльникъ, такъ и земскій плутъ.
Знать, совсѣмъ они забыли про ременный жгутъ.

Взятки въ жизни красота,
Слаще меда и сота:
Такъ-то крючкотворецъ мелитъ,
Какъ на взятки крюкомъ цѣлитъ;
Таковъ староста богатый,
Сельской насыщаясь платой,
Таковъ весь содомъ.
Крючкотворцева жена
Такова же сатана,
А отъ этакой насѣдки
Таковыя же и дѣтки;
Съ сими тварьми одинаки
Батраки ихъ и собаки;
Весь таковъ ихъ домъ.

Хоръ къ гордости:

Гордость и тщеславье выдумывалъ бѣсъ
Шеринъ-да беринъ, лисъ, тра, фа,
Сатана за гордость низверженъ съ небесъ
Шеринъ-да беринъ лисъ, тра, фа....

Хоръ невѣжества:

То же все въ ученой рожѣ,
То же въ мудрой кожѣ!
Мы полезнаго желаемъ,
А на вредъ ученья лаемъ;
Прочь и азъ и буки!
Прочь литеры всѣ съ ряда!
Грамота, науки,
Вышли въ міръ изъ ада.

*
* *

Лучше жити безъ заботы,
Убѣгать работы,
Лучше ѣсть, пить и спати,
Нежели въ умѣ копати.
Трудны къ тѣмъ хоромамъ
Въ гору отъ земли подъѣзды,

Въ коихъ астрономамъ
Цялится на звѣзды.

Этотъ маскерадъ, въ продолженіе Масляницы, всякій день собирался на полѣ, предъ Аннинскимъ дворцемъ; (*) онъ двигался чрезъ всю Нѣмецкую слободу, въ новую Басманную до Бѣлаго города и возвращался по старой Басманной чрезъ мосты: Елоховъ и Салтыковъ, къ зимнимъ горамъ, иллюминованнымъ разноцвѣтными фонарями.

Подробныя свѣденія объ этомъ маскарадѣ сообщилъ Дмитревскій (**), знаменитый артистъ тогдашняго времени. Послѣднее время пребыванія своего въ Москвѣ, Императрица ознаменовала основаніемъ *Воспитательнаго дома.*

По случаю вѣнчанія Екатерины на царство, поднесено было ей множество стиховъ; это событіе вдохновило не только столичныхъ поэтовъ, но и иногородныхъ: во Владимірѣ Генер.-пор. Заборовскому, начальнику Владим. и Костромской губ., поднесена была на этотъ случай ода, сочиненная какимъ-то секретаремъ Воскресенскимъ, (***) состоящая изъ 16 строфъ, (въ 10 стих. каждая); вотъ первая строфа:

Сверхъ всѣхъ блаженствъ твоихъ, Россія,
Еще блаженство ново зришь,

(*) Аннинскій или Головинскій (противъ Нѣмецкой слободы, за Яузою.)

(**) Природная фамилія его была *Нарыковъ*; когда артистовъ Ѳ Гр. Волкова велѣно было привезть изъ Ярославля въ Петербургъ, имъ купили тулупы, киньги и, въ числѣ 14 чел , отправили ко двору Имп. Елисаветы. Тотчасъ, по прибытіи ихъ туда, приказано имъ было представить піэсу *Хоревъ* (Сумарокова); въ присутствіи Импер. отмѣривали ткани, кроили, дѣлали костюмы; женскую роль «*Оснельды*» игралъ Нарыковъ; Императ. сама прилаживала на голову его бриліантовый уборъ, румянила ему щеки и спросила его фамилію; Нарыковъ сказалъ ей.—«Ты похожъ на польскаго графа Дмитревскаго, отвѣчала она, впередъ такъ называйся.»

(***) Печатано въ Костромѣ, въ вольной типографіи.

И радости вкусивъ земныя,
Уже въ небесномъ чаешь быть;
Ей мнится, будто въ вѣчномъ мирѣ
Владычица ея въ порфирѣ
На Тронѣ блещущемъ сидитъ,
И, какъ державствующій геній,
Противнымъ силамъ дуновеній
Умолкнуть навсегда велитъ.

Коронація Императ. Павла I го была 1797 г. апрѣля 5-го. Существуютъ еще немногіе старожилы, которые помнятъ ее: въ самый Великій Четвергъ, 2 го апр., Государь выѣхалъ запросто верхомъ, съ небольшою свитою изъ Слободскаго дворца въ Москву, чтобы лично осмотрѣть приготовленія къ вѣнчанію своему. Никто его не ожидалъ. Въѣхавъ въ Кремль, онъ увидалъ тамъ приготовленныя мѣста для зрителей, они не понравились ему. «Чтобы къ завтрему же ихъ не было!» сказалъ онъ окружавшимъ его; въ ту же ночь, по отбытіи его изъ Кремля, всѣ доски и бревна, изъ которыхъ состояли мѣста, повалили подъ Кремлевскую гору. Угощеніе народное происходило на Лобномъ мѣстѣ и на Никольской улицѣ, около рядовъ. Неизвѣстный для насъ поэтъ имѣлъ счастіе поднести ему стихи съ хоромъ, сочиненные на этотъ торжественный случай; они начинались такъ (*):

Россія въ серцѣ, во Кремлѣ,
По обитаемой всей вѣдомомъ землѣ,
Въ чертогахъ праотцевъ державныхъ,
Къ отечеству любовью славныхъ;
Средь башенъ, кажущихъ двухглавыхъ честь орловъ,
Подъ звукомъ пушекъ и колоколовъ,
Со добродѣтелью уединенъ своею,
Со Августѣйшею семьею,
Царь Павелъ пребывалъ—
И милости оттоль народу проливалъ и т. д.

(*) Напечатаны въ Универс. типогр.

Каронація Импер. Александра I-го происходила 1801 г. сентяб. 15-го; народное угощеніе тогда было на Сокольничьемъ полѣ три дня; погода стояла прекрасная. Это событіе помнятъ еще многіе. На престолъ вступилъ Александръ 1801 г. Март. 12 (*) Ив. Наумовъ написалъ на этотъ всерадостнѣйшій день оду:

Настрой давно умолкшу лиру,
Воспѣть блаженство, Аполлонъ!
Мгновенье—и Россію сиру
Двукратно наполнялъ нашъ стонъ;
Мгновенье—и восторгъ священный
Вознесъ духъ Россовъ восхищенный
На верхъ блаженства и отрадъ.
Повсюду радостные лики,
Ликуйте, чуждые языки!
Со племенемъ Россійскихъ чадъ (**)!

А вотъ начало оды (Макс. Невзорова) на день коронованія Импер. Александра I-го:

Взнесися, какъ орелъ пернатый,
Превыше молній и громовъ,
Мой духъ! и радостью объятый,
Отъ свѣтлыхъ солнечныхъ круговъ
Простри свои веселы очи
Къ странамъ играющей полночи.
И съ восхищеніемъ внемли:
Какіе клики раздаются,
И гласы стройные несутся
Отъ сѣвера по всей земли (***).

(*) Число 12 было знаменательно для Александра I-го: 12-го марта онъ вступилъ на престолъ, 12 г. вступилъ въ борьбу съ Наполеономъ, 12-го іюня, того же года, Наполеонъ вступилъ на границы Россіи, 12-го іюля того же г. было прибытіе Алекс. въ Москву, важное по своимъ послѣдствіямъ, на, 12-е октября Наполеонъ вытѣсненъ былъ изъ Москвы—и наконецъ чрезъ дважды 12 своего царствованія скончался нашъ *Благословенный.*

(**) Послѣднія двѣ строки служатъ какъ бы предвѣстіемъ тому, что чуждые языки дѣйствительно ликовали съ Им. Александромъ въ 1814 г.

(***) Печатана у Люби, Гарія и Попова, въ Универ. Типог.

Всѣ эти стихи, не смотря на риторическій языкъ свой, не лишены поэзіи во многихъ мѣстахъ; особенно въ нихъ вездѣ замѣтна теплота чувствъ вѣрноподданническихъ къ своимъ владыкамъ; я не помѣщаю ихъ цѣликомъ, потому что они очень велики.—Коронація Им. Николая I-го многимъ современна,—она жива въ нашей памяти.

Теперь обратимся къ настоящему: Москва, наша богоспасаемая Москва, несмотря на старческіе годы свои, опять помолодѣла,—она безсмертна; священный Кремль (граде Сіоне) встрѣтилъ новаго Царя, новаго Владыку своего. Съ никогда ненасытнымъ любованіемъ осматривая Кремль, остановимъ особенное вниманіе на Чудовомъ монастырѣ и прильнемъ воспоминаніемъ опять къ прошедшему: въ 1818 Г. Импер. Александръ обрадовалъ Москву своимъ посѣщеніемъ; послѣ 1812 года она быстро обновлялась и устроивалась, стряхая съ себя прахъ и пепелъ пожарищъ. Въ то время и весь дворъ его долго гостилъ въ первопрестольной столицѣ. Настала Св. недѣля, и въ самое это время, апрѣля 17-го, въ обители св. Алексѣя Митрополита, въ Архіерейскомъ домѣ, родился виновникъ новаго торжества, которому Провидѣніе опредѣлило быть *Александромъ II-мъ*. Тамъ же онъ и просвѣщенъ былъ Св. крещеніемъ, въ самой той церкви, въ которой и Великій Петръ былъ крещенъ (*). Преосвященный Августинъ пріобщилъ Его Св. Тайнамъ, и послѣ того Августѣйшая бабка Его, Императрица Марія Ѳеодор., возложила внука своего на раку Святителя Божія, поручая порфиророднаго младенца покровительству Божія угодника. Этотъ день и это историческое событіе должно быть извѣстно и памятно не только Москвѣ, но и всей Россіи.—Импер. Николай Павловичъ, бывши тогда еще Велик. Княземъ, по этому случаю написалъ къ Преосвященному письмо слѣдующаго содержанія:

«Со страхомъ, свойственнымъ человѣку слабому, и съ надеждою, непокидающею вѣрующаго, видѣлъ я приближеніе рѣшительнѣйшей минуты въ моей жизни. Не зная, что опредѣлило мнѣ Провидѣніе,

(*) По свидѣтельству Ѳ. Туманскаго; см. записки его о жизни Петра I-го, 1787 г.

радость или горесть, я подкрѣпилъ душу мою обѣщаніемъ и ожидалъ съ покорностію воли Божіей. Ему угодно было благословить меня счастіемъ отца: Онъ сохранилъ и мать, и младеца! Изъявленіе благодарности не нужно Тому, Кто читаетъ въ глубинѣ души; но оно необходимо душѣ благодарной. Обѣщаніе мое, которое спѣшу исполнить, состояло въ томъ, чтобы во имя *Александра Невскаго* воздвигнуть придѣлъ въ церкви Новаго Іерусалима: это смиренное прошеніе счастливаго отца, повѣряющаго Отцу Всемогущему свое драгоцѣннѣйшее благо—участь жены и сына.

«Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко, прошу быть мнѣ помощникомъ и руководцемъ во исполненіи сего обѣта, священнаго моему сердцу. Пускай предъ алтаремъ, воздвигнутымъ благодарностію отца, приносятся молитвы и о матери, и о сынѣ, да продлитъ Всемогущій ихъ жизнь для собственнаго ихъ счастія, на службу Государю и пользу Отечеству!»

«Прося благословенія вашего и имъ и себѣ, пребываю и пр.» Пр. Августинъ усердно исполнилъ это священное и лестное для себя порученіе: еще при его жизни, въ Воскресенскомъ монастырѣ сооруженъ былъ храмъ во имя Св. *Александра Невскаго*, но освященъ онъ былъ уже преемникомъ Августина, Пр. Серафимомъ. Архимандритъ Воскресенской обители, Аполлосъ, изобразилъ это достопамятное письмо на мѣдной доскѣ, и поставилъ ее въ сооруженномъ придѣлѣ; Императоръ Александръ II-й, бывши еще Наслѣдникомъ Престола, посѣтивъ Воскресенскую обитель, увидѣлъ эту доску, и съ чувствомъ душевнаго умиленія прочелъ начертаніе своего рожденія; потомъ, на оборотѣ доски начертилъ свое имя (*).

(*) Смот. очеркъ жизни Моск. Архіеп. Августина. И. М. Снегирева.

МАНЕВРЫ ПРИ КРАСНОМЪ СЕЛѢ,

ПРОИСХОДИВШІЕ ПОДЪ СОБСТВЕННОЮ КОМАНДОЮ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II,

въ 1765 году (*).

Изъ всѣхъ историческихъ преданій, касающихся до правленія Императрицы Екатерины II-й, видно, что она вникала во всѣ отрасли администраціи, какъ гражданской, такъ и военной, даже духовной; не смотря на многосложность своихъ царственныхъ занятій, она находила время и для удовольствій, соединяя полезное съ пріятнымъ, и наоборотъ. Современники называли ее чудомъ своего вѣка, сѣверною Семирамидою. Еще при Императрицѣ Елисаветѣ, Екатерина оказывала знаки своего всеобъемлющаго ума въ обсужденіи нѣкоторыхъ серьезныхъ государственныхъ дѣлъ, вслѣдствіе чего Прусскій министръ Мардефельдъ (**) однажды сказалъ ей: Madame, vous regnerés, ou je ne suis qu'un sot. (Вы будете царствовать, или я глупецъ). J'accepte l'augure, отвѣчала она. (Принимаю предсказаніе).

(*) Источниками для этой статьи были разные обзоры царствованія Екатерины, но болѣе брошюра, очень рѣдкая, печатанная слишкомъ 90 лѣтъ тому назадъ, подъ названіемъ: Описаніе лагеря, собраннаго подъ Высочайшею Ея Императорскаго Величества собственною командою при Красномъ селѣ.

(**) Споспѣшествовавшій соединенію В. К. Петра съ Принцессою Ангальтъ-Цербстскою Софіею, названною послѣ Екатериною Алексѣевною.

Извѣстно, какъ Волтеръ, нещадившій никого изъ своихъ современниковъ, уважалъ ее: «гдѣ Екатерина, тамъ и рай,» выразился онъ въ одномъ письмѣ своемъ къ ней. Принцъ де-Линь въ своихъ запискахъ сказалъ: «Екатерина во всякой участи была бы превосходною женою; званіе Императрицы болѣе всего ей приличествовало; великость души, обширный разумъ равнялись съ пространствомъ ея державы.» Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «Въ Европѣ много молвятъ о Петербургскомъ кабинетѣ, но оный отнюдь не огроменъ, и только имѣетъ нѣсколько вершковъ пространства, отъ одного уха Екатерины до другаго.

И патріархальный поэтъ нашъ Державинъ сказалъ:

Екатерина въ низкой долѣ
И не на Царскомъ бы престолѣ
Была бъ великою женой.

Сама же она очень скромно отзывалась о дѣлахъ своихъ: *я занимаюсь своимъ маленькимъ хозяйствомъ*, говорила она, *оно идетъ довольно хорошо.*

Но обратимся къ своему предмету. Первые незначительные маневры въ ея царствованіе были въ 1764 г. въ Ревелѣ, въ Балтійскомъ портѣ и въ Ригѣ, вотъ по какому случаю: чтобы ознакомиться съ подданными своими въ Остзейскихъ губерніяхъ и осмотрѣть въ той сторонѣ расположенныя войска, она предприняла туда путешествіе, (20 іюня). Это путешествіе ея представляло самый тріумфальный поѣздъ: отвсюду, на встрѣчу ей, стекались жители городовъ и селеній, повсюду виднѣлись торжественныя ворота, слышался колокольный звонъ и пушечная пальба, дѣвицы избранныхъ фамилій, изящно одѣтыя, устилали путь ея цвѣтами. Такъ проѣхала она Нарву и достигла Ревеля. Весь городъ, въ ожиданіи ея, горѣлъ огнями иллюминацій; находившіеся тамъ пять полковъ, подъ командою тогда еще незнаменитаго Румянцева, встрѣтили ее парадно. Она остановилась въ Екатеринендалѣ. Начались роскошные балы, маскерады и обѣды: дворянство, рыцарство, купечество и даже простые бюргеры соревновали въ празднествахъ; при столѣ Императрицѣ служили дочери бургомистровъ, а сами они стояли за

креслами ея; при возглашеніи здравія ея гремѣли выстрѣлы, въ честь ея пѣли нарочно сочиненныя кантаты, на ратушѣ горѣлъ разсвѣщенный вензель ея. Послѣ этихъ празднествъ, Екатерина на конѣ, въ полномъ мундирѣ, отправилась въ лагерь: тамъ произвели для нея примѣрное сраженіе, (*) которымъ она долго любовалась и осталась имъ очень довольна. Эти чувства выразила она командиру полковъ, Румянцему, въ ставкѣ, за обѣдомъ, какъ бы предвѣщая ему скоро сдѣлаться славнымъ героемъ.

Пробывъ въ Ревелѣ шесть дней, она, въ концѣ іюня, поплыла на кораблѣ св. Климента къ Балтійскому порту. Здѣсь встрѣтилъ ее маститый стратигъ Минихъ, и представилъ ей зрѣлище другаго рода: морской бой; (**) въ полномъ удовольствіи, благодаря, съ свойственною ей милостію и любезностію, посѣдѣвшаго подъ лаврами героя, она приняла его просьбу: отобѣдать у него на самомъ берегу; съ корабельныхъ и галерныхъ мачтъ раздавались, во время трапезы, звуки трубъ и литавръ — и богатырскій, русскій посвистъ: ура!

Наконецъ прибыла она въ Ригу. Ее встрѣтили и провожали въ этотъ городъ: генералъ-губернаторъ Броунъ, фельдцехмейстеръ Вильбоа, графъ Чернышевъ, гвардіи маіоръ графъ Григ. Григ. Орловъ, двѣ конныя гвардейскія роты; по сторонамъ парадной кареты ея (въ которую она пересѣла изъ дорожной, не доѣзжая до Риги) скакали генералъ-адъютанты, за свитою ея ѣхалъ кирасирскій эскадронъ. Такъ прибыла она къ приготовленному для нея рыцарскому дому, на лѣстницѣ котораго встрѣтилъ ее извѣстный временщикъ Императрицы Анны, герцогъ Курляндскій, Биронъ, облагодѣтельствованный Екатериною. Ландмаршалъ шелъ предъ ней съ серебрянымъ жезломъ. Она кушала подъ богатымъ наметомъ, ей прислуживали: Ландмаршальша и три ландрата. Императрица была такъ милостива

(*) Пять пѣхотныхъ полковъ и два конныхъ: кирасирскій и карабинерный.

(**) Еще въ 1763 г. по возвращеніи изъ Москвы, послѣ коронаціи своей, Екатерина осматривала въ Кронштадтѣ флотъ и для исправленія его учредила особую коммиссію; въ 1764 г. предъ отбытіемъ своимъ въ Эстляндію, она вторично осмотрѣла его.

и обязательна, что не отказалась отъ приглашенія на обѣдъ, который давало ей купеческое общество. На другой день прибытія ея въ Ригу, она отправилась въ Ратушу пѣшкомъ, со всею свитою своею; рамами этой живой, великолѣпной картины, былъ стѣснившійся народъ. Тутъ также пѣли хоры, подносили ей стихи и вѣнки изъ розъ; по окончаніи обѣда, на биржѣ, данъ былъ въ честь ея концертъ.

Цѣль Екатерины была—осмотрѣть войска, стоявшія въ лагерѣ, въ 14 верстахъ отъ Риги, подъ начальствомъ фельдмаршала Бутурлина. Она отправилась туда; для нея сдѣлали среди поля богатую ставку, изъ которой она смотрѣла на маневры. Послѣ того Биронъ удостоился посѣщеніемъ ея въ Митавѣ; онъ встрѣтилъ и провожалъ карету ея съ сыновьями своими верхомъ. Ей сдѣланъ былъ, разумѣется, блистательнѣйшій пріемъ; на границѣ владѣній Бирона ожидали ее главные сановники герцога (*). Здѣсь, въ нарочно устроенномъ для нея шатрѣ, Екатерина завтракала и возложила на старшаго сына Биронова, Андреевскій орденъ. Около Митавы встрѣтилъ Государыню Сибирскій полкъ, и, салютуя ей, преклонилъ предъ ней знамена. Курляндцы выбѣжали изъ города, крича: виватъ! Герцогиня встрѣтила державную гостью у крыльца. Императрица была такъ милостива, что за обѣдомъ привстала съ кубкомъ въ рукѣ и пожелала хозяевамъ здоровья: тогда герцогъ, со всѣмъ семействомъ своимъ, бросился предъ ней на колѣни и благодарилъ ее за эту честь.

При возвращеніи Государыни, въ тотъ же день, въ Ригу, сынъ герцога, Петръ, бросалъ столпившемуся по дорогѣ народу деньги; въ честь прибытія ея въ Митаву выбита была медаль. Въ Ригѣ Государыня была до 15 іюля; путешествіе ея продолжалось слишкомъ мѣсяцъ.

Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, Екатерина приказала нарочно учрежденной воинской коммиссіи собрать всѣ прежнія воинскія постановленія, тщательно пересмотрѣть ихъ, переформировать,

---

(*) Екатерина возвратила Бирону герцогство его; будучи еще прежде возвращенъ изъ ссылки, онъ не имѣлъ его до вступленія на престолъ Екатерины.

дополнить новыми и приспособить ихъ къ настоящему времени. Такимъ образомъ, подъ личнымъ ея наблюденіемъ, вышли новые штаты и учрежденія, относительно военной администраціи (*). Во время пребыванія своего въ Москвѣ, по случаю коронаціи своей, Екатерина, среди блестящихъ празднествъ, общихъ и частныхъ, даваемыхъ въ честь ея, не преминула осмотрѣть въ лагерѣ полки, собранные подъ командою генералъ-фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова.

1765 г. лѣтомъ, (на другой годъ послѣ путешествія своего въ Остзейскія губерніи) Екатерина предприняла морское путешествіе за Красную горку, до высоты Гаривалла; тамъ осматривала она движеніе флота и бомбардированіе флотомъ нарочно построеннаго для этого случая городка, на островѣ Гориваллѣ. Попеченіе ея о флотѣ, какъ извѣстно, принесло важные результаты, особенно въ войнахъ съ Турціей и съ Швеціей.

Послѣ этого она возъимѣла желаніе сдѣлать большіе маневры на сухомъ пути, чтобы лично удостовѣриться въ пользѣ новыхъ воинскихъ учрежденій, и потому, вслѣдствіе собственныхъ распоряженій ея, повелѣно было собрать войско въ главный лагерь, недалеко отъ Краснаго села, въ 30 верстахъ отъ Петербурга. Собранное войско раздѣлили на три дивизіи.

1-я дивизія находилась подъ командою генералъ-фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина: она состояла изъ полковъ лейбъ-гвардіи коннаго, Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго; изъ полевыхъ полковъ: Кирасирскаго Его Императорскаго Высочества и Кирасирскаго 3-го.

2-я дивизія подъ командою ген. кн. Александра Михайловича Голицына изъ конныхъ полковъ Новгородскаго и Петербургскаго карабинерныхъ; изъ пѣхотныхъ: Смоленскаго, Ярославскаго, Вологодскаго, Великолуцкаго, Нарвскаго, Нашсбургскаго, Низовскаго, Суздальскаго и Бомбардирскаго артиллерійскаго.

3-я дивизія подъ командою генерала Петра Ивановича Панина

(*) 1765 г. учрежденъ Егерьскій корпусъ; 1766 г. издана инструкція полкамъ.

изъ конныхъ полковъ карабинерныхъ Архангелогородскаго и Нарвскаго; изъ пѣхотныхъ: перваго Московскаго, Рязанскаго, Тобольскаго, Кабардинскаго, Копорскаго и Псковскаго (*).

Артиллерія изъ 44 полевыхъ орудій состояла подъ командой генералъ-фельдцехмейстера графа Григорія Григорьевича Орлова. Сверхъ того на этихъ маневрахъ находились легкія войска: Грузинскій гусарскій полкъ, пятисотная команда Донскихъ козаковъ и 30 чел. Калмыковъ.

Ко вступленію въ назначенный лагерь опредѣлено было 15 ч. іюня, 1765 г.

Дивизія генерала Панина находилась въ Финляндіи на квартирахъ; къ 13 іюня она прибыла оттуда въ Петербургъ и проходила церемоніальнымъ маршемъ чрезъ городъ. Императрица, съ наслѣдникомъ престола своего, смотрѣла на нее изъ покоевъ деревяннаго зимняго дома и осталась очень довольна устройствомъ ея. Прочіе полки, которые стояли около Петербурга, Императрица осматривала частію на мѣстѣ, частію на дорогѣ, во время марша ихъ, въ домѣ оберъ-гофмаршала графа Карла Ефимовича Сиверса.

На маршъ дивизіи графа Бутурлина Государыня смотрѣла съ приморской дачи графа Сиверса, сидя подъ шатромъ.

Дежурный Ея Величества, генералъ-адъютантъ, графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, сообщилъ графу Бутурлину монаршее благоволеніе въ письменномъ отношеніи (**) за отличный порядокъ ввѣренныхъ ему войскъ (отъ 15 іюня, 1756 г.)

(*) Здѣсь именуются полки для того, что, можетъ быть, нѣкоторымъ интересно знать наименованіе ихъ; многіе изъ нихъ уже переименованы.

(**) Для любопытныхъ помѣщаю точную копію его: за сугубое счастіе почитаю, что имѣю честь чрезъ сіе вашему сіятельству объявить удовольствіе и благоволеніе Всемилостивѣйшей нашей Самодержцы о полкахъ лейбъ-гвардіи, которое они вчерашній день шествіемъ своимъ въ станъ, назначенный подъ Краснымъ селомъ, въ сердцѣ Ея Императорскаго Величества произвели. Премудрая и народъ свой, Богомъ ей ввѣренный, чрезмѣрно любящая Монархиня, видя полки своей лейбъ-гвардіи въ такомъ состояніи, какого она желала, несказанно радовалася, что они предпринимаемымъ для пользы всего Россійскаго общества вамѣ-

16 и 17 ч. войска упражнялись въ лагерѣ разными экзерциціями, на что Государыня смотрѣла, не бывъ никѣмъ видима.

18-го ч. Государыня отправилась изъ Петербурга съ придворнымъ штатомъ своимъ и съ волонтерами (имена ихъ означатся въ концѣ статьи) въ Красное село, въ нарочнопостроенный для нея, хотя наскоро, но помѣстительный и красивый домъ; тамъ ожидалъ ее наслѣдникъ престола съ своимъ оберъ-гофмейстеромъ, графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ. Командиры дивизій, тотчасъ по прибытіи ея, подали ей рапорты о состояніи ввѣренныхъ имъ войскъ.

19-го Государыня слушала литургію въ приходской Краснаго села церкви; въ этотъ же день отданъ былъ приказъ, чтобы во все время лагеря, пока Ея Имп. Велич. сама имъ командовать будетъ, безсмѣнно дежурить генералъ-адъютанту графу Григорію Григорьевичу Орлову, а за отсутствіемъ его съ докладами обращаться къ генералъ-квартирмейстеру, князю Александру Алексѣевичу Вяземскому или къ генералу Чичерину. Генералъ-адъютанту вмѣнено было въ обязанность и въ мирное и въ военное время (какъ сказано въ 5 и 6 ст. наставленія) присутствовать на всѣхъ военныхъ совѣтахъ, отдавать приказы, наряды и пр., донося о томъ Ея Импер. Вел.

Сигнальную пушку приказано было поставить къ ставкѣ Ея Велич. и также туда пріѣзжать за паролемъ.

Въ 5 час. пополудни Государыня, въ мундирѣ конной гвардіи, въ сопровожденіи свиты своей и деташамента конной гвардіи, отправилась верьхомъ въ лагерь, гдѣ ожидали ее всѣ полки, выстро-

---

реніямъ Ея Величества ревностію своею и усердіемъ соотвѣтсвуютъ и какъ первый Россійскихъ войскъ корпусъ служатъ похвальнымъ примѣромъ всѣмъ прочимъ. Чего для Ея Императорское Величество изволила Высочайше указать, собравъ всю гвардію, объявить имъ сію Монаршую милость, штабъ-офицерамъ и оберъ-офицерамъ за прилежное ихъ смотрѣніе благодарить, а унтеръ-офицерамъ и рядовымъ за послушаніе и исправность достойную отдать похвалу, и что сей ихъ поступокъ наивящшее Ея Имп. Вел. благоволеніе заслужилъ и что впредь Ея Вел. изволитъ надѣяться ихъ всегда видѣть такъ, какъ видѣла, съ пламеннымъ желаніемъ исполнять Ея волю. Сообща сіе, имѣю честь поздравить ваше сіятельство съ общею намъ радостію всѣхъ вѣрныхъ рабовъ Ея Вел., находящихся въ корпусѣ лейбъ-гвардіи.

Графъ Г. Орловъ.

енные въ двѣ линіи. Лишь только она подъѣхала къ правому крылу первой линіи, графъ Бутурлинъ встрѣтилъ ее, отсалютовалъ ей шпагою и поѣхалъ предъ ней вдоль своей дивизіи. Всѣ полки отдавали ей обычную честь. Наслѣдникъ престола, въ полномъ полковничьемъ мундирѣ и въ кирасѣ, стоялъ предъ своимъ полкомъ, и когда къ нему Государыня подъѣхала, онъ, отсалютовавъ ей, поѣхалъ за ней по обѣимъ линіямъ.

Для этого осмотра Государыня употребила два часа. Войско встрѣчало ее оглушительно-восторженными привѣтствіями. Потомъ она опять подъѣхала къ правому крылу и остановилась. Между тѣмъ производенъ былъ отъ арміи бѣглый огонь, а отъ артиллеріи пушечная пальба. Послѣ того Государыня отправилась въ ставку главной квартиры, при подошвѣ Дадуровской горы, приказавъ объявить всѣмъ, бывшимъ тогда въ парадѣ войскамъ, Высочайшее свое благоволеніе, за ихъ исправность и порядокъ.

20 іюня до 11 ч. Государыня занималась государственными дѣлами, потомъ жаловала генераловъ и штабъ-офицеровъ къ рукѣ. Такъ какъ тогда хотѣли произвести маневры съ цѣлію, чтобъ всѣмъ и каждому показать свои способности и искусство въ военномъ дѣлѣ, то при паролѣ отданъ былъ приказъ къ началу дѣйствій: графу Панину выступить въ походъ, бригадиру Ивану Михайловичу Измайлову быть въ готовности къ походу, ожидая, когда корпусъ Панина выступитъ, тогда и ему стать между мызой Головиной и деревни Тоицкой, чтобы прикрыть легкими войсками лѣвый флангъ и фронтъ арміи.

Пополудни въ 5-мъ часу Ея Имп. Вел. въ армейскомъ мундирѣ отправилась верхомъ къ корпусу графа Панина и приказала ему тотчасъ снять свой лагерь и выступить для занятія новаго мѣста при рѣкѣ Пудости, близь деревни Пурско, а маршъ свой направить такимъ образомъ, какъ бы отъ непріятеля никакой видимой опасности не было. Это приказаніе начало исполняться съ такимъ порядкомъ и быстротою, что заслужило одобреніе Ея Вел. и привело въ удивленіе многочисленныхъ зрителей, съѣхавшихся на эти маневры, какъ изъ Петербурга, такъ и изъ всѣхъ окрестностей его. Едва

только данъ былъ къ тому сигналъ барабаномъ, какъ вдругъ, въ одно мгновеніе, повалились всѣ палатки и чрезъ нѣсколько минутъ укладены уже они были на воза. Авангардъ двинулся, и за нимъ стройно направило маршъ свой все войско; несмотря на каменистую и поросшую кустарникомъ дорогу, колонны войскъ не прерывались, на что Ея Имп. Вел. смотрѣла съ особеннымъ удовольствіемъ.

Государыня отправилась впередъ на то мѣсто, на которомъ назначено корпусу разбить лагерь, на разстояніи 9-ти верстъ отъ прежняго мѣста: за ней спѣшно прибыло все войско и также быстро разбило свои палатки, какъ и сняло ихъ.

Послѣ этого Ея Имп. Вел. съ Его Имп. Высоч. и всею свитою своею удостоила своимъ посѣщеніемъ главную квартиру командующаго генерала, и тамъ имѣла вечерній столъ, а между тѣмъ приказала, чтобы приняты были всѣ мѣры предосторожности противъ стоящаго въ близости корпуса, который почитался непріятельскимъ.

21 іюня, по окончаніи государственныхъ дѣлъ, Ея Имп. Велич. предприняла рекогносцированіе непріятельскаго лагеря, чтобы видѣть положеніе его и предпринимаемыя имъ дѣйствія. Планомъ атаки она располагала сама: полку конной гвардіи приказала она прикрывать выступленіе ея по дорогѣ къ деревнѣ Техвиной (на протяженіи 4 верстъ), а двумъ стамъ гусаръ и командѣ казаковъ, составлявшихъ авангардъ, идти впереди въ полуверстѣ, бригадиру же Измайлову, съ его легкимъ корпусомъ, приказано было ожидать прибытія Ея въ помянутой деревнѣ, но не предпринимать никакихъ дѣйствій, чтобъ прежде времени не встревожить непріятелей. Послѣ этого Государыня, оставивъ конный полкъ гвардіи при деревнѣ, чтобы на всякій случай обезопасить отступленіе свое, двинула легкій корпусъ противъ праваго непріятельскаго крыла.

При первомъ наступленіи нашихъ гусаръ и казаковъ, непріятельскіе ведеты, соединясь съ своими пикетати, начали, отстрѣливаясь, отступать къ своему лагерю, и хотя главнокомандующій ихъ, графъ Панинъ, подкрѣпилъ ихъ, но счелъ за нужное придвинуть ихъ къ артиллеріи, расположенной на высотахъ. Между тѣмъ какъ наши

казаки и гусары производили быструю атаку, Суздальскій пѣхотный полкъ, предводимый полковникомъ своимъ Суворовымъ, оттѣснилъ непріятеля и началъ занимать вышины одну за другою, очищая путь Ея Велич., а кавалерія, раздѣлясь по обѣимъ сторонамъ этихъ высотъ, такъ строилась, что была для легкихъ войскъ близкимъ и сильнымъ подкрѣпленіемъ, а пѣхотѣ составляла флангъ.

При этой атакѣ, повелѣнія Ея Велич. исполнялись точно и успѣшно; видя сильное сопротивленіе непріятеля, была сдѣлана ему диверсія и на лѣвомъ флангѣ. Но должно было отдать справедливость и распоряженіямъ графа Панина: онъ старался показать себя сильнѣйшимъ, нежели былъ на самомъ дѣлѣ, и вслѣдствіе этого занялъ своимъ лагеремъ и форпостами болѣе мѣста, нежели ему нужно было, однакожъ, такимъ образомъ, чтобы не ослабить своего корпуса. Онъ весьма искусно воспользовался высотами мѣстности, чтобы укрѣпить свой лагерь, и привелъ его въ такое положеніе, что атаковать и сбить его съ мѣста было очень трудно. По мѣрѣ наступленія на него непріятельскихъ войскъ, онъ сперва дѣлалъ успѣшное сопротивленіе, а послѣ изъ оборонительнаго дѣйствія перешелъ въ наступательное, и началъ выводить изъ своего лагеря кавалерію и пѣхоту. Но Екатерина сама видѣла расположеніе непріятельскаго лагеря, и распорядилась такъ, чтобы легкій корпусъ отступилъ въ прежній свой лагерь; лейбъ-гвардейскій полкъ провожалъ ее отъ деревни Техвиной, а гусары, новоучрежденные егеря и казаки продолжали перестрѣливаться, прикрывая отступленія Ея. Въ 10 часу Государыня возвратилась къ своей ставкѣ, а за ней и все войско, разставивъ форпосты.

22 іюня былъ день отдохновенія для обоихъ корпусовъ арміи, по причинѣ сильнаго дождя. Государыня принимала рапорты отъ командировъ войскъ.

23 іюня получены были извѣстія, что въ непріятельскомъ лагерѣ происходятъ большія движенія. Такъ какъ легкій корпусъ поставленъ былъ на такомъ мѣстѣ, что могъ не только подвергнуться нападенію непріятелей, но и быть отрѣзаннымъ, вслѣдствіе этого при паролѣ тотчасъ отданъ былъ приказъ: если будетъ нападеніе на

корпусъ бригадира Измайлова, то, для подкрѣпленія его, быть въ готовности конному лейбъ-гвардейскому полку и бригадѣ князя Алекс. Михайловича Голицына, съ 12 фунтовыми пушками; самому же бригадиру Измайлову, въ случаѣ приближенія непріятеля съ большими силами, снявъ свой лагерь и отправя обозы къ горамъ, ожидать подкрѣпленія. Ему же Измайлову отправить 100 человѣкъ гусаръ и столько же казаковъ къ Новой деревнѣ, находящейся въ 2 верстахъ передъ фрунтовъ лѣваго крыла, и велѣть оттуда примѣчать за движеніями непріятеля и обо всемъ доносить рапортомъ ген.-адъютанту.

Если дѣйствительно легкій корпусъ будетъ атакованъ, то лейбъ-гвардейскій Измайловскій и два кирасирскіе полка должны немедленно подвинуться къ Новой деревнѣ и прикрывать фрунтъ арміи или отрѣзать непріятельскій корпусъ, или, въ случаѣ отступленія его, преслѣдовать его. Въ то же время резервы всѣхъ полковъ должны построиться на лѣвомъ крылѣ своихъ дивизій, а карабинерный Новгородскій предъ своими палатками.

По выступленіи резервовъ, гренадерскія роты должны быть въ готовности идти на подкрѣпленіе, куда будетъ нужно.

Въ 4 часу бригадиръ Измайловъ рапортовалъ, что непріятельскій корпусъ выступилъ съ своей позиціи въ большомъ числѣ, и, раздѣлясь на три колонны, кажется, такимъ образомъ учреждаетъ свой маршъ, чтобы не только устремиться на его корпусъ, но въ то же время и обойти его съ лѣваго крыла, чтобы захватить и отрѣзать. Вслѣдствіе этого, Государыня тотчасъ приказала своему генералъ-адъютанту графу Орлову отправиться къ посту Измайлова, чтобы тщательно наблюдать за движеніемъ непріятельскаго корпуса. Между тѣмъ рапорты отъ Измайлова быстро посылались одинъ за другимъ, въ которыхъ онъ извѣщалъ о поспѣшномъ приближеніи непріятеля. По этому случаю графъ Орловъ тотчасъ приказалъ конному лейбъ-гвардейскому полку и 1-й бригадѣ пѣхоты, подъ командою генералъ-маіора Бекендорфа, поспѣшно идти на подкрѣпленіе легкому корпусу, а самъ графъ, прискакавъ къ нему, нашелъ уже его въ тревогѣ; лагерь его былъ снятъ и обозъ былъ отправленъ въ указанное мѣсто.

Гусары и казаки высланы были замедлять наступленіе непріятеля. Плоское мѣсто отъ мызы Тоицкой до бугра и рощи направо и вѣтреная мельница заняты были пѣхотою съ нѣсколькими пушками, подъ командою полковника Суворова, правѣе же оттуда деревня и дорога, находящаяся между деревней и небольшимъ озеромъ, также пѣхотою, а кустарникъ егерями; кавалерія по-эскадронно разставлена была за высотами, такъ что могла скоро поспѣть на помощь, а сама была прикрыта отъ непріятельской артиллеріи, самыя же высоты заняты были пѣхотою съ пушками.

Распорядившись такимъ образомъ, графъ Орловъ отправился далѣе къ легкимъ войскамъ, чтобъ видѣть еще ближе дѣйствія непріятелей. Тутъ онъ замѣтилъ, что непріятельская армія, подъ командою графа Панина, несмотря на лѣсистую и болотистую дорогу, съ тяжелою артиллеріею приближалась поспѣшно и въ большомъ порядкѣ. Такимъ же образомъ, выступая и на ровное предъ Тоицкою мызою мѣсто, графъ Панинъ такъ хорошо прикрывалъ строящуюся пѣхоту легкими войсками своими и кавалеріею, что вполнѣ удостоился одобренія прибывшей на высоты Государыни, откуда она смотрѣла на движеніе непріятелей.

Государыня замѣтила, что третья колонна непріятельскаго корпуса направляется прямо на правое крыло Ея арміи, почему и приказала спѣшно выступить резервамъ, чтобъ непріятели не предускорили ихъ занятіемъ высотъ; генералъ-маіоръ Философовъ быстро и удачно исполнилъ это дѣло.

Передніе посты нашего войска превосходною непріятельскою силою были вытѣснены съ своихъ мѣстъ, и генералъ Панинъ, занявъ весьма выгодную для себя около рощи высоту, и поставя на ней пушки, подъ прикрытіемъ сильной стрѣльбы ихъ, выводилъ сперва легкое свое войско, а потомъ пѣхоту, желая вытѣснить корпусъ Измайлова, но третій кирасирскій полкъ, вслѣдствіе предварительныхъ распоряженій, сдѣлалъ диверсію на лѣвое непріятельское крыло, въ то же время и резервы генерала Бекендорфа выступили впередъ и остановили напоръ непріятелей.

Между тѣмъ генералъ Панинъ, извѣстясь, что третья колонна его

сильно атакована, заблагоразсудилъ подкрѣпить ее и не допустить никакой опасности до своего лагеря, и поэтому въ большомъ порядкѣ отвелъ свою пѣхоту въ лѣсъ, прикрывъ отступленіе свое кавалеріею. Государыня остановила преслѣдованіе непріятельскаго войска.

Одною изъ двухъ колоннъ непріятельскихъ предводительствовалъ самъ г. Панинъ, другою генералъ-поручикъ баронъ Дицъ, при кавалеріи же его корпуса находился генералъ маіоръ Опочининъ, при пѣхотѣ генералъ-маіоръ кн. Щербатовъ, а при артиллеріи полковникъ Мордвиновъ.

3-я непріятельская колонна, подъ командою генералъ-маіора Ренненкампфа направлялась на правое крыло нашей арміи, чтобъ сохранить лѣвый флангъ своей арміи отъ нашего нападенія; Государыня, услыхавъ далеко впереди отъ праваго крыла нашего сильную пушечную стрѣльбу, поспѣшно поскакала туда и усмотрѣла, что генералъ Рененкампфъ движеніемъ своимъ старался облегчить намѣреніе генерала Панина, но встрѣтилъ сильное и готовое сопротивленіе, потому что комаидующій Измайловскимъ полкомъ, Василій Ивановичъ Суворовъ, принудилъ его отступить. Государыня, по случаю наступленія поздняго времени, и здѣсь остановила преслѣдованіе. Между тѣмъ г. Панинъ съ частію своей кавалеріи прибылъ на помощь къ 3-й колоннѣ своей и прикрылъ отступленіе ея.

24 іюня (день Рождества Іоанна Крестителя) Государыня слушала литургію въ полковой лейбъ-гвардіи коннаго полка церкви, а по возвращеніи оттуда, принимала рапорты и жаловала къ рукѣ. Въ этотъ день предприняли удостовѣриться: намѣренъ ли непріятель, въ случаѣ наступленія на него всею силою, дать генеральную баталію, или уклониться отъ нея отступленіемъ.

По этому случаю при паролѣ отданъ былъ приказъ:

1) Чтобы въ 4-мъ часу вся кавалерія предъ лагеремъ, у деревни Лиговой, построилась въ двѣ линіи.

2) Когда отданъ будетъ приказъ о походѣ, то маршировать двумя колоннами, а указателями дорогъ должны быть ген. квартирмейстеръ Каховскій и оберъ-квартирмейстеръ Бекетовъ.

Государыня, прибывъ въ 5-мъ часу пополудни верьхомъ, въ мундирѣ пѣхотной гвардіи, къ помянутой кавалеріи, тотчасъ приказала ей маршировать въ двѣ колонны, что было исполнено въ величайшемъ порядкѣ, а сама она отправилась вслѣдъ за кавалеріею. Приблизившись на пушечный выстрѣлъ къ лѣвому непріятельскому крылу, вся кавалерія построилась въ двѣ линіи съ большою скоростію; послѣ этого устроились и небольшія команды гусаръ и непріятельскіе пикеты и лагерь.

Г. Панинъ лишь только увидалъ приближеніе къ нему непріятелей, какъ тотчасъ принялъ твердое намѣреніе не уклоняться отъ баталіи. Онъ собралъ къ себѣ форпосты свои и пикеты, кавалерію свою перевелъ на лѣвое крыло, а пѣхоту приготовилъ къ генеральному сраженію, и лишь только началась съ обѣихъ сторонъ стрѣльба, какъ палатки въ лагерѣ его быстро были сняты, и пѣхота его двинулась на подкрѣпленіе своей кавалеріи.

Государыня, удостовѣрившись, что непріятельское войско готово выдержать атаку войскъ ея, приказала возвращаться въ свой лагерь, что и было исполнено въ величайшемъ порядкѣ, при перестрѣлкѣ однихъ только легкихъ войскъ, слѣдовавшихъ позади всей арміи; г. Панинъ кавалерію свою изъ-подъ защиты артиллеріи выводить не хотѣлъ, но по отступленіи непріятелей, тотчасъ возстановилъ свой лагерь.

Въ 10-ть часовъ вечера Государыня прибыла въ свою ставку.

25 іюня назначено быть новой баталіи. Утромъ, по обыкновенію, Государыня занималась отправленіемъ государственныхъ дѣлъ, потомъ принимала рапорты и жаловала къ рукѣ, а между тѣмъ при паролѣ отданъ былъ приказъ:

1) Лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку, въ три часа пополудни, ударить генеральный маршъ, въ три ч. съ $^{1}/_{4}$ по возамъ, въ четыре ч. сборъ—и тотчасъ выступать колоннами.

2) Походъ учредить пятью колоннами.

3) Снявъ лагерь и уклавъ палатки на воза, оставить весь обозъ позади, а вьючныхъ лошадей имѣть въ готовности.

4) Всѣмъ выступающимъ войскамъ взять съ собою провіанта на

одни сутки, и столькожъ фуража для лошадей, манерки наполнить водой.

5) Коллоннамъ наблюдать, чтобъ во время марша головы ихъ были въ одной линіи, для того, чтобы придти на мѣсто сраженія всѣмъ въ одно время. Пятой же колоннѣ, состоявшей изъ легкихъ войскъ, ускорить прибытіемъ своимъ туда, чтобы атаковать непріятельскій постъ, укрѣпленный редантами и артиллеріею, потому что онъ расположенъ былъ на такомъ хребтѣ, который простирался почти до нашего лагеря и съ него видны были всѣ наши движенія, которымъ они могли препятствовать.»

6) Отъ легкаго корпуса отдѣлить 200 чел. гусаръ и 100 козаковъ, чтобъ они, разъѣзжая впереди, прикрывали фронтъ колоннъ, а по прибытіи арміи нашей на мѣсто, стать имъ въ третью линію, близь парка артиллеріи.

7) При каждой колоннѣ, кромѣ кавалерійскихъ, впереди имѣть по двѣ пушки, и еслибъ непріятели вздумали чинить движенію нашему какое-нибудь препятствіе, то стрѣлять изъ нихъ не останавливаясь.

8) Какъ скоро построится фронтъ, тотчасъ изъ всѣхъ орудій, состоящихъ въ паркѣ, составить четыре батареи: двѣ по флангамъ и двѣ по срединѣ, передъ 1-й колонною.

9) Лейбъ-гвардіи конному полку быть въ эскортѣ Ея Величества и во время сраженія стоять въ 3-й линіи.

Въ назначенное время лагерь былъ снятъ съ величайшею быстротою, колонны двинулись стройно, Государыня смотрѣла на движеніе ихъ изъ своей ставки, которая была расположена на высотѣ; чрезъ нѣсколько времени она сама отправилась за войскомъ, въ сопровожденіи Наслѣдника своего Престола, всей свиты и деташамента (*) кавалергардовъ; во время похода она подъѣхала къ нѣкоторымъ колоннамъ и милостиво разговаривала съ командующими ими генералами.

(*) Отрядъ, военная команда; во фронтѣ деташаментомъ называется отдѣленіе, часть эскадры, наряженная въ какую-нибудь посылку, для исполненія какого нибудь порученія.

Бригадиръ Измайловъ съ своимъ легкимъ корпусомъ, еще до прибытія главной арміи, данное въ 5 пунктѣ повелѣніе исполнилъ удачно: онъ вытѣснилъ непріятельскихъ гренадеръ изъ ихъ поста, овладѣлъ одною пушкою и самъ занялъ ихъ мѣсто. Вслѣдствіе чего Государыня приказала прочимъ колоннамъ, чтобы онѣ примыкали лѣвымъ крыломъ къ занятому посту и деплоировались (*) вправо, а бригадиру Измайлову обходить правое непріятельское крыло и показывать такой видъ, что будто онъ намѣревается зайти ему въ тылъ и отрѣзать его отъ трехъ мостовъ, построенныхъ чрезъ р. Пудость, и отъ находящихся за этою рѣкою магазиновъ.

Колонны съ такою скоростію и порядкомъ деплоировались, что тотчасъ могли быть ведены въ дѣло; но предварительно предъ дѣйствіемъ этого маневра нужно взглянуть на положеніе непріятельскаго корпуса: передъ правымъ крыломъ его находилась гора, сильно укрѣпленная артиллеріею и разными земляными работами; на лѣвомъ крылѣ его также находилась выгодная высота, укрѣпленная редантами (**) и артиллеріею. Первая линія пѣхоты его построена была между этими укрѣпленными возвышеніями, примыкая къ нимъ; вторая линія расположена была по высотамъ, отъ горы праваго крыла, въ заворотъ до рѣки Пудости, на которой построены были мосты; находящіяся тутъ высоты также заняты были редантами съ

(*) Деплоировать. т.-е. строить фронтъ. Когда во время ученья или марша дѣйствующая часть войска идетъ колонною или сгущеннымъ фронтомъ, какъ то бываетъ при переходѣ чрезъ узкія мѣста, и когда потомъ нужно бываетъ выстроить обыкновенный фронтъ, состоящій изъ трехъ ширенгъ, то это исполняется по командѣ начальника: *деплоировать* на право или на лѣво, какъ позволитъ мѣстоположеніе.

(**) *Редантъ* или *реданъ*—временныя укрѣпленія или строенія въ ретрашементахъ, (окопъ, полевое укрѣпленіе, дѣлающееся для укрѣпленія лагерей, обозовъ и пр. Ратрашементъ имѣетъ ровъ и *парапетъ* или *брустверъ*, т.-е. строеніе, дѣлающееся изъ земли, *фашинъ*, т. е. связи прутьевъ, хвороста, изъ мѣшковъ, набитыхъ землею, изъ бревенъ, сваленныхъ крестъ на крестъ, что называется засѣкою), которыя составляютъ изъ двухъ *фасовъ* (лицевыхъ, оборонит. линіи). Этими строеніями укрѣпляются по большей части берега рѣки или моря, для недопущенія непріятеля къ берегу.

артиллеріею, которыми прикрывались двѣ линіи праваго крыла его. На лѣвомъ крылѣ второй линіи сдѣланы были редуты (*), снабженные артиллеріею и сильнымъ отрядомъ пѣхоты.

Кавалерія раздѣлялась на двѣ части: однимъ крыломъ примыкала она къ упомянутымъ укрѣпленнымъ вышинамъ, а другимъ, защищаемая артиллеріею, широко раздвинулась по полю. Осмотрѣвъ положеніе непріятельскаго корпуса, Государыня разсудила, что если вести атаку на центръ непріятельскаго корпуса, то прежде нужно завладѣть укрѣпленными высотами, а это было довольно трудно и требовало много времени; а потому она рѣшилась вести атаку на лѣвое непріятельское крыло. Вслѣдствіе этого она приказала кавалеріи своей потянуться налѣво, а потомъ направо, полевую же артиллерію она приказала умножить, чтобъ заставить замолчать непріятельскую. Этотъ маневръ исполненъ былъ тотчасъ въ большомъ порядкѣ; всѣ войска въ движеніи своемъ ни стѣснялись, ни прерывались.

Такимъ образомъ лѣвое непріятельское крыло было обойдено; кавалерія наша, протянувшись до лѣваго нашего крыла, заворотила за обѣ линіи его и во весь скокъ начала поспѣшать къ своему правому крылу и строиться, при сильной обоюдной стрѣльбѣ. Г. Панинъ, лишь только увидалъ, что наша пѣхота стала обходить лѣвое крыло его, тотчасъ стянулъ первую линію своей пѣхоты, а лѣвое свое крыло, заворотя къ первой линіи, примкнулъ къ находящемуся тамъ редуту, а деревню, находящуюся близь второй линіи его, занялъ гренадерами и пушками.

Между тѣмъ сильный огонь съ обѣихъ сторонъ не прерывался; лѣвое непріятельское крыло сильно было стѣсняемо; г. Панинъ приказалъ двумъ полкамъ первой своей линіи съ праваго своего крыла

(*) Полевое трехъ, четырехъ или пятистороннее укрѣпленіе съ одними только фасами или *полубастіонами* (бастіонъ, бульверкъ или бульваръ, строеніе изъ земли или изъ камня сдѣланное; у древнихъ народовъ вмѣсто бастіоновъ были башни), обведенное рвомъ и земляным валомъ. Если редуты съ одной стороны открыты, то они называются полуредутами. *Булеваръ* или *бульваръ* собственно значитъ земляной валъ.

потянуться косою линіею къ задней линіи, чтобъ одно крыло этихъ полковъ оставалось при помянутой вышинѣ, а другое соотвѣтствовало бы тому редуту второй линіи, на которой находилась артиллерія, третьему же полку лѣваго крыла, поворотясь направо, съ безпрерывною пушечною пальбою идти въ заднюю на правомъ флангѣ линію, чтобъ закрыть новое двухъ отступающихъ полковъ построеніе. Второй линіи одному полку приказалъ онъ, идя колонною, занять въ косую линію то мѣсто, которое между первыхъ двухъ полковъ оставалось.

Государыня, усмотрѣвъ новое расположеніе непріятельскаго войска, думала и свое передвинуть на другія мѣста; но такъ какъ непріятель частію вытѣсненъ былъ изъ своего прежняго выгоднаго мѣстоположенія и время склонилось уже къ вечеру, то она остановила свое наступленіе. Когда огонь съ обѣихъ сторонъ прекратился, то г. Панинъ принялъ мѣры, чтобъ при вторичной непріятельской атакѣ отступить за рѣку Пудость и стать на правомъ возвышенномъ берегу ея, и тотчасъ же отправилъ туда нѣсколько артиллеріи, пѣхоты и егерей.

Кавалерія обѣихъ сторонъ не имѣла случая къ сраженію; она прикрывала только движеніе своей пѣхоты, но не удаляясь отъ своей артиллеріи, устроенной на высотахъ. Послѣ этого Государыня приказала, разставя ведеты (*) и пикеты, (**) дать арміи отдохновеніе. Такъ какъ съ обѣихъ сторонъ всѣ маневры производимы были съ крайнимъ искусствомъ, порядкомъ и дальновидностію, то Государыня раздѣлила свое благоволеніе на обѣ арміи и признала ихъ равно непобѣдимыми. Хотя непріятель и принужденъ былъ отступить, но занятіе новаго лагеря во всякомъ порядкѣ, въ виду пре-

---

(*) Конный караулъ, поставленный близь лагеря, крѣпости, или квартиры начальника войскъ.

(**) Отводный передовой караулъ; вообще пикеты составляютъ переднюю часть войска, иначе называются они *форпостами* (застава, караульня). Форпосты стоятъ и на границахъ, при таможняхъ. У моряковъ *брандвахта*—военный фрегатъ (легкое, военное, низкобортное судно) стоящій на караулѣ предъ флотомъ, или предъ входомъ въ портъ; бываютъ *брандвахты* и таможенныя.

восходной силы, почтено было за очень удачное, искусное и смѣлое движеніе. Собственныя распоряженія Государыни, особенно при наступленіи войскъ ея на непріятельскую армію, единогласно были одобрены Генералитетомъ.

Послѣ нѣкотораго отдохновенія, Государыня приказала бить генеральный маршъ и возвратиться арміи въ лагерь тѣмъ же порядкомъ. Уже поздно ночью прибыла Государыня въ свою ставку, а за ней и все войско вступило въ свой лагерь.

26 числа, въ воскресенье, поутру, Государыня слушала литургію въ полковой лейбъ-гвардіи коннаго полка церкви, а по возвращеніи Ея въ ставку, представлены ей были всѣ оберъ-офицеры корпусовъ лейбъ-гвардіи и артиллеріи, которыхъ она жаловала къ рукѣ. Въ полдень прогуливалась она на высотахъ Дадуровой горы.

27 числа поутру до 11 часовъ продолжались Ея обычныя государственныя занятія, потомъ представлены ей были всѣ штабъ и оберъ-офицеры дивизіи князя Александра Михайловича Голицына, а послѣ полудня дивизія Петра Ивановича Панина, которыхъ также, съ знаками своего благоволенія, она жаловала къ рукѣ; потомъ отправлялась всенощная въ собственной ея ставкѣ, по случаю наступающаго торжественнаго дня вступленія Ея на Всероссійскій Престолъ.

28 іюня было праздновано торжественно: поутру Государыня отправилась съ Наслѣдникомъ Престола въ каретѣ, въ поставленную на возвышеніи, предъ лагеремъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, церковь, въ препровожденіи всего кавалергардскаго корпуса на игривыхъ коняхъ, въ великолѣпной формѣ. Имъ предводительствовалъ шефъ, графъ Григорій Григ. Орловъ и поручикъ этого же корпуса графъ Ал. Гр. Орловъ (въ послѣдствіи Чесменскій герой.)

Прежде описанія этого торжества считаю нужнымъ, кстати, сказать нѣсколько словъ объ кавалергардскомъ корпусѣ и кое-что о прочемъ, соприкосновенномъ къ тогдашнему войску.

Кавалергарды учреждены еще были Петромъ I-мъ, для торжества коронаціи супруги его, Екатерины. Императрица Елисавета учредила лейбъ-компанцевъ, свою тѣлохранительную стражу, изъ первой роты

гвардіи Преображескаго полка. Императрица Екатерина II-я, вмѣсто лейбъ-компанцевъ, учредила опять кавалергардскій корпусъ въ 1762 г. и тогда опредѣлены были въ него: Шефомъ — полный генералъ Гр. Гендриковъ, вахмистромъ — бригадиръ Языковъ, вице-вахмистромъ—подполковникъ Струтынскій и три капрала маіорскаго чина. Это была настоящая царская стража — блистательная, великолѣпная, состоявшая изъ 60 рядовыхъ: капитановъ, поручиковъ, подпоручиковъ и не ниже прапорщиковъ, атлетическаго роста, богатырей по сложенію и крѣпости тѣла, красивой и величественной наружности, въ серебряныхъ латахъ, въ роскошныхъ и богатыхъ сюперверсахъ.

Замѣтимъ кстати, что великолѣпную стражу, въ отношеніи одежды, представляла нѣкогда гвардія Лжедимитрія; она состояла изъ трехъ ротъ, въ каждой было по 100 человѣкъ. Первою ротою начальствовалъ Французъ Маржеретъ: она была вооружена бердышами и носила парчевые мундиры съ бархатомъ. Вторая рота находилась подъ начальствомъ Англичанина Матиса Кидстона, а третьею командовалъ Шотландецъ Албертъ Лантій. Обѣ послѣднія роты вооружены были аллебардами, онѣ имѣли вседневные мундиры сѣраго цвѣта съ широкими бархатными отворотами, а въ праздничные дни красные бархатные. Каждому изъ служащихъ въ нихъ производилось жалованья по 70 руб. (что въ то время значило очень много) и сверхъ того даны имъ были помѣстья (*).

Для встрѣчи Государыни, вся армія, бывшая въ лагерѣ, стояла въ парадѣ, батальономъ-карре, подъ командою генералъ-фельдмаршала и старшаго подполковника гвардіи, графа Бутурлина; кавалерійскіе полки находились по концамъ каждаго фаса. По пріѣздѣ Государыни, отдана ей была честь со всѣми церемоніями; по окончаніи литургіи, произведенъ былъ всею арміею троекратный бѣглой огонь, артиллерія сдѣлала 101 выстрѣлъ.

Послѣ того Государыня тѣмъ же порядкомъ отправилась въ Красное село, въ свой помянутый, нарочно построенный для нея домъ и тамъ принимала поздравленія отъ множества съѣхавшихся изъ города знатныхъ персонъ и иностранныхъ министровъ. На обѣден-

(*) Маржеретъ: состояніе Россійской Имперіи въ 17 столѣтіи.

ный столъ Ея приглашено было 240 персонъ; въ продолженіе его играла итальянская инструментальная и вокальная музыка.

Весь генералитетъ, торжествуя благоволеніе къ себѣ монархини, просилъ у нея дозволенія праздновать этотъ всерадостный для всѣхъ день въ лагерѣ и удостоить празднованіе его Ея высокимъ присутствіемъ. По полученіи благопріятнаго отвѣта Ея, весь дворъ и многія знатныя обоего пола персоны приглашены были на балъ и ужинъ въ лагерь, 28 іюня.

Въ началѣ 8-го ч. вечера Ея Императорское Величество съ Его Императорскимъ Высочествомъ и со всею свитою своею прибыла на это торжество: ее встрѣтилъ весь генералитетъ, при играніи на трубахъ и литаврахъ. Домъ, или лучше сказать палата, въ которой былъ балъ и ужинъ, поставлена была, какъ бы волшебствомъ, въ одинъ день: она сдѣлана была вся изъ полотна, и имѣла четыре ровные фаса, каждый изъ 30 саженъ длиною и осьми саженъ ширины; внутри двора ея воздвигнуты были великолѣпныя ворота. Вся эта палата, по всѣмъ четыремъ фасамъ, ровно вдоль раздѣленная, имѣла двѣ большія залы для танцевъ, съ отдѣльными помѣщеніями для оркестровъ музыки и четыре неотдѣленные отъ нихъ кабинета, въ которыхъ поставлены были ломберные столы, для желающихъ играть въ карты; кромѣ того тамъ находилось еще нѣсколько уборныхъ комнатъ; по угламъ всѣхъ фасовъ стояли буфеты съ роскошнѣйшимъ разнообразнымъ содержаніемъ. Балъ продолжался до 12 часа, танцовали безпрерывно, то подъ звуки одного оркестра музыки, то подъ звуки другаго. Собраніе гостей было блистательное и такъ многочисленно, что всѣ окрестныя поля покрыты были экипажами и любопытствующими, съѣхавшимися сюда какъ изъ Петербурга, такъ и изъ всѣхъ окрестностей его.

Въ 12 часовъ вдругъ началась отъ артиллеріи, помѣщенной близь этой палаты, оглушительная стрѣльба; всѣ сильно вздрогнули, раздались невольныя восклицанія; это было нѣчто въ родѣ сюрприза: одновременно съ палатой, и съ такой же быстротою, построенъ былъ деревянный городокъ, предъ которымъ находился земляной валъ въ 2 сажени съ половиной вышины и въ 12 саженъ ширины съ про-

порціональнымъ рвомъ, все это какъ будто выросло вдругъ съ домомъ и съ городкомъ вмѣстѣ, или какъ будто упало съ высоты и само построилось. Послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ залповъ, городокъ былъ подорванъ зажженнымъ подкопомъ и обрушенный валъ засыпалъ ровъ. Потомъ генералъ-фельдцехмейстеръ представилъ блистательный фейерверкъ (*). Жаль, что въ тотъ день шелъ неоднократно дождикъ и много отнялъ эффекта у фейерверка; но несмотря на то, все-таки видно было искусное составленіе и картинное расположеніе его.

Государыня смотрѣла на дѣйствіе артиллеріи и на фейерверкъ, стоя предъ домомъ, и лишь только возвратилась въ залъ, какъ вдругъ всѣ внутреннія стѣны палаты, убранныя живописными обоями, взвились вверхъ, какъ театральный занавѣсъ или декораціи, и изумленнымъ глазамъ Ея представились аркады, украшенныя великолѣпными гардинами, а за ними, во всю длину фасовъ, явились столы, убранные и сервированные роскошно къ ужину. Въ срединѣ этихъ столовъ, во всю длину ихъ, высился ярко иллюминованный десертъ и разныя огромныя конфектныя пирожныя, изображающія формами своими славу русскаго оружія (**).

Тріумфальное зданіе, посрединѣ двора, чрезъ которое Государыня входила въ палату, также было ярко и картинно иллюминовано, оно вѣнчалось бриліантовымъ вензелемъ Ея.

За столомъ кушали попарно 365 персонъ, при звукахъ музыки; за столомъ, кромѣ придворныхъ лакеевъ, служило 100 человѣкъ гайдуковъ, выбранныхъ по колоссальному росту своему и по представительности въ эту должность; они были одѣты въ роскошныя, горящія золотомъ ливреи, нарочно для этого вечера приготовленныя.

(*) Описаніе и планъ фейерверка съ разными символическими изображеніями напечатано было на особыхъ листахъ и раздавалось гостямъ въ тотъ день.

(**) Представляющія разныя зданія: дворцы, крѣпости, бесѣдки и пр. Это было тогда въ большей модѣ: кондитеры этихъ пирожныхъ были своего рода зодчіе.

Однимъ словомъ: все было достойно этого торжественнаго для Россіи дня. По окончаніи стола, Государыня, изъявивъ всѣмъ учредителямъ празднества свою искреннюю благодарность, въ два часа пополуночи возвратилась въ свой Красносельскій дворецъ.

29 іюня было новое торжество—тезоименитство Наслѣдника Престола, Его Императорскаго Высочества Павла Петровича; въ этотъ день Государыня слушала литургію въ приходской Краснаго села церкви. По окончаніи обѣдни, придворный проповѣдникъ и законоучитель, іеромонахъ Платонъ, говорилъ тому дню приличное слово, въ которомъ, прославляя Божіе, въ особѣ Помазанницы Его, изливаемое на Россію милосердіе, и принося теплую молитву о долголѣтнемъ царствованіи Ея и о здравіи Высокаго Именинника, исполнилъ сердца слушателей благоговѣніемъ и радостію. Самъ Именинникъ, по случаю приключившейся ему небольшой простуды, при этомъ не присутствовалъ.

По возвращеніи въ свои покои, Государыня принимала отъ сановниковъ двора обоего пола и отъ иностранныхъ министровъ поздравленія.

Обѣденный столъ былъ на 150 кувертовъ, вечеромъ былъ и ужинъ.

30 іюня все утро, начиная отъ 5 часовъ, Государыня занималась государственными дѣлами. Въ этотъ день роздано было на всѣ полки по нѣскольку быковъ и по погребу вина и пива на каждый полкъ, потому что наканунѣ былъ постный день; послѣ этого былъ приказъ, чтобы всѣ полки разводить изъ лагеря на ихъ квартиры.

Государыня, по окончаніи обѣда своего, простясь съ генералами и оказавъ имъ свое благоволеніе, отправилась въ Петербургъ, и въ пять часовъ пополудни, въ вожделѣнномъ здравіи, прибыла въ лѣтній свой домъ; за нею прибылъ туда же и Наслѣдникъ съ своею свитою.

Такимъ образомъ кончились большіе маневры (или, какъ тогда выражались, лагерь); Государыня, самолично командуя своими храбрыми войсками, удостовѣрилась въ искусствѣ ихъ и въ непобѣдимости—и послѣ оживотворила присутствіемъ своимъ столицу.

Грядущія событія вполнѣ выказали могущество русскихъ воиновъ: ихъ ожидала безсмертная слава.

Для любопытныхъ представляю еще списокъ волонтеровъ, находившихся при свитѣ Государыни во все время маневровъ и на празднествахъ.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ.

Генералы: Ѳедоръ Матв. Воейковъ, Петръ Ивановичъ Олицъ.

Генералъ-поручики: Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, Сиверсъ.

Генералъ-квартирмейстеръ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій (послѣ прокуроръ).

Генералъ-маіоры: Никол. Ив. Чечеринъ, Дунтенъ, Эссенъ, Карлъ, принцъ Курляндскій, Транзе, Ал. Мих. Масловъ, Ник. Ив. Салтыковъ, Ларіонъ Матв. Кутузовъ (родитель героя, памятнаго всей Европѣ, Мих. Лар. Кутузова).

Дѣйств. стат. совѣтникъ Дмитр. Васил. Волковъ.

Бригадиръ князь Ал. Ив. Прозоровскій.

Инженеръ-полковникъ Пурпуръ.

Полковники: князь Трубецкой, кн. Голицынъ, Волковъ, графъ Мантейфель, Курсель, кн. Долгоруковъ, Энгельгардъ, Давыдовъ, кн. П. Голицынъ, Чарторижскій, Ребиндеръ, Цеймернъ, Ушаковъ, Нероновъ.

Гвардіи поручикъ Зиновьевъ.

Премьеръ-маіоръ Фрейгольдъ.

Адъютантъ ген. Гр. Румянцева Ельчаниновъ.

Иные изъ помянутыхъ въ этой статьѣ были уже маститые старцы, другіе еще возникающіе герои, обезсмертившіе себя блистательными подвигами въ славную эпоху царствованія Екатерины II-й.

БОЛЬШОЕ ХОДЫНСКОЕ ГУЛЯНЬЕ.

(Съ 10-го по 24-го іюля).

Около лѣтъ 90 тому назадъ, Москва и ея окрестности были въ большомъ движеніи. 24-го іюля долженъ былъ заключиться рядъ увеселеній, которыми праздновался славный Кучукъ-Кайнарджійскій миръ. Празднество это происходило на Ходынскомъ полѣ и сохранилось въ преданіяхъ подъ именемъ *Ходынскаго гулянья.*

Главнымъ виновникомъ этого народнаго торжества былъ, разумѣется, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій (*).

(*) Императоръ Павелъ, въ воспоминаніе побѣдъ героя, повелѣлъ въ 1798 г. воздвигнуть ему памятникъ въ Петербургѣ, на Царицыномъ лугу, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обучалъ войска свои; но императоръ Александръ I-й приказалъ перенести этотъ памятникъ на площадь, находящуюся противъ Перваго кадетскаго корпуса, на томъ основаніи, что графъ Румянцевъ тамъ обучался, и еще для того, чтобы посвятившіе себя военному искусству юноши всегда имѣли предъ глазами своими примѣръ, какъ цари и благодарное отечество чтутъ героевъ. Проектъ этого памятника составленъ архитекторомъ Бренномъ. Сверхъ того, въ Царскомъ Селѣ (у западной стороны дворца), находится другой памятникъ, въ честь побѣдъ и славы Румянцева, прекрасный обелискъ, съ надписью: *Кагулъ, 21-го іюля, 1770 г.* Онъ поставленъ по повелѣнію императрицы Екатерины II-й. Наконецъ, въ наше время, въ 1849 году, князь М. С. Воронцовъ соорудилъ Кагульскую колонну, въ честь Румянцеву, на мѣстѣ битвы, при Кагулѣ, на томъ самомъ холмѣ, на которомъ, въ центрѣ турецкаго ретраншамента, стоялъ великолѣпный шатеръ верховнаго визиря. Въ скоромъ времени послѣ

Говоря устами исторіи, т.-е. устами истины, надобно сознаться, что съ нашей стороны была тогда большая наклонность къ миру съ Турціей, тѣмъ болѣе, что въ то время въ одномъ отдаленномъ углу Россіи свирѣпствовалъ Пугачевъ. Румянцевъ съ 50,000 войска, съ помощію славныхъ сотрудниковъ своихъ: Суворова и Каменскаго, (Мих. Ѳедот.) въ третій разъ перешелъ чрезъ Дунай и такъ стѣснилъ турецкую армію, состоявшую изъ 200,000 чел., что верховный визирь принужденъ былъ просить мира, который и былъ

побѣдъ Румянцева, сложена была солдатская пѣсня, вѣроятно, очень не многимъ извѣстная:

Ахъ ты поле, поле чистое,
Чисто поле ты Буджацкое,
Изойдемъ ли мы когда тебя,
Всѣ бугры твои минуемъ ли,
Ужъ давно пора сойдтися намъ
Съ Ордой Крымскою невѣрною,
Съ злобной силою турецкою,
Чтобъ исполнить волю царскую,
Нашей мудрой Государыни.
Что не облаки вздымалися,
Не грозны тучи сходилися,
Собиралисъ тьмы невѣрныхъ врагъ,
Что острили мечи черные,
Мечи черные булатные,
И хвалилися, наѣхавши,
Не срубати, но отрѣзати
Буйны головы солдатскія.
Не громка труба воскликнула,
Какъ возговоритъ Румянцевъ графъ:
Добры молодцы, товарищи,
Наши храбрые солдатушки!
Не дадимъ врагамъ хвалитися,
Пойдемъ сами противъ злости ихъ.
За нимъ двинулась вся армія,
Восклицая: мы идемъ съ тобой!
На разсвѣтѣ, было въ середу,

заключенъ безъ всякаго посредства другихъ державъ (какъ предсказывалъ Фридрихъ II, король прусскій), при урочищѣ Кучукъ-Кайнайрджи (не далеко отъ Силистріи). Условія мира для Россіи были очень выгодны: я не исчисляю ихъ, это достояніе исторіи; скажу только, что Россія распространила свою власть на Азовъ, Керчь, Эникале, Кинбурнъ и пр. и, сверхъ того, получила право плаванія

На дорогѣ, на Траяновой,
Подошли мы близко къ лагерю;
Окружили насъ Агаряне
Отовсюду съ ярымъ бѣшенствомъ;
Янычаровъ тьма ударила
На пѣхоту вдругъ россійскую,
Буйны головы валилися
Ото звѣрства ихъ и множества.
То увидя, съ кавалеріей,
Гдѣ ни взялся, Долгоруковъ князь.
Съ мечомъ острымъ, будто съ молніей,
Онъ пустился въ кучу вражію:
Гдѣ мечомъ сверкнетъ—тамъ улица,
Гдѣ вернетъ коня—тутъ площадь тѣлъ.
Въ то же время съ гренадерами
Самъ Румянцевъ графъ ударилъ въ нихъ.
Руку тяжку, гренадерскую,
Предводительство Румянцева,
Тутъ познали Турки гордые,
Они бросились бѣжать тогда,
Но и моста не нашли уже,
А увидѣли позади себя
Храбра Боура со егерьми,
Съ легкимъ войскомъ, со гусарами.
Полилась тутъ кровь турецкая,
Не ручьями, рѣкой сильною,
Ихъ остатки потопилися
Во глубокой во Дунай рѣкѣ;
А другіе съ визиремъ своимъ
Бѣгомъ скрыли стыдъ и ужасъ свой.

для кораблей своихъ по Черному морю до самаго Константинополя, чего особенно домогался еще Петръ Великій.

Пока войска наши были отвлечены войною съ Турками, Пугачевъ велѣлъ было бить монету съ именемъ императора Петра III, разсылалъ свои манифесты, жаловалъ орденами и *енаралами* своихъ приближенныхъ. Къ довершенію сумятицы, явилась моровая язва. Крѣпостные люди, фабричные и вообще чернь, оказывали явное сочувствіе Пугачеву, обѣщавшему всѣмъ полную свободу. Въ Москвѣ посылали тогда переодѣтыхъ полицейскихъ драгунъ по кабакамъ, подсматривать и подслушивать: нѣтъ ли гдѣ приверженныхъ къ самозванцу,—такъ велика казалась опасность! Да она и въ самомъ дѣлѣ была немаловажна, если ко всему вышепомянутому присовокупить еще бунтъ въ Москвѣ, не пощадившій архипастыря Амвросія... Но, слава Богу, всѣ зловѣщія тучи разсѣялись, моровая язва прекратилась, Пугачевъ былъ пойманъ и казненъ, русскія войска отовсюду возвращались съ тріумфомъ: какъ же было не праздновать столько радостныхъ событій!

Екатерина II очень любила гулянья и празднества и всякія потѣхи народныя, и сама принимала въ нихъ иногда участіе. Въ ея царствованіе въ Петербургѣ, на Невѣ, все лѣто не умолкали рожки и пѣсни, иллюминованныя шлюпки и катера двигались по рѣкѣ въ разныхъ направленіяхъ.

На этотъ разъ въ Москвѣ затѣвалось никогда небывалое по великолѣпію, роскоши, многолюдству и разнообразію, празднество. Еще съ зимы (1773 года) начались приготовленія къ нему; объ немъ извѣщали афишами. Лишь только настала весна, какъ на Ходынкѣ раздались звуки топоровъ и молотковъ, воздвигались города, крѣпости,—подобія отнятыхъ у Турокъ, залы, галлереи, театръ, бесѣдки и проч. Изъ далекихъ краевъ Россіи, даже изъ-за границы стали съѣзжаться къ этому празднику въ Москву; по дорогѣ, лежащей отъ Петербурга до Москвы, поминутно летали курьерскія тройки, двигались рыдваны, скрипѣли тяжелые обозы. Москва наряжалась; скоро ожидали императрицу. Дворяне и купцы воздвигали для встрѣчи ея тріумфальныя ворота. Виновникъ ходынскаго празднества,

графъ П. А. Румянцевъ, предупредилъ прибытіе государыни въ Москву; она желала, чтобъ онъ вступилъ въ столицу, по римскому обычаю, на колесницѣ, чрезъ тріумфальную арку, богато украшенную, и потому предъ Серпуховскою заставой ему выстроены были также высокія ворота, съ разными замысловатыми аллегорическими изображеніями и трофеями; (*) но Румянцевъ остановился за городомъ и скромно просилъ избавить его отъ всѣхъ почестей. Послѣ переговоровъ, наконецъ Екатерина согласилась на его просьбу, и въ замѣнъ прежняго предположенія, дано было повелѣніе, чтобы знатнѣйшіе гражданскіе и воинскіе чины, собравшіеся тогда въ Москвѣ, представились ему съ привѣтствіями и поздравленіями.

Екатерина, до въѣзда своего въ Москву, подобно императрицамъ Аннѣ и Елисаветѣ, остановилась въ селѣ Всесвятскомъ; другаго помѣщенія подъ Москвою со стороны Петербурга тогда не было. Петровскій *подъъздный дворецъ*, по ея повелѣнію, началъ строиться въ 1776 году (архитекторомъ Козаковымъ). (**) Въ описываемое мною время мѣсто Петровскаго дворца было пустошью, принадлежавшею Высоко-Петровскому монастырю: тамъ была часть сосновой рощи и *Ямское* поле, на которомъ сѣяли рѣпу; а ближе къ Москвѣ находилились рвы, пруды и ямы, изъ которыхъ рыли глину.

Наконецъ двое тріумфальныхъ воротъ (***) были готовы; народъ большими толпами двинулся по Тверской улицѣ (называвшейся въ то время Царскою) встрѣчать *матушку-царицу*. На иждивеніе

(*) Брошюра съ описаніемъ этихъ воротъ, изд. въ 1775 г.

(**) Предпринявъ путь въ полуденную Россію, Екатерина, въ 1787 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ, остановилась уже въ нововыстроенномъ Петровскомъ дворцѣ, въ первый разъ. Тогда она приказала отослать отъ себя военный караулъ, сказавъ, что она находится безопасною посреди своего народа, и что онъ самъ будетъ охранять ея спокойствіе. Дѣйствительно, во все время пребыванія ея тамъ, народъ, стѣсненною толпой окружая дворецъ, соблюдалъ всевозможную тишину, чтобы не обезпокоить государыню.

(***) Брошюра съ описаніемъ двоихъ тріумфальныхъ воротъ, печатанная при Московскомъ университетѣ 1775 г. на русскомъ и французскомъ языкѣ. Долго трудились надъ разными изображеніями и рисунками этихъ воротъ.

московскаго дворянства были воздвигнуты первыя тріумфальныя ворота отъ Тверской заставы; съ находившеюся вверху статуею, они имѣли въ вышину 48 аршинъ. Они украшены были четырьмя филенчатыми столбами коринеской архитектуры; вмѣсто крыши, на нихъ находился пьедесталъ для вызолоченной статуи, представлявшей *посланницу небесъ*, въ видѣ вооруженной женщины, въ правой рукѣ съ громовою стрѣлой, а въ лѣвой съ щитомъ (на которомъ изображенъ былъ вензель государыни) и пальмовою вѣтвью. Внутренняя часть этихъ воротъ украшена была пилястрами іонической архитектуры и представляла *храмъ побѣды*.

Другія тріумфальныя ворота, построенныя на иждивеніе купечества, находились у Тверскихъ воротъ. (*) Обѣ стороны свода воротъ были украшены большими столбами и пилястрами іоническаго ордена; въ барельефѣ изображены были: арматуры, фестоны, сосуды и пр. Вмѣсто кровли на нихъ было нѣсколько ступеней, которыя служили пьедесталомъ вызолоченной статуи 8 арш. въ выш. представлявшей *Фаму* (славу). Мы не можемъ дозволить себѣ подробнаго описанія обоихъ этихъ воротъ, это потребовало бы слишкомъ много мѣста. Довольно сказать, что они были испещрены живописными и скульптурными изображеніями, изъ которыхъ каждое напоминало который-нибудь изъ недавнихъ подвиговъ совершенныхъ нашими арміями, нашими флотами или законодательствомъ; весь Олимпъ, вся миѳологія были призваны, чтобы свидѣтельствовать о нихъ языкомъ аллегоріи.

Кромѣ этихъ двухъ воротъ, украшены были разными символическими изображеніями Воскресенскія и Никольскія ворота.

(*) Эти ворота, нынѣ существующія лишь по имени, въ то время были каменныя зданія съ большими, тяжелыми желѣзными воротами, которыя на ночь затворялись, а улицы загораживались рогатками. Однажды смотритель Яузскихъ воротъ рапортомъ доносилъ своему начальству, что въ одну темную ночь ворота были неизвѣстно кѣмъ украдены; дѣлали поиски, но тщетно. Въ описываемое время около каждыхъ воротъ Тверскихъ, Мясницкихъ и пр. находились большіе пустыри, у Мясницкихъ даже стояли кузницы: это были уже концы Москвы; за Тверскими воротами въ глубокую старину была усадьба бояръ Романовыхъ. *Указатель Москвы 1792 г.*

Совокупность всѣхъ этихъ картинъ составляла перечень знаменательныхъ событій въ царствованіе Екатерины: это была наглядная исторія.

Предъ каждыми воротами, когда появлялась золотая карета императрицы, запряженная восемью лошадьми, съ кокардами на головахъ, играла музыка, и раздавался перекатный звукъ барабановъ; при подъѣздѣ ея къ Воскресенскимъ воротамъ, дружно раздался колокольный звонъ и пушечная пальба. Горожане встрѣчали государыню съ хлѣбомъ и солью.

Государыня остановилась въ домѣ кн. Голицына; а такъ какъ до 10-го іюля времени еще оставалось много, то она предприняла пѣшеходное путешествіе къ Троицкой Лаврѣ. Государыню сопровождала блестящая свита, вслѣдъ за пѣшеходами тянулось множество экипажей, толпился народъ изъ окрестныхъ деревень и Москвы. Пройдя нѣсколько верстъ, знаменитые паломники садились въ экипажи и ѣхали на мѣста назначенныя для отдыха, гдѣ, смотря по времени, ихъ ожидалъ ночлегъ, завтракъ или обѣдъ, при чемъ соблюдались тѣ же церемоніи и порядки, какъ и во дворцѣ; потомъ ѣхали снова до того пункта, на которомъ было прервано шествіе, чтобы продолжать его до новой остановки. Разумѣется, это *богомольное гулянье* продолжалось не малое время.

Въ Москву день ото дня прибывало народу болѣе и болѣе; при дворѣ были съѣзды, обѣды, балы, куртаги. Между тѣмъ императрица ѣздила съ большою свитою въ загородныя мѣста, въ Коломенское, Царицыно, Всесвятское, на Воробьеевы горы. (*).

Давно ожиданный и желанный день празднованія приближался; наканунѣ его, 9-го іюля, Екатерина прибыла изъ Пречистенскаго своего помѣщенія въ Кремль, въ Успенскій соборъ, ко всенощной. Тамъ вынесена была риза Господня и положена на налоѣ; государыня приложилась къ ней и помазалась масломъ. Наконецъ настало и 10-е іюля (въ пятницу). Еще въ 6 часовъ утра данъ былъ сигналъ изъ 5 пушекъ; посты, назначеннные къ церемоніи, и гренадеры лейбъ-гвардіи поставлены были въ два ряда въ строй отъ со-

(*) Тамъ также находился деревянный дворецъ.

бора по всѣмъ улицамъ, по которымъ должно было двинуться тріумфальное шествіе, то-есть до Пречистенскаго дворца.

Въ 9 часовъ съѣхались всѣ чины въ Кремлевскій дворецъ, въ половинѣ 10-го прибыли туда члены царской фамиліи, «при играніи на трубахъ и при битіи литавръ». Послѣ чего начался торжественный выходъ слѣдующимъ порядкомъ. Впереди всѣхъ шли два герольда и церемоніймейстеръ (полковникъ Пушкинъ) съ жезлами, далѣе камергеры и камеръ-юнкеры по два въ рядъ, младшіе впереди, члены совѣта, гофмаршалы и оберъ-гофмаршалъ. Сама государыня, съ своею сіяющею улыбкой, шествовала въ малой коронѣ и въ императорской мантіи, подъ балдахиномъ, который несли восемь генералъ-майоровъ, а шнуры его держали восемь генералъ-поручиковъ, шлейфъ робы ея несли два камеръ-юнкера, а конецъ его оберъ-камергеръ. За нею слѣдовалъ наслѣдникъ престола въ полномъ адмиральскомъ мундирѣ; предъ нею шелъ Румянцевъ; по сторонамъ ряды кавалергардовъ, (*) въ богатыхъ сюперверсахъ, въ свѣтлыхъ шлемахъ, осѣненныхъ перьями; наконецъ статсъ-дамы и фрейлины въ бѣлыхъ глазетовыхъ робронахъ, въ пышныхъ прическахъ, залитыя бриллiантами. Сзади всѣхъ тянулись рейтъ-пажи.

При появленіи этой процессіи, загремѣла дробь барабановъ, звуки трубъ и литавръ, и загудѣлъ повсемѣстный колокольный звонъ, который покрылъ собою военную музыку и восклицанія народа. Между тѣмъ изъ Успенскаго собора вышла другая процессія, архіереи со всѣмъ сановитымъ духовенствомъ, въ златотканныхъ ризахъ, при стройномъ священномъ пѣніи канона, (**) съ крестами и ос-

(*) Въ то время былъ еще *желѣзный* полкъ карасирскій, называемый *Миниховымъ*, въ тяжелыхъ латахъ. Вскорѣ послѣ того Потемкинъ сформировалъ полкъ изъ бѣглыхъ Грековъ: онъ одѣлъ его покальбански, въ зеленыя куртки, въ красныя шаровары и въ черныя каски, а вооружилъ длинными ружьями, саблями и пистолетами.

(**) При императрицѣ Елисаветѣ (которая сама хорошо знала музыку и пѣвала на хорахъ съ пѣвчими) церковное пѣніе еще не было усовершенствовано; при Екатеринѣ II вошло въ употребленіе итальянское пѣніе; эта перемѣна произведена была музыкою *Рачинскаго*, капельмейстера гр. Кир. Гр. Разумовскаго, котораго привезъ изъ Малороссіи Г. Н. Тепловъ.

вященною водой, и препроводили государыню до пріуготовленнаго для нея противъ алтаря мѣста. Это было нѣчто въ родѣ трона съ уступами: его осѣнялъ пышный балдахинъ. По правую сторону ея стали дамы, по лѣвую кавалеры. Лишь только она заняла свое мѣсто, пѣвчіе запѣли *Господи! силою Твоею возвеселится царь.* Началась литургія, послѣ которой произнесена была проповѣдь и совершенъ благодарственный молебенъ съ пѣніемъ: *Тебе Бога хвалимъ.* Протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе, архипастыри принесли императрицѣ поздравленіе. Раздалась пушечная пальба, и опять торжественно загудѣли колокола.

Возвратное шествіе императрицы во внутренніе покои совершено было такимъ же порядкомъ; духовенство и знатныя особы обоего пола (пятикласное дворянство) собрались въ Грановитой палатѣ. По всей дорогѣ отъ собора до палаты устлано было красное сукно. Отдохнувъ нѣсколько, Государыня отправилась въ Грановитую палату и сѣла на тронѣ, а Ихъ Высочества стояли въ тайникѣ и смотрѣли на церемонію. (*) На тронѣ, подлѣ креселъ ея, стоялъ столъ, покрытый бархатомъ; на немъ лежали регаліи и награды отличившимся въ эту войну. Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій произнесъ Екатеринѣ поздравительную рѣчь, въ которой указалъ на всѣ подвиги ея въ пользу Россіи и благодарилъ отъ имени сената и народа. Вице-канцлеръ, графъ Остерманъ, отвѣтствовалъ за нее также рѣчью, выразившею признательность государыни за доблести ея подданныхъ. Чужестранные министры приглашены были въ палату не офиціяльно, а «приватно», какъ зрители. Награды состояли изъ грамотъ, дипломовъ, орденовъ, драгоцѣнныхъ подарковъ и пр. Статсъ-секретарь прочелъ, что кому было назначено.

Графъ Румянцевъ получилъ: «за успѣшное полководство» фельдмаршальскій жезлъ, «за хабрыя предпріятія» —шпагу, «за побѣду»—лавровый вѣнокъ, «за миръ»—масличную вѣтвь, все это осыпанное крупными бриллiантами. Сверхъ того, «въ знакъ особеннаго къ къ нему благоволенія», пожалованъ ему былъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго съ алмазами, «въ честь ему» выбита была медаль

(*) Обрядъ празднованія Кучукъ-Кайнарджскаго мира.

съ его изображеніемъ; «для хозяйства» подарено ему было пять тысячъ душъ крестьянъ и подмосковная, съ нареченіемъ ея *Кайнарджи*; «для построенія дома» сто тысячъ рублей, для украшенія онаго» цѣнныя картины, «для стола» серебряный сервизъ, и наконецъ, наименованіе *Задунайскаго*.

Фельдмаршалу князю Голицыну шпага съ алмазами; князю Долгорукову (покорившему въ двѣ недѣли Крымъ) похвальная грамота, звѣзда Св. Андрея и наименованіе *Крымскаго*. Графу Алексѣю Григорьевичу Орлову грамота, шпага съ алмазами и наименованіе *Чесменскаго*; графу Ѳедору Григорьевичу Орлову—чинъ полнаго генерала. Кромѣ того многимъ еще даны были щедрыя награды, въ томъ числѣ Каменскому (Мих. Ѳедот.), Милорадовичу и Суворову (бывшему тогда генералъ-поручикомъ) шпаги съ алмазами. Князю Вяземскому 2,000 душъ. Прочія отличившіяся должностныя лица гражданскаго вѣдомства также получили слѣдующіе чины, должности и большое количество крестьянъ (*). Тогда же опредѣлено было воздвигнуть въ Царскомъ селѣ мраморные памятники графамъ Румянцеву и Орлову. Всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ этой войнѣ, розданы были медали. Народу оказаны были разныя милости; даже замѣшанные въ бунтѣ Пугачева были прощены.

Между тѣмъ приготовлены были придворные экипажи для возвращенія государыни во дворецъ (на Пречистенку). Лишь только она вмѣстѣ съ ихъ высочествами сѣла въ свою походную карету, сдѣланъ былъ 41 выстрѣлъ; за императрицей двинулась большая, блестящая свита и эскадронъ лейбъ-гусаръ съ обнаженными саблями. Передъ каретой ея, на ремняхъ, сидѣли два пажа; по сторонамъ шли высокорослые гайдуки. Вслѣдъ за государыней, въ придворной каретѣ, цугомъ ѣхалъ графъ Румянцевъ. На Воскресенскихъ воротахъ играли на віолахъ и на трубахъ. Ген.-м. Потемкинъ съ двумя герольдами, проѣзжая верхомъ по улицамъ, бросалъ изъ мѣшковъ

(*) Въ указѣ Екатерины (изд. въ 1766 г.) о покупкѣ въ дворцовое вѣдомство помѣщичьихъ деревень, каждая ревизская душа оцѣнена была въ 30 р., и то потому (сказано тамъ), что «нынѣ на оныя цѣны возвысились.»

въ народъ серебряные жетоны (*). По приближеніи ко дворцу загремѣли 101 выстрѣлъ. Вечеромъ въ этотъ день во всей столицѣ была иллюминація.

На слѣдующій день (11 іюля) было отдохновеніе. 12-го іюля, въ воскресенье, по утру, въ комнатахъ государыни происходила всенощная; въ 11 часовъ назначенъ былъ большой пріѣздъ ко двору, при чемъ мать и сынъ Задунайскаго проведены были прямо въ кабинетъ императрицы, гдѣ на статсъ-даму Румянцеву государыня возложила ленту св. Екатерины, а на сына ея орденъ св. Александра Невскаго; вечеромъ данъ былъ балъ до 9 часовъ, а послѣ ужинъ по билетамъ *за фигурными столами* на 162 куверта, въ продолженіе котораго гремѣла камеральная, италіянская, вокальная и инструментальная музыка. Съ 13 числа торжество прервалось на 8 дней, по причинѣ болѣзни императрицы.

Такимъ образомъ ходынское гулянье открылось 21 іюля. Въ 10 часовъ утра государыня со всею фамиліей своей и со всѣмъ дворомъ парадно отправилась на Ходынку, гдѣ волны народа двигались уже съ ранней зари; лишь только показался великолѣпный поѣздъ ея, предшествуемый трубачами и скороходами, (**) на встрѣчу ей выступили члены синода и знатнѣйшее дворянство съ обычными привѣтствіями. Лейбъ-гренадерскіе полки, уставленные строемъ, отдали ей честь, заиграла музыка, раздался звукъ пушекъ, литавръ и барабановъ...

Многіе полки, бывшіе въ дѣйствующей арміи, участвовали въ этомъ торжествѣ: Елисаветградскій пикинерный, Арнауты, малороссійскій казачій Лубенскій (***), Апшеронскій, Венгерскій, Ахтырскій, Сербскій, Острогожскій, Егерскіе (учрежденные въ 1765 г.), а прочіе въ пробитыхъ пулями киверахъ и съ распущенными знаменами, неоднократно обрызганными кровью.

(*) Придворнымъ особамъ розданы были золотыя медали по рангамъ.

(**) Съ длинными палками, на которыя опираясь, они дѣлали большіе скачки; ихъ легко кормили и легко одѣвали, даже зимой.

(***) Про казаковъ тогда заговорили: *и битецъ и ѣздецъ и стрѣлецъ.*

За исключеніемъ старыхъ и малыхъ, почти вся Москва тогда очутилась внѣ Москвы, на мѣстѣ избраннаго гулянья и вмѣстѣ на ярмаркѣ. Всѣ лавки въ городѣ были заперты, лучшіе товары изъ нихъ были перевезены на Ходынку. Макарьевская (нынѣ называемая Нижегородская) ярмарка была забыта; представители разныхъ націй собрались сюда со всѣми своими произведеніями. На всѣхъ улицахъ, ведущихъ къ Ходынкѣ, въ окнахъ домовъ были вывѣшены узорчатые ковры и дорогія ткани, вездѣ пестрѣли цвѣты; заборы, балконы, крыши домовъ, все это переполнено было любопытными, готовыми двинуться за поѣздомъ.

Золотая карета императрицы была запряжена восьмью кровными лошадями, головы которыхъ были убраны пышными шелковыми кокардами, обвитыми золотыми шнурами; на ремняхъ кареты сидѣли пажи; у каждой цуговой лошади находилось по конюху и для поддержанія кареты по гайдуку, въ длинныхъ мантіяхъ и высокихъ шапкахъ къ кистями. Вокругъ галопировали екатеринославскіе кирасиры въ бѣлыхъ мундирахъ на вороныхъ лошадяхъ, и легкіе уланы съ разноцвѣтными флюгерами. Государыня была одѣта въ богатое русское платье, со звѣздами на груди, съ крупными бриллiантами на головѣ. Свита ея и дворянство спорили другъ съ другомъ въ пышности, какъ въ отношеніи костюмовъ, экипажей, такъ и во всей прочей обстановкѣ: высокія, какъ эшафотъ, кареты, берлины съ боковыми крыльцами, линіи, колымаги, рыдваны, дрожки съ фартуками (называемыя монашескими), лакеи, одѣтые Турками, Альбанцами, Сербами, Черкесами, гусарами, егерями, Арабы (изъ плѣнныхъ) въ національныхъ одеждахъ своихъ, въ бѣло-атласныхъ, лоснящихся чалмахъ и въ красныхъ бархатныхъ курткахъ, осыпанныхъ золотыми блестками, кучера и форрейторы, распудренные, съ длинными бичами, въ треугольныхъ шляпахъ, прыгающіе скороходы,—все это представляло чудное зрѣлище. Съ своей стороны и Ходынское поле представляло великолѣпную панораму: на немъ сооружена была цѣлая громада построекъ, составлявшая цѣлый, временный городъ: каждое зданіе, отличавшееся своимъ цвѣтомъ, въ турецкомъ вкусѣ, съ минаретами, кіосками и каланчами, имѣло

видъ крѣпости, острова, орды и корабля. Они назывались: *Азовомъ Таганрогомъ*, *Керчью*, *Еникале*, *Таманомъ*, *Кайнарджи*, *Кинбурномъ*, *Бердинской линіей* и т. д. Тамъ также изображены были моря: *Черное* и *Азовское* и рѣка *Донъ*. На островѣ *Тамани* (Фанагорія) назначенъ былъ театръ для балансеровъ: въ *Азовѣ*—разныя службы; въ *Нагайскихъ ордахъ* стояли жареные быки съ позолочеными рогами; на *каланчахъ* устроены были позолоченные фонтаны, бившіе разными винами; въ *Таганрогѣ*—залы для обѣда, а около него кипѣла ярмарка: въ *Еникале* залъ для собранія, въ *Кинбурнѣ* театръ; на *Бердинской линіи* другія мѣста для службъ, на моряхъ—корабли съ парусами и флагами, изображавшими кресты, сіяющіе надъ луной; на этихъ корабляхъ устроены были высокія мѣста, съ которыхъ удобно было смотрѣть на приготовленный фейерверкъ.

Государыня съ августѣйшимъ семействомъ и со свитой вступила въ роскошно-устроенную для нея галлерею, въ которой мебель отдѣлана была серебромъ и покрыта тигровымъ бархатомъ, спины обиты бѣлымъ атласомъ съ цвѣтными букетами, на окнахъ красовались живые и фарфоровые цвѣты. Когда высокіе посѣтители заняли мѣста, поданы были сигналы, возвѣщавшіе о началѣ праздника. Со всѣхъ приготовленныхъ въ большомъ изобиліи яствъ сдернулись шелковыя покрывала—и на двухъ возвышенныхъ пирамидахъ явились позолоченные быки, бараны, стаи птицъ, какъ живыя, украшенныя ленточными перевязями и цвѣтами; съ каланчей брызнули фонтаны виноградныхъ винъ, и народныя толпы бросились на нихъ, какъ на заправскій приступъ къ крѣпостямъ, съ громкимъ гуломъ опережая другъ друга.

Все даровое пиршество расхватано было въ нѣсколько минутъ; ловкачамъ-побѣдителямъ усердно аплодировали. Но не одни питья и яства составляли программу ходынскаго гулянья. Въ разныхъ мѣстахъ поставлены были качели, карусели и т. п.

Бухарцы, на немалой высотѣ, ходили по канату, въ открытыхъ балаганахъ, или представляли изъ себя пирамиды, балансировали, ходили на рукахъ, вертѣлись колесомъ: акробаты, или какъ ихъ

тогда называли, *морочилы*, шагали по канату съ шестами на лбу, съ погремушками на рукахъ и на ногахъ. Далѣе пѣли, плясали Цыгане (жившіе тогда на Филяхъ) и показывали ручныхъ медвѣдей. Паяцы, въ однѣхъ рубахахъ, въ войлочныхъ колпакахъ или въ пеньковыхъ парикахъ, съ одною щекой нарумяненной и съ другою натертою сажей, потѣшали народъ своими, не совсѣмъ скромными выходками. Фокусники высшаго разряда, къ изумленію зевакъ, ѣли горящую паклю, пили растопленное олово и свинецъ, проглатывали ножи. Полицейскіе драгуны, въ длинныхъ желтыхъ рукавицахъ, съ крашеными палками въ рукахъ, раздвигали народныя толпы, особливо около той длинной галлереи, гдѣ находилась государыня и гдѣ придворные сановники, въ своихъ причудливыхъ, блестящихъ золотыхъ кафтанахъ, важно прохаживались подъ руку съ дамами въ пышныхъ штофныхъ, длиннохвостыхъ, шумящихъ робахъ, съ башенными наколками или съ палисадниками на головахъ, въ востроносыхъ башмакахъ (стерлядками) съ высокими, красными каблуками, съ мушками на лицѣ (*).

Между тѣмъ, въ *Азовской крѣпости* приготовленъ былъ роскошный обѣдъ на пяти разныхъ столахъ, для 319 знатныхъ особъ, куда было приглашеніе по билетамъ; на первомъ столѣ Государыня кушала рядомъ съ Румянцевымъ, (**) на второмъ цесаревичъ, Па-

(*) Каждая мушка имѣла свое значеніе; объ этомъ разскажется въ другомъ мѣстѣ.

(**) Съ тѣхъ поръ Румянцевъ началъ сходить съ поприща своей славы. Въ 1776 г. цесаревичъ ѣздилъ, въ сопровожденіи его, въ Берлинъ, для обрученія съ Виртембергскою принцессой, нареченною *Маріею Ѳеодоровною.* Фридрихъ просилъ Румянцева показать ему Кагульское сраженіе въ маневрѣ изъ прусскихъ войскъ. Онъ построилъ ихъ на кагульскіе батальйоны-карре и исполнилъ желаніе короля. Фридрихъ такъ былъ доволенъ этимъ, что, снявъ съ себя ленту, возложилъ на Румянцева (У сына его. гр П. А. была картина, представлявшая этотъ маневръ.) Путешествуя въ полуденную Россію, Екатерина опять поручила главное начальство надъ войсками Румянцеву, но вскорѣ его смѣнилъ *великолѣпный князь. Тавриды,* Потемкинъ, (въ 1788 г.). Есть преданіе, что императоръ Іосифъ II такъ уважалъ нашего героя, что приказывалъ при своемъ дворѣ всегда ставить лишній приборъ, въ ожиданіи *любезнаго своего фельдмаршала.* Во время

велъ Петровичъ, съ матерью фельдмаршала; въ срединѣ крѣпости играла италіянская музыка. Когда подали шампанское, Екатерина привстала и подняла бокалъ за здоровье своего кавалера. На это отвѣтилъ залпъ изъ пушекъ и общее привѣтствіе, обращенное къ виновнику торжества. Въ шесть часовъ, въ другой театральной галлереѣ, давали французскую комедію, но императрица не была въ театрѣ; объѣхавъ все пространство застроеннаго поля, она воротилась въ свой дворецъ.

22 числа было отдохновеніе.

23 числа (послѣдній день празднества) послѣ обѣда, императрица съ августѣйшею фамиліей и свитой опять посѣтила Ходынку; тамъ опять происходили разныя увеселительныя представленія для народа и кипѣла ярмарка. Въ *Ногайскихъ ордахъ* шла торговля азіятскими товарами, и для эффекта, былъ раскинутъ ханскій шатеръ, съ блестящею, золотою маковкой; полы его были откинуты, въ немъ сидѣли, пируя, сановные и богатые Татары, на бархатныхъ и парчевыхъ подушкахъ, а у входа шатра стояли черные Эѳіопы, скрестивши копья, недвижно, какъ бронзовыя статуи. На Ходынкѣ происходилъ настоящій дивертисементъ изъ разныхъ созванныхъ на

пребыванія Румянцева въ Малороссіи, гдѣ онъ былъ генералъ-губернаторомъ, турецкіе шпіоны пріѣзжали туда навѣдываться: *живъ ли русскій визирь.* Тамъ, въ имѣніи его, въ селѣ Вишенкахъ, посѣтила его Екатерина. Гр. Румянцевъ, котораго нѣкогда цѣлые города встрѣчали съ большими почестями, удалился отъ завистливыхъ людей въ молдавскую хижину, изъ окошекъ которой открывался неоглядный видъ на *Буджакъ*, куда, вѣроятно, часто носились его мечты; тамъ вдалекѣ синѣется высокій курганъ *Рябой Могилы* (въ Бессарабіи, близь рѣки Прута), гдѣ былъ главный театръ военныхъ дѣйствій Румянцева. Молдавскій Диванъ предлагалъ ему почетный караулъ, но онъ отказался отъ него. До сихъ поръ еще существуетъ пень на берегу рѣки Прута, на которомъ сживалъ герой съ удочкою въ рукахъ, погруженный въ глубокую думу. Почти каждый день пріѣзжали къ нему посѣтители, въ томъ числѣ и Суворовъ, въ полной формѣ, какъ къ бывшему начальнику своему. Румянцевъ, родившійся въ день смерти Петра Великаго, скончался въ одинъ годъ съ Екатериною (въ 1796 г.); онъ схороненъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ; графъ Растопчинъ называлъ Румянцева *героемъ своего времени*, Кутузова — *героемъ обстоятельствъ*, а Суворова—*героемъ всѣхъ временъ и народовъ.*

это торжество націй. Тамъ, подъ самодѣльную свирѣль свою, плясали Малороссіяне горлицу, мятелицу, журавля; тамъ раздавалась и унылая кобза Башкирца, тамъ виднѣлась и кичка Чувашенки, унизанная стеклышками, монистами и бесерною бахрамой. Удалые наѣздники, Калмыки и Киркизцы, джигитовали на сухопарыхъ, но рѣзвыхъ своихъ лошадяхъ: на всемъ скаку поднимали съ земли денежки и полушки, прошибали стрѣлами брошенныя вверхъ яйца. Тамъ же важно расхаживали Башкиры въ красныхъ, жалованныхъ, шитыхъ золотыми галунами кафтанахъ, въ пестрыхъ азіятскихъ халатахъ и въ собольихъ шапкахъ. Иные сидѣли простыми зрителями на коврахъ и на разостланныхъ войлокахъ, подъ навѣсомъ зеленыхъ шалашей. Тамъ были наконецъ Мордвины, Армяне, Бухарцы, словомъ весь русскій Востокъ.

Надъ всѣмъ однакожъ, разумѣется, преобладалъ русскій кафтанъ и красная рубаха, а всѣ національные напѣвы покрывала русская пѣсня. Во многихъ мѣстахъ пѣли разныя, сложенныя въ честь нашихъ побѣдъ надъ Турками, пѣсни. Вотъ нѣсколько обращиковъ.

Пѣснь по случаю взятія Азова (*).

Какъ не ярыя пчелы зашумѣли
Что возговорятъ храбрые воины:
Взять ли, не взять ли намъ грудью бѣлою,
Градъ невѣрныхъ, крѣпость неприступную?
И посыпались наши солдатушки
Подъ тѣ стѣны бѣлокаменныя,
Подъ тѣ раскаты высокіе;
Не съ горъ камни покатилися,
Покатились со стѣнъ непріятели;
Не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлѣлися,
Забѣлѣлися груди бусурманскія,
Не дождевые ручьи разливалися,
Разливалась кровь бусурманская и т. д.

На походъ русскаго флота въ Архипелагъ (въ 1769 г.):

Не бушуйте вы, вѣтры буйные!
Вы, буйные вѣтры, злы осенніе!

(*) Собраніе военныхъ пѣсенъ, 1789 г.

Успокойся ты, море синее,
Не волнуйся ты, Средиземное,
Ты постой, постой, лѣто теплое!
Не теки, постой, солнце красное.
Я не самъ велю, вамъ указъ велитъ,
Съ стороны указъ пришелъ сѣверной.
Хоть давно течешь, солнце красное,
Давно вѣете, вѣтры буйные,
Не видали вы дива дивища и т. д.

На взятіе Бендеръ (въ 1770 г. сент. 16):

О ты крѣпкій, крѣпкій Бендеръ градъ!
Ты разумный, храбрый Панинъ графъ!
Ждетъ Европа чуда славнаго,
Ждетъ Россія славы новыя;
Царь турецкій и не думаетъ;
Чтобъ Бендеры можно было взять.
Приближается ночь темная,
Скрылось солнце въ море бурное,
Изъ-за лѣса не взошла луна:
Намъ не видно небо мрачное.
Войска двинулись ко крѣпости,
Загремѣли громы съ молніей,
Зашумѣли войска русскія—
Затряслися стѣны градскія и т. д.

На завоеваніе Крымской линіи:

Перешли мы всю татарску степь,
Нужды мы ни въ чемъ не видѣли,
Про кручину и не знали мы,
Непріятели боялись насъ,
Насъ боялись, не казались намъ,
Они клали всю надежду ихъ
На свою на стѣну крѣпкую,
На высоку Перекопскую,
На широкій и глубокій ровъ.
Только этимъ не спасетесь вы,
Васъ не скроетъ море Черное,

Не удержитъ насъ Сивашъ рѣка.
Третій-надесять тогда былъ день,
Во іюнѣ, лѣтнемъ мѣсяцѣ,
Въ семьсотъ семьдесять первомъ году,
Какъ пришли мы къ непріятелю,
Къ Перекопской крѣпкой линіи.
Не отъ вѣтра зашумѣлъ тутъ листъ,
Не на Волгѣ подымался валъ,
Зашумѣли тьмы свинцовыхъ пуль,
Подымался градъ чугунныхъ ядръ и т. д.

Между тѣмъ какъ всѣ эти пѣсни распѣвались, въ одной изъ ходынскихъ галлерей давали русскую оперу: *Иванъ Царевичъ.* По окончаніи ея, почетные посѣтители перешли въ большую залу, гдѣ начался маскарадъ; придворный балетмейстеръ, Пикъ, сочинилъ для того случая особенный кадриль-минуэтъ, который танцовали кавалеры и дамы, одѣтые въ богатые славянскіе, турецкіе и рыцарскіе костюмы. Государыня была тамъ не долго; она отправилась оттуда въ городокъ *Таганрогъ* на ярмарку, накупила на большую сумму разныхъ товаровъ и объявила купцамъ свое благоволеніе. Между тѣмъ, при наступленіи вечера, въ Азовской крѣпости, для желающихъ приглашенныхъ особъ, (безъ билетовъ) накрыто было пять фигурныхъ столовъ съ холоднымъ кушаньемъ, между которымъ отличался сахарный Кремль, стоявшій на пьедесталѣ, ярко освѣщенный.

Съ ярмарки всѣ отправились на корабли, смотрѣть на фейерверкъ, блистательный въ полномъ смыслѣ слова. По данному сигналу (пущенною ракетой), вдругъ вспыхнули огненныя струи и освѣтилось, запламенѣло, засверкало огнями все пространство Ходынскаго поля; ночь, казалось, превратилась въ день, корабли на сушѣ будто горѣли, напоминая Чесменскую побѣду. Здѣсь являлись храмы: Славы, Марса, Побѣды съ парящими двуглавыми орлами, лавровыя и пальмовыя деревья. Сотни тысячъ ракетъ, составляя собою пламенный шатеръ, знаменовали блескъ державы Екатерины, крупный вензель которой сіялъ переливными брилліантовыми огнями (*).

(*) Фейерверкъ устроилъ артиллеріи генералъ-поручикъ Мелиссино.

Всѣ эти потѣхи и удовольствія продолжались до глубокой ночи. Послѣ фейерверка всѣ зданія на Ходынкѣ озарились иллюминаціей; въ отвѣтъ ей, засіяла и Москва подобными огнями.

На возвратномъ пути Государыни въ городъ, на всемъ протяжени дороги, устроены были по обѣимъ сторонамъ деревянные щиты съ зажженными плошками и иллюминованныя ворота; но блескъ огней ихъ начиналъ уже блѣднѣть предъ вспыхивающею утреннею зарей. Въ Москвѣ раздавался уже благовѣстъ къ заутренѣ...

ГУЛЯНЬЕ ВЪ КУСКОВѢ ПРИ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II, ВО ВРЕМЯ ПРАЗДНОВАНІЯ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ ЕЯ ЦАРСТВОВАНІЯ, СЪ ОПИСАНІЕМЪ КУСКОВА.

Въ 1787 году исполнилось двадцатипятилѣтіе царствованію государыни; совершивъ свое блестящее, тріумфальное путешествіе въ Тавриду, она возвращалась отпраздновать его въ Москву. Недоѣзжая до нея, въ селѣ Знаменскомъ, она встрѣчена была (23 го іюня) Великими Князьями Александромъ и Константиномъ Павловичами, которые проводили ее въ село Коломенское; тамъ пробыла она три дня, а въ воскресенье, 27-го числа, наканунѣ дня вступленія ея на престолъ, послѣдовало торжественное шествіе Государыни въ Москву; оно началось по утру, въ 10 часу. За каретой Императрицы ѣхали великіе князья, сбоку ея московскій губернаторъ, генералъ-маіоръ, князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, а предъ каретой земскій исправникъ московскаго округа съ засѣдателями и драгунами, за ними слѣдовалъ почтъ-директоръ, дѣйст. ст. сов. Пестель, съ своими чиновниками и съ почталіонами верьхомъ, потомъ конвойная губернская команда и наконецъ избранные изъ дворянства почетные дворяне верьхомъ.

По приближеніи къ городской дачѣ, встрѣтили Государыню: главнокомандующій генералъ-аншефъ и сенаторъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ съ армейскими генералами, оберъ-полицеймейстеромъ, бригадиромъ Толемъ и съ прочими чинами, и поѣхали по сторонамъ кареты ея верьхомъ, вмѣстѣ съ шталмейстеромъ ея, генералъ-адъютантомъ, графомъ Ангальтомъ, а позади кареты прочій генералитетъ и офицеры гвардіи въ многочисленномъ кортежѣ. За ними слѣдовали въ придворныхъ каретахъ чужестранные министры и придворный

штатъ, составлявшій свиту Императрицы. Когда этотъ кортежъ сталъ приближаться къ Серпуховской заставѣ, городу возвѣщено было о томъ 51 выстрѣломъ изъ пушекъ, поставленныхъ около заставы; здѣсь же встрѣтили государыню ремесленные цехи съ головой и старшинами своими. У самой заставы были устроены для этого случая тріумфальныя ворота съ разными символическими и аллегорическими изображеніями; при подъѣздѣ къ нимъ императрицыной кареты, въ боковыхъ отверстіяхъ воротъ, гдѣ были расположены два оркестра, раздалась инструментальная и вокальная музыка, и пропѣты были сочиненныя на этотъ случай канты.

У самыхъ тріумфальныхъ воротъ встрѣтилъ государыню московскій градскій Голова съ именитыми гражданами и купечествомъ, съ хлѣбомъ и солью. Лишь только государыня проѣхала чрезъ каменный Всесвятскій мостъ, изъ городской артиллеріи былъ произведенъ 101 выстрѣлъ, забили въ барабаны и раздался повсемѣстный колокольный звонъ. У моста стоялъ директоръ главнаго народнаго училища съ учителями и учениками по обѣимъ сторонамъ улицы; при въѣздѣ Екатерины въ Воскресенскія ворота, заиграла поставленная на нихъ городская, а на гауптвахтѣ полковая музыка; здѣсь встрѣтилъ ее оберъ-комендантъ съ своими чинами; въ Спасскихъ воротахъ играла гарнизонная музыка. Государыня отправилась въ Успенскій соборъ; тамъ вышелъ къ ней на встрѣчу преосвященный архіепископъ Платонъ Левшинъ съ духовнымъ синклитомъ и съ крестомъ, и произнесъ ей привѣтственную рѣчь. Императрица слушала литургію. Протодіаконъ, по тайному повелѣнію ея, во время великаго выхода, при словахъ: *приносящаго святые дары Господу и Богу нашему*, провозгласилъ преосвященнаго митрополитомъ. Преосвященный, думая, что протодіаконъ ошибся, замѣтилъ ему это изъ алтаря, но когда протодіаконъ повторилъ то же самое, преосвященный догадался въ чемъ дѣло. Онъ выступилъ въ царскія двери, поклонился государынѣ и отблагодарилъ ее импровизированною рѣчью (*).

(*) Принцъ де-Линь писалъ о Платонѣ: «онъ превыше миѳическаго Платона, именуемаго божественнымъ».

По совершеніи литургіи, Екатерина, приложась къ святымъ мощамъ и иконамъ, посѣтила преосвященнаго, потомъ отправилась въ домъ главнокомандующаго, гдѣ былъ приготовленъ для нея и для знатныхъ особъ большой обѣденный столъ; вечеромъ было совершено во всѣхъ церквахъ всенощное бдѣніе.

28-го іюня (*) (день вступленія ея на престолъ) въ Успенскомъ соборѣ поутру былъ отправленъ благодарственный молебенъ; въ 12 часу императрица опять имѣла торжественное шествіе въ соборъ, для слушанія литургіи, по окончаніи которой она принимала поздравленія отъ знатнаго духовенства, потомъ отправилась чрезъ Красное крыльцо въ Грановитую палату и жаловала къ рукѣ пятиклассныхъ особъ, а оттуда возвратилась въ домъ главнокомандующаго (гдѣ было ея мѣстопребываніе); предъ покоями ея происходило поздравленіе отъ воинскихъ командъ барабаннымъ боемъ и музыкой. Въ 7 часовъ государыня, въ сопровожденіи великихъ князей, генералитета и придворнаго штата, отправилась въ Грановитую палату на балъ.

Праздники шли за праздниками: 29-го іюня былъ день тезоименитства наслѣдника престола, Павла Петровича; вечеромъ въ этотъ день былъ маскерадъ въ Дворянскомъ клубѣ, потомъ вечерній столъ; весь городъ былъ освѣщенъ, и въ продолженіе всѣхъ этихъ дней Москва оглашалась торжественнымъ колокольнымъ звономъ.

Всѣ эти одушевленныя празднества и ликованія производились въ то время, когда Турки, подозрительно смотрѣвшіе на путешествіе государыни въ Тавриду, по наущенію Французовъ, тайно вооружались противъ Россіи: имъ жаль было утраты Крыма. Еще во время пребыванія Екатерины въ Херсонѣ, посланникъ нашъ при константинопольскомъ дворѣ, Булгаковъ, прибылъ къ ней туда и лично увѣдомилъ ее, что турецкіе корабли плаваютъ уже при устьѣ Днѣпра. Государыня равнодушно выслушала его донесеніе и пригласила его къ своему столу, для котораго съѣхались къ ней разные чужестранные

(*) Современные панегиристы Екатерины писали, что она вступила на престолъ въ день Полтавской побѣды, 27-го іюня; но это былъ день кончины императора Петра III.

министры и посланники, въ числѣ коихъ находились: племянникъ польскаго короля, Станиславъ Понятовскій, и маркизъ де-Галло, присланный отъ короля Обѣихъ Сицилій съ поздравленіемъ къ императрицѣ. Обѣдъ былъ парадный, гремѣла чудная музыка Потемкина, подъ управленіемъ знаменитаго Сарти. Послѣ стола государыня стала разсматривать карту Европы и при всѣхъ сказала графу Сегюру. «Ваша Франція, сама не знаю для чего, всегда покровительствуетъ мусульманамъ.» Сегюръ смутился. Между тѣмъ на городскихъ воротахъ Херсона появилась надпись: *Здѣсь дорога въ Царь-градъ* (*).

Но возвратимся въ Москву. Въ числѣ ея окрестностей одно изъ первыхъ мѣстъ занимало тогда, какъ занимаетъ и теперь, село *Спасское* (Кусково (**) тожъ), великолѣпно отдѣланное рукой искусства; знатнѣйшіе путешественники (***) писали въ своихъ мемуарахъ, что только сады Неаполя и Сициліи могутъ равняться лавровыми и апельсиновыми деревьями съ садомъ въ Кусковѣ. Оно есть родовое имѣніе графовъ Шереметевыхъ, а другія села вошли въ составъ приданаго княжны Черкасской, вышедшей замужъ за графа Петра Борисовича Шереметева (****).

(*) Съ небольшимъ чрезъ два мѣсяца послѣ того Турки призвали въ диванъ Булгакова и стали допрашивать его: для чего русскіе покровительствуютъ царямъ грузинскому и имеретинскому, и требовали, чтобы наши полки выступили изъ ихъ земель; Турки говорили, что русскіе корабли, проходя чрезъ Константинопольскій проливъ, имѣютъ запрещенные товары, спрашивали, для чего Россія дала убѣжище господарю Маврокордато, настаивали, чтобъ Очакову болѣе отпускаемо было соли, и требовали, чтобы Порта, для покровительства торговли своихъ подданныхъ, имѣла въ Россіи своихъ консуловъ. Булгаковъ просилъ отсрочки, для сношенія съ императрицей, но турки заключили его (7-го августа) въ семибашенный замокъ и объявили Россіи войну. 7-го сентября (1787 г.) изданъ былъ манифестъ о томъ и съ нашей стороны. Цесаревичъ просился участвовать въ этой войнѣ, но государыня не согласилась на то. «Что скажетъ Европа, говорилъ онъ, если я не буду въ дѣйствіи?»—«Европа скажетъ, что ты послушный сынъ», отвѣчала ему Екатерина.

(**) Оно находится между большими дорогами: Владимірскою и Рязанскою, въ семи верстахъ отъ Москвы.

(***) Въ томъ числѣ и императоръ Іосифъ II.

(****) Такимъ образомъ перешелъ во владѣніе графовъ Шереметевыхъ

При немъ Кусково было любимымъ мѣстомъ гулянья Москвичей: сюда, по четвергамъ и воскресеньямъ, стекались массы народа всякаго званія; онѣ имѣли свободный входъ и въ театръ (въ немъ большею частію давали оперы и балеты), почитавшійся лучше московскаго публичнаго театра, содержавшагося ловкимъ иностранцемъ Медоксомъ, который жаловался Воспитательному Дому (онъ платилъ ему условленную часть своихъ доходовъ), что графъ Шереметевъ отбивалъ у него зрителей, на что графъ отвѣчалъ: «Театръ у меня бываетъ не ежедневно и притомъ входъ въ него безплатный» (*). Кстати замѣтимъ, что московская публика такъ была недовольна представленіями Медокса, что во многихъ знатныхъ домахъ были заведены домашніе театры (**). Во время гуляній въ Кусковѣ, домъ, бесѣдки, садъ, пристань и яхты освѣщались; на гондолахъ и шлюпкахъ, двигавшихся на прудахъ, гремѣли пѣсни гребцовъ; въ саду раздавалась музыка, народъ угощали фруктами, для почетныхъ гостей приготовляемъ былъ роскошный ужинъ, за большимъ прудомъ вспыхивалъ великолѣпный фейерверкъ. Приглашеніе радушнаго хозяина обозначалось на двухъ каменныхъ столбахъ по московской дорогѣ съ надписью: *веселиться какъ кому угодно, въ домѣ и въ саду.*

и домъ на Никольской (подлѣ него находящійся переулокъ до сихъ поръ имѣетъ названіе *Черкасскаго*), и мѣсто, гдѣ находится Шереметевская больница,—оно прежде называлось *Черкасскими огородами*. Графъ Петръ Борисовичъ умеръ въ 1788 г. (30-го ноября), въ Москвѣ, и похороненъ въ Новоспаскомъ монастырѣ.

(*) Переписка объ этомъ дѣлѣ находится въ официальныхъ бумагахъ Воспитательнаго Дома.

(**) Въ 1797 г. главнокомандующій Москвы кн. Юр. Влад. Долгоруковъ доносилъ о томъ императору Павлу и получилъ отъ государя слѣдующій рескриптъ: «По представленію вашему о начавшихся въ Москвѣ въ партикулярныхъ домахъ спектакляхъ, запрещать ихъ никакой надобности не нахожу, а замѣтить нужнымъ почитаю: 1) чтобы не были представляемы никакія піесы, которыя не играны на большихъ театрахъ и которыя чрезъ цензуру не прошли. 2) Для таковыхъ собраній, дабы въ нихъ сохраняемъ былъ надлежащій порядокъ, а равно и для наблюденія за исполненіемъ предыдущимъ пунктомъ подписуемаго, быть всегда частному приставу, который за то и отвѣчать долженъ.»

Въ первый разъ Екатерина, вмѣстѣ съ нѣкоторыми владѣтельными принцами и князьями, посѣтила Кусково въ 1775 г. августа 23-го, послѣ большаго ходынскаго гулянья; въ описываемый же мною годъ она отправилась туда по окончаніи всѣхъ торжествъ своихъ, іюня 30-го.

Прежде нежели опишемъ встрѣчу, сдѣланную ей тамъ хозяиномъ, и вообще принятіе ея, бросимъ взглядъ на *тогдашнее* Кусково, на домъ, на садъ и на мѣстность его (*).

Домъ въ Кусковѣ не обширенъ и не такъ представителенъ, какъ въ Останкинѣ, но внутренность его изящна, нѣкогда поражала она великолѣпіемъ своего убранства, роскошною обстановкой и неостывшими слѣдами старины. Домъ въ два этажа съ мезониномъ и балконами построенъ по плану французскаго архитектора Валли. Шелковые обои Гобеленовой фабрики, огромныя зеркала, антики, бронзы, художнически разрисованные плафоны, разныя мраморныя группы, представлявшія миѳологическихъ жителей Олимпа, украшали и разнообразили это увеселительное жилище вельможи. Тамъ каждая комната отличалась своимъ особеннымъ интересомъ: одна представляла какъ будто сплошное зеркало, въ другой придавали оригинальность столы изъ малахита, въ третьей были собраны миніатюрныя изображенія звѣрей и животныхъ, въ четвертой древности изъ Геркуланума. Въ библіотекѣ находилась, украшенная перламутромъ, модель Іерусалимскаго храма и Виѳлеема, и восковые бюсты замѣчательныхъ людей, въ томъ числѣ Франклина. Въ оружейной камерѣ было большое и рѣдкое собраніе древняго и новаго, европейскаго и азіятскаго, оружія, въ томъ числѣ рѣдкой доброты черкесскія, греческія и китайскія ружья, дамасскія сабли, оправленныя въ золото и серебро и осыпанныя драгоцѣнными камнями. Между конскими приборами тамъ отличалась замѣчательная рѣдкость: сѣдло швед-

---

(*) Извлечено изъ *Отеч. Запис.* 1822 г., изъ стариннаго топограф. описанія Моск. уѣзда, изъ альманаха *Сѣверн. Цвѣты* 1825 г. (ст. Воейкова), изъ *Вѣстн. Европы* старыхъ годовъ, изъ *Моск. Вѣд.* 1787 г., изъ *Стариннаго Путеводителя по Москвѣ* и изъ устныхъ преданій старожиловъ.

скаго короля Карла XII, доставшееся, вмѣстѣ съ верховою лошадью его, славному современнику Петра, фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву; оно было отбито въ сраженіи подъ Полтавой (*).

Изъ картинъ самыя замѣчательныя были (**) *Св. Апостолъ Андрей*—Вандейка, *Смерть Св. Франциска*—Доминикина, *Богоматерь*—Корреджіо, *Рождество Христово*—Павла Вероneза, *Рождество Христово*—Рембрандта, *Вирсавія въ купальнѣ*—Гвидо Рени, *Превращеніе Дафниса*—Доминикина и пр.

Къ числу достопамятностей, находящихся тамъ и донынѣ, принадлежатъ изображенія государей и фамильные портреты графовъ Шереметевыхъ, (***) портреты друзей и современниковъ ихъ, вельможъ XVII и XVIII вѣковъ, имена которыхъ принадлежатъ исторіи; вѣроятно, они, доживая въ отдохновеніи вѣкъ свой въ Москвѣ, неоднократно въ этой портретной залѣ пріятно проводили время у радушныхъ, хлѣбосольныхъ хозяевъ, и воспоминали минувшее... Вотъ Шафировъ, Остерманъ, Ромодановскій, Матвѣевъ, А. И. Румянцевъ (отецъ полководца П. А. Румянцева) Черкасскій, Меньшиковъ, Долгорукіе, Трубецкіе, Апраксины, приготовившіе блестящій вѣкъ Екатерины и Александра. Между ними находится недоконченный портретъ графа Петра Борисовича, начатый дочерью его (обрученною невѣстой графа Панина); она умерла пятнадцати лѣтъ, и родитель ея оставилъ этотъ портретъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ ею написанъ. Тамъ же находится и ея портретъ, писанный уже съ мертвой. Вотъ изображеніе молодаго, блестящаго вельможи, князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго (жаль, что тамъ нѣтъ подлѣ его портрета Натальи Борисовны, самоотверженно раздѣлившей съ нимъ несчастную участь его); между фамильными портретами находится еще изображеніе супруги графа Бориса Петровича.

(*) Оно подарено графу Петромъ I, какъ главному сподвижнику его въ этой знаменитой битвѣ.

(**) Изъ нихъ нѣкоторыя похищены Французами въ 1812 году, другія перевезены въ Петербургъ.

(***) Замѣчательно изображеніе гр. Бориса Петровича во весь ростъ на лошади, верхомъ, съ обнаженною шпагой въ рукѣ, представляющее его во время Полтавской битвы.

Изъ портретовъ русскихъ царей находятся тамъ портреты Петра I въ профиль (писанный Донгауеромъ) (*) и Екатерины I (писанный тѣмъ же живописцемъ); мѣсто между ними было занято большою картиной, изображающею Полтавскую битву.

Поименуемъ еще слѣдующія изображенія памятныхъ въ нашей исторіи лицъ, близкихъ друзей графа: Ѳеофанъ Прокоповичъ (портретъ, писанный съ самого его и потому схожѣе прочихъ его портретовъ), Рагузинскій, Сергѣй Леонтьевичъ Бухвостовъ (первый солдатъ въ бомбардирской ротѣ регулярнаго войска, учрежденнаго Петромъ).

Изъ статуй замѣчательны тамъ были: большой прекрасный бюстъ Карла XII и маленькій Вольтера, поставленные въ хрустальной храминѣ.

Подлѣ дома находится каменная церковь; она не велика и не замѣчательной архитектуры; въ ней рѣзной иконостасъ вызолоченъ, старинные мѣстные образа въ золотыхъ окладахъ унизаны жемчугомъ и алмазами; ризница богатая. За алтаремъ стоитъ огромная картина, изображающая *Благовѣщеніе* (**).

Одинъ фасъ дома обращенъ къ обширному пруду, который служитъ и пріятнымъ и полезнымъ украшеніемъ Кускова, потому что посредствомъ его осушено это низменное и болотистое мѣсто; есть преданіе, что главною цѣлію рытья его было: доставить пропитаніе нѣсколькимъ тысячамъ бѣдныхъ семействъ во время голода, бывшаго въ 1770 г. Лишняя земля, вынутая изъ пруда, употреблена была на обнесеніе сада высокимъ валомъ, который въ то же время былъ обсаженъ деревьями, составляющими теперь непроницаемую ограду сада. Посреди этого пруда, какъ оазисъ, зеленѣетъ тополевый островокъ; за прудомъ виднѣлись красивыя рыбачьи хижины. Всѣхъ прудовъ въ Кусковѣ было семнадцать, а большихъ изъ нихъ

(*) Полагаютъ, что этотъ портретъ имѣетъ лучшее сходство съ маской, снятою съ лица государя по смерти его; она хранилась въ собраніи русскихъ рѣдкостей у П. П. Свиньина; гдѣ она нынѣ находится, мнѣ неизвѣстно.

(**) Одно изъ лучшихъ произведеній живописца Гершеня.

три; они назывались *зеркалами*; въ одномъ изъ нихъ было найдено нѣсколько настоящихъ жемчужныхъ раковинъ и изъ одной въ 1786 году вынута жемчужина, которая хранится тамъ въ кабинетѣ рѣдкостей. (*) Кромѣ прудовъ, въ Кусковѣ много каналовъ, каскадовъ и рѣчекъ; изъ одного пруда-озера съ шумомъ и быстротой вытекаетъ рѣчка и свое нравно извиваясь и раздѣляясь на нѣсколько частей, образуетъ небольшіе островки; на одномъ изъ нихъ былъ устроенъ рыбачій домикъ, въ которомъ находились, для забавы гулявшихъ, разныя сѣти и удочки; тамъ былъ развѣшанъ и неводъ, выписанный изъ Парижа, сплетенный изъ травы. На одномъ изъ островковъ устроена китайская бесѣдка, подъ навѣсами высокихъ кедровъ. (**) Чрезъ рукава рѣчекъ полукругомъ перегибались красивые мостики съ раззолоченными рѣшетками и рѣзными перилами; чрезъ одинъ изъ нихъ идетъ дорога въ глубину рощи къ мѣсту, называемому *убѣжище философовъ*; тамъ достоинъ замѣчанія кустъ бѣлыхъ корольковъ на каминѣ.

Другой фасъ дома обращенъ къ большому регулярному саду, окруженному съ трехъ сторонъ глубокимъ каналомъ и высокимъ валомъ, а съ четвертой каменною оградой; одна часть сада разбита въ старинномъ французскомъ вкусѣ, другая въ англійскомъ; первая была украшена мраморными статуями, мавзолеями, трельяжами, а другая бесѣдками, свѣтлыми храмами, гротами, памятниками, шумными фонтанами, яшмовыми урнами, огромными оранжереями и чудными цвѣтниками, разнообразно пестрящимися, какъ большія корзины пышныхъ, живыхъ, ароматныхъ цвѣтовъ.

Передъ домомъ возвышается мраморный обелискъ съ надписью: *Екатерина II пожаловала графу П. Б. Шереметеву въ 1785 году, во время бытности его губернскимъ предводителемъ московскаго дворянства.* (***) Близь обелиска мраморный столбъ, слу-

(*) Преданіе тамошняго священника, давно уже умершаго.

(**) Въ Кусковѣ и въ Останкинѣ кедры—переселенцы изъ Сибири, въ которой князь Черкасскій, тесть гр. Шереметева, былъ губернаторомъ.

(***) Въ 1787 году предводителемъ московскаго дворянства былъ М. М. Измайловъ.

жащій подножіемъ статуи Минервы (изъ бѣлаго мрамора) также съ надписью: *Екатерина Великая, всемилостивѣйшая государыня, удивившая весь свѣтъ славными своими надъ Оттоманскою Портою побѣдами и давъ торжествовать своимъ вѣрноподданнымъ преполезный миръ, всемилостивѣйше соизволила марта 22-го и августа 23-го 1775 года осчастливить своимъ присутствіемъ здѣшняго дома хозяина, графа П. Б. Шереметева. Въ память чего сооруженъ сей монументъ изъ пожалованнаго ея величествомъ мрамора.*

Въ боковыхъ частяхъ сада, въ аллеяхъ и за аллеями были примѣчательны: индѣйская пагода, четыреугольный лабиринтъ, каменный гротъ, убранный разноцвѣтными раковинами, красными и бѣлыми корольками, театръ на открытомъ воздухѣ, декораціей которому служили деревья; тамъ, лѣтомъ, бывало, во время пребыванія хозяина, играли небольшія оперы. По всему саду съ большимъ вкусомъ были разбросаны карусели, кегли, фонтаны, бесѣдки, руины, домики: англійскій, голландскій, италіянскій, катайскій и эрмитажъ.

Италіянскій каменный двухъ-этажный домикъ окруженъ, можно сказать, закутанъ садомъ въ италіянскомъ же вкусѣ; тамъ были развѣшаны славныя картины: *Іоаннъ Креститель*—Рафаэля, *Св. Великомученица Екатерина*—Карпіони, *Прометей*—Сальватора Розы и проч. Этотъ домикъ украшался еще прекрасною мебелью, особенно изящными мозаическими столами. Голландскій домикъ, также двухъ-этажный, былъ убранъ въ голландскомъ вкусѣ; вмѣсто обоевъ стѣны окладены красивыми, блестящими изразцами и увѣшаны картинами фламандской школы, между которыми находился портретъ *Вандейка*, самимъ имъ писанный, и разные портреты Рембрандта. Чистенькая, свѣтленькая, веселая кухня также представляла собою вкусъ чистоплотной голландской націи; шкафы ея наполнены были японскою, китайскою, саксонскою фарфоровою посудой и венеціанскимъ хрусталемъ; въ ближнихъ цвѣтникахъ разными прихотливыми колерами пестрѣли такіе гвоздики и тюльпаны, какіе можно было видѣть и какими можно было любоваться только въ самой Голландіи.

Въ двухъ-этажный эрмитажъ, отдѣленный отъ сада березовою рощей, вели шесть дорожекъ съ шести разныхъ сторонъ; въ верхній этажъ его поднимали гостей, внизу устроенною машиной, на софѣ; вверху находился столъ, сервированный на 16 приборовъ. По причудливому вкусу тогдашняго времени, каждая тарелка, по желанію гостя, опускалась внизъ, и, наполненная новымъ кушаньемъ, опять поднималась вверхъ, къ услугамъ гостя. Въ пещерѣ, убранной мадрепорами, кристаллами и разными камнями, лежалъ алебастровый левъ, съ надписью: Nou furit, sed indomitus. Вокругъ журчали невидимые ключи воды, проведенные подъ землей; тамъ лежала еще большая каменная плита съ окаменѣлыми морскими раковинами, найденная около Кускова. Звѣринецъ былъ до трехъ верстъ въ окружности; въ немъ находились: американскіе, нѣмецкіе, архангельскіе и сибирскіе олени (до 600 головъ), пѣгіе и черные волки, лисицы, медвѣди, лоси, дикія козы, серны, сагайки. Это была непроходимая дебрь.

Долго и по смерти графа Петра Борисовича московскіе жители, по привычкѣ, ѣздили въ Кусково по праздникамъ, но послѣ, въ отсутствіе хозяевъ, оно стало малу по малу клониться къ упадку: въ домѣ позолота облетѣла, потолки, украшенные гербами и звѣздами, почернѣли, гобелины и штофы полиняли. Въ саду многое также отдало свою дань неумолимому времени: подъемные мосты упали, рвы заросли травой, пруды застлались тиной.... Sic transit.... Упадку Кускова содѣйствовало и пребываніе тамъ Французовъ въ 1812 г. Они ничего не пощадили: многое тамъ перебили, многое переломали, со стѣнъ и мебели ободрали штофы и матеріи, несмотря на то, что Наполеонъ, пріѣзжавшій въ Кусково, строго запретилъ истреблять тамъ памятники старины и искусства. Въ Вишнякахъ (селеніи подлѣ Кускова) Французы, по чьему-то наущенію, отыскивая клады, попали въ графскій погребъ, гдѣ дѣйствительно нашли кладъ своего рода: дорогое старое вино, и, упившись имъ, сдѣлались жертвою окрестныхъ поселянъ (*).

(*) Преданіе бывшаго священника села Косина (въ окрестностяхъ Кускова), отца Платона.

Въ 1826 г., во время коронаціи императора Николая I, Великая Княгиня Елена Павловна жила въ Кусковѣ шесть недѣль.

Теперь возвратимся къ тому времени, когда Екатерина, послѣ московскихъ празднествъ, по случаю двадцатипятилѣтняго царствованія своего, посѣтила въ Кусковѣ своего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника оберъ-камергера и сенатора графа П. Б. Шереметева. Днемъ этой чести она избрала 30-е іюня. Она выѣхала изъ Москвы въ три часа пополудни. По дорогѣ отъ Москвы до села и на Кусковскомъ проспектѣ были устроены арки и торжественныя ворота съ надписями и эмблемами; въ устроенныхъ надъ ними галлереяхъ, во время проѣзда императрицы, гремѣли трубы и литавры. Графъ, со всею своею фамиліей, встрѣтилъ ее на границѣ села, при въѣздѣ въ которое были устроены затѣйливыя ворота іоническаго ордена; снаружи расписаны они были подъ мраморъ, бѣлый съ краснымъ, украшены рѣзьбой съ позолотой, съ четырьмя позолоченными гербами, изображавшими Нептуна, Марса, Аполлона и Меркурія. Внутри воротъ, въ полуциркульномъ сводѣ, была изображена живописью летящая слава съ трубой, вокругъ которой надпись: *теченіемъ пріумножаетъ славу свою*; на боковой стѣнѣ верхняя картина представляла городъ и часть моря, озаренныя солнечнымъ сіяніемъ, въ срединѣ ихъ вензелевое имя Екатерины съ надписью: *лучами своими озаряетъ* (что означало посѣщеніе пріобрѣтенной Таврической области). Другая, нижняя картина изображала въ окружности цирка пьедесталъ, въ видѣ большой непоколебимой скалы, на которой лежала книга съ титуломъ: *Учрежденіе законовъ*, щитъ, шлемъ и мечъ, связанные лавровымъ фестономъ, съ надписью: *утверждаютъ и охраняютъ*. На другой сторонѣ верхней картины было представлено солнечное сіяніе съ вензелевымъ въ срединѣ именемъ государыни, а подъ нимъ, въ проспектѣ, городъ Москва съ надписью: *веселящаяся присутствіемъ*; нижняя картина изображала въ проспектѣ Кусковскій садъ, часть оранжерей и мраморный обелискъ. Наверху воротъ галлерея, на которой, во время проѣзда государыни, играла музыка. Предъ воротами, по обѣ стороны, находились вызолоченные цирки съ нишами, въ которыхъ были поста-

влены померанцевыя и лимонныя деревья, обремененныя плодами.

За каретами Екатерины, чужестранныхъ министровъ и придворныхъ ея тянулся нескончаемый рядъ экипажей почетныхъ гостей и любопытныхъ посѣтителей Кускова. Лишь только подъѣхала императрица къ селу, ее салютовали пушечною пальбой съ берега пруда, съ яхты и съ другихъ судовъ, красиво испещренныхъ разноцвѣтными, полоскающимися въ воздухѣ флагами. На шоссе выступили попарно кусковскіе жители, одѣтые въ цвѣты графской ливреи, съ корзинками, полными цвѣтовъ; за ними шли тамошнія дѣвицы въ бѣлыхъ платьяхъ съ цвѣточными вѣнками на головахъ и устилали путь царицы живыми цвѣтами.

Государыня внимательно осмотрѣла домъ графа и все великолѣпное убранство его, послѣ чего хозяинъ пригласилъ ее смотрѣть оперу. Государыня отправилась садомъ въ новопостроенный для этого случая театръ, въ которомъ была представлена опера: *Самнитскіе браки* съ балетомъ; по окончаніи представленія, государыня изъявила артистамъ свое благоволеніе, пожаловала ихъ къ рукѣ и раздала имъ подарки. Государыня осмотрѣла садъ, находившійся подлѣ театра; (*) тамъ былъ лѣтній домикъ графа и китайская башня съ колоколами, въ родѣ Нанкинской. (**) Тамъ же, въ стогѣ сѣна, была устроена бесѣдка, въ видѣ избы, въ которой находилась группа восковыхъ фигуръ, изображавшая 12 крестьянъ, сидѣвшихъ на скамьяхъ, за дубовымъ столомъ, предъ бутылью водки (эта группа называлась пьяною компаніей). Вблизи же рощи была устроена львиная пещера, а на выходѣ къ деревнѣ Владыкиной (на пути къ селу Косину) былъ потаенный фонтанъ: если отвертывали тамъ кранъ, то вдругъ начинала литься дождемъ вода. Вечеромъ садъ былъ ярко освѣщенъ, какъ равно и каналы, прудъ предъ домомъ, розовый павильонъ, два обелиска (видимые и теперь предъ домомъ, на другой сторонѣ пруда); на нихъ, по концамъ бывшаго тогда раздвижнаго моста, стояли два маяка и между ними щитъ съ изо-

(*) Гдѣ нынѣ роща, и гдѣ московскіе посѣтители Кускова пьютъ чай.

(**) Въ Китаѣ; графъ называлъ ее голубятней.

браженіемъ вензелеваго имени Екатерины и парящей надъ нимъ славы. Шумящіе каскады также были всѣ въ огнѣ; на большомъ озерѣ стояла на якорѣ раззолоченная шестипушечная яхта; тамъ качались шлюпки, челноки, ботики, гондолы съ разноцвѣтными флагами, озаренные иллюминаціей; по водамъ разъѣзжали пѣсельники; гребцы были въ національной русской одеждѣ. Стеченіе народа въ саду и во всѣхъ окрестностяхъ Кускова было огромное. Предъ фейерверкомъ поднесли Екатеринѣ голубя; съ ея руки полетѣлъ онъ къ щиту, и освѣтилось все Кусково.

По прибытіи въ покои, государыня играла въ карты; въ 11 часовъ, по приглашенію хозяина, она отправилась въ галлерею къ ужину; роскошный столъ сервированъ былъ золотомъ на 60 кувертовъ. Предъ государыней стояло изображеніе горы съ каменною руиной; по сторонамъ высились еще двѣ горы: на одной изъ нихъ стояли два топазовые истукана, а на другой двѣ вазы, одна агатовая, а вторая изъ восточнаго хрусталя, убранныя въ древнемъ вкусѣ яхонтами, алмазами и изумрудами. Всѣ эти три горы были украшены разными драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ; между горъ были поставлены изображенія пожалованныхъ отъ государыни: обелиска и колонны, на которыхъ надписи искрились алмазными буквами. Вокругъ филей разставлены были разныя строенія, каменныя фигуры со вставленными въ нихъ бирюзами и аметистами, также фигурные пьедесталы, съ стоявшими на нихъ вызолочеными вазами, убранными бирюзой и сердоликами, въ которые вставлены были кусты изъ красныхъ кораллювъ.

Во время стола, при питіи за здравіе императрицы, началась пушечная пальба съ берега, съ яхты и съ судовъ, били въ литавры, гремѣли трубы, играла вокальная и инструментальная музыка, а хоръ пѣвчихъ пѣлъ:

Ужь не могутъ орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой,
Гордость низится Селима (*),
И блѣднѣетъ онъ съ луной.

(*) Турецкій султанъ.

Славься симъ Екатерина!
Славься нѣжная къ намъ мать!

По окончаніи всего, государыня, изъявивъ хозяину Кускова свою признательность и принявъ отъ него всеподданнѣйшую благодарность, за оказанную ему посѣщеніемъ ея милость, при пушечной пальбѣ отправилась въ Москву, въ часъ пополуночи. Вся дорога отъ Кускова до Москвы ярко была освѣщена плошками, фонарями на верстовыхъ столбахъ и смоляными бочками. При подъѣздѣ государыни къ Москвѣ, били уже утреннюю зарю.

4-го іюля Екатерина уѣхала въ Петербургъ; 1-го августа въ кусковской церкви бываетъ главно-престольный праздникъ (*), по этому случаю гулянье тамъ повторилось; 6-го августа (день Спаса Преображенія) графъ опять далъ именитымъ жителямъ Москвы роскошное угощеніе, фейерверкъ, театръ и иллюминацію, все въ ознаменованіе посѣщенія государыней Кускова.

(*) Почему Кусково и называется *Спасскимъ*.

ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ РОССІИ 21 НОЯБРЯ.

Сто лѣтъ тому назадъ, къ числу страшныхъ бичей человѣчества принадлежала *оспа*. Она поражала людей и въ бѣдныхъ хижинахъ, и въ царскихъ чертогахъ; жертвой ея были: французскій король Людовикъ XV и нашъ русскій императоръ Петръ II. Въ Россіи спасительное изобрѣтеніе прививать оспу не было извѣстно до 1768 г. (*).

Императрица Екатерина, замѣтивъ по спискамъ раждающихся, что изъ числа ихъ едва четвертая часть достигала совершеннаго возраста, заботливо стала доискиваться причинъ смертности дѣтей и вмѣстѣ съ тѣмъ приказала учрежденному для этого комитету врачей издать правила для наставленія родителей всякаго званія: какъ содержать дѣтей, какой вести имъ образъ жизни, какую употреблять пищу (**) Тщательными изслѣдованіями дознано было, что большая часть малолѣтныхъ умирали отъ оспы.

Въ западной Европѣ извѣстно уже было въ то время оспопрививаніе, какъ средство избавленія отъ развитія оспы. Екатерина вознамѣрилась показать русскому народу очевидный примѣръ пользы подобнаго нововведенія, показать его на самой себѣ и на своемъ наслѣдникѣ. Въ описываемое мною время, ей исполнилось уже тридцать девять лѣтъ, а въ зрѣлые года считали тогда опаснымъ прививать оспенный ядъ; тѣмъ не менѣе она самоотверженно рѣшилась сдѣлать опытъ на самой себѣ, чтобы вполнѣ разрушить недовѣрчивость своего народа къ этому спасительному нововведенію.

(*) Полагаютъ, что оспа родилась въ Счастливой Аравіи; она тамъ была въ родѣ сыпи, коросты, безъ вредныхъ послѣдствій, (нечистота крови); перешедъ въ Европу, она сдѣлалась смертоносною.

(**) См. полное изданіе указовъ Екатерины II.

Въ то время русскіе врачи были неопытны въ этомъ дѣлѣ, и потому государыня пригласила, для привитія себѣ оспы, въ Петербургъ изъ Лондона, славнаго оспеннаго врача Димздаля, который въ томъ же году и прибылъ ко двору ея съ сыномъ своимъ, также докторомъ. Димздаль тотчасъ принялся за свое дѣло: онъ отыскалъ одного младенца, крѣпкаго сложенія, одержимаго оспой. Это былъ семилѣтній сынъ небогатаго простолюдина, Данилы Маркова, Александръ. Лишь только докторъ вошелъ въ домъ Марковыхъ, чтобы взять отъ младенца оспенной матеріи, для привитія ея императрицѣ (что онъ и объяснилъ родителямъ младенца), какъ вдругъ всѣ тамъ пришли въ большой страхъ и смятеніе, потому что тогда всѣ были увѣрены въ томъ, что всякій, отъ кого возьмутъ оспенную матерію для привитія ея другимъ, непремѣнно умретъ. Мать больнаго ребенка въ горькихъ слезахъ бросилась на колѣни предъ докторомъ и умоляла его пощадить жизнь ея сына; напуганный этою сценой, ребенокъ присоединилъ свои слезы и жалобы къ слезамъ матери. Докторъ сталъ представлять имъ всѣ убѣдительные доводы, для разсѣянія ихъ пустаго страха и предразсудка, но ничѣмъ не могъ переубѣдить ихъ. Уступая ихъ слезнымъ просьбамъ и тронутый страданіями матери, докторъ хотѣлъ уже оставить ихъ въ покоѣ, но въ это дѣло вмѣшался отецъ младенца: «Я самъ», сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ своей, «не менѣе твоего люблю сына и боюсь его лишиться, но пойми то, что этотъ господинъ пришелъ къ намъ отъ имени нашей матушки-царицы. Мы принадлежимъ ей и дѣти наши также. Еслибъ она потребовала отъ насъ жизни нашей, мы и на то должны тотчасъ согласиться!» (*).

Послѣ этого докторъ, успокоивъ всѣхъ ручательствомъ своимъ въ безопасности младенца, взялъ отъ него оспенную матерію и привилъ ее государынѣ. Это случилось 12 октября 1768 г. Екатерина мужественно и спокойно перенесла эту неиспытанную операцію; она не лежала въ постели и производила свой обычный ежедневный пріемъ должностнымъ лицамъ. Докторъ совѣтовалъ ей только не

(*) *Дѣянія Екатерины II*, Петра Колотова, изд. 1811 г., посвященное императору Александру I.

выѣзжать никуда въ то сырое осеннее время и продолжать этотъ карантинъ до 21 ноября того же года (*).

Испытавъ на себѣ дѣйствіе этой операціи, государыня побудила и наслѣдника своего престола, цесаревича Павла, обезопасить себя подобнымъ же средствомъ. Генералъ-фельдцейхмейстеръ, графъ Орловъ, просилъ Димздаля совершить и надъ нимъ таковую же операцію, послѣ которой, на другой же день, ѣздилъ онъ на охоту, въ самую ненастную погоду, безъ ущерба своему здоровью. Примѣру его послѣдовали многія приближенныя къ императрицѣ особы, большая часть придворныхъ, а за ними и прочіе жители Петербурга. Оспопрививаніе тогда вошло какъ будто въ моду: въ домахъ, на балахъ, въ собраніяхъ и даже на улицахъ, знакомые, встрѣчаясь, спрашивали другъ друга: «а что, прививали ли вы себѣ или дѣтямъ своимъ оспу?» Въ то время въ Петербургѣ стали прививать оспу въ трехъ домахъ, опредѣленныхъ для воспитанія и обученія юношества, и въ особенной больницѣ, учрежденной докторомъ Димздалемъ. Петербургу стала подражать и Москва (**), а тамъ, мало-по малу, оспопрививаніе начало распространяться по всей Россіи и, какъ мы видимъ, съ большимъ успѣхомъ и пользой.

Чтобы сохранить память этого важнаго событія для Россіи и

---

* Екатерина имѣла весьма крѣпкое сложеніе, но часто страдала головною болью. Со всѣмъ тѣмъ она не любила лѣчиться, особенно принимать внутрь лѣкарства. Однажды лейбъ-медикъ ея, Рожерсонъ, примѣтивъ въ ней серьезное развитіе болѣзни, убѣдилъ ее принять лѣкарство. Екатерина вняла его неотступнымъ просьбамъ и приняла предложенное ей лѣкарство. Тогда Рожерсонъ, пришедъ въ восторгъ, забывшись, потрепалъ ее по плечу и воскликнулъ: «Браво, madame!» но опомнившись, сталъ извиняться; государыня, неоднократно испытавъ чувства преданности Рожерсона къ своей особѣ, не оскорбилась этимъ, она только снисходительно улыбнулась. Въ другой разъ, когда онъ пускалъ ей кровь изъ руки, государыня сказала ему: «Не жалѣйте, пускайте больше; пусть выйдетъ изъ меня вся нѣмецкая кровь и останется одна русская.» *Обозрѣніе царствованія Екатерины Великой.* П. Сумарокова, изд. въ 1832 г.

(**) Въ Москвѣ, въ учрежденной въ семидесятыхъ годахъ больницѣ, въ честь государыни, названной *Екатерининскою*, находился оспенный комитетъ. *Путевод. по Москвѣ, 1792 г.*

воздать благодарность Богу за избавленіе настоящихъ и будущихъ жителей Россіи отъ губительной язвы, государыня приказала на все грядущее время установить 21-го ноября торжество во всей Русской имперіи, то есть производить, послѣ благодарственнаго молебна, цѣлый день колокольный звонъ, вечеромъ иллюминовать города и внести этотъ день въ мѣсяцесловъ, какъ день *табельный*, съ освобожденіемъ присутственныхъ мѣстъ отъ присутствія, а училищъ отъ ученія, потому именно, что этотъ день былъ днемъ выздоровленія ея, и что съ этого дня началось распространяться по Россіи цѣлительное оспопрививаніе.

Докторъ Димздаль (въ слѣдующемъ 1769 г. декабря 3-го), предъ отъѣздомъ своимъ въ Англію, получилъ за труды свои достойныя награды: государыня пожаловала его званіемъ лейбъ-медика съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и съ баронскимъ достоинствомъ; сверхъ того, она опредѣлила ему пенсію въ 500 фунтовъ стерлинговъ. Не былъ забытъ и младенецъ Александръ Марковъ (Димздаль передалъ императрицѣ всѣ обстоятельства бывшей въ домѣ Марковыхъ сцены и отвѣтъ отца его): это семейство получило потомственное дворянское достоинство и разные драгоцѣнные подарки; на содержаніе же младенца пожалованъ былъ государынею капиталъ въ 3,000 руб. и отданъ въ банкъ до совершеннолѣтія младенца. Вскорѣ послѣ того, по высочайшему указу, велѣно ему было называться *Оспеннымъ*.

Правительствующій сенатъ, вполнѣ оцѣнивъ самоотверженіе Екатерины, положилъ изъявить ей свою всеподданническую благодарность отъ лица всей Россіи; но, видя ее очень занятою военными дѣлами и разными реформами, не прежде привелъ въ исполненіе свою мысль, какъ въ 1772 г., въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Лишь только государыня вошла тогда въ присутственную камеру сената, какъ сенаторъ, графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ, привѣтствовалъ ее слѣдующею рѣчью:

«Всемилостивѣйшая государыня!

«Сенатъ вашего императорскаго величества, напоминая ту опасность, въ которую, для спасенія всего рода человѣческаго, приви-

тіемъ оспы себѣ и любезному своему сыну поступить изволили, не благодаренъ бы предъ Богомъ и вами явился, еслибы публичнымъ знакомъ на вѣчныя времена не оставилъ память сего великаго дѣйствія: въ такомъ разсужденіи сей искренній своей и народа благодарности знакъ повелѣвъ сдѣлать, всеподданнѣйше повергаетъ его съ самимъ собою къ стопамъ вашего величества».

По окончаніи этой рѣчи, были поднесены императрицѣ отъ сената чрезъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго, выбитыя на этотъ случай, двѣнадцать медалей на серебряномъ блюдѣ. На одной сторонѣ каждой медали изображенъ былъ грудной портретъ государыни, а на другой—храмъ исцѣленія, предъ которымъ лежитъ поверженная гидра. Изъ храма выходитъ императрица и ведетъ съ собою наслѣдника своего престола, оба исцѣленные отъ привитія оспы. На встрѣчу имъ спѣшитъ обрадованная Россія съ младенцами и наверху съ надписью: *1768 годъ, октября 12-го* (день привитія ею оспы).

Государыня, милостиво принявъ признательность сената, отвѣчала: *Я исполнила долгъ свой, ибо добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы.*

Съ того времени каждогодно, въ царствованіе Екатерины, съ большимъ торжествомъ стали праздновать день 21-го ноября; Россійская Академія послѣ религіозныхъ обрядовъ, въ знакъ благодарности къ императрицѣ, какъ основательницѣ и покровительницѣ ея, въ этотъ день, иногда и 24-го ноября, имѣла чрезвычайное собраніе, которое открывала *предсѣдатель академіи* Екатерина Романовна Дашкова, соотвѣтственною тому рѣчью; секретарь Академіи, Лепехинъ, читалъ отчетъ за текущій годъ, потомъ награждали золотыми медалями ревностнѣйшихъ сподвижниковъ—членовъ Академіи. Весь Петербургъ былъ иллюминованъ; съ разсвѣщенныхъ яхтъ, плавающихъ на Невѣ, производилась пушечная пальба.

Въ Москвѣ, также по совершеніи торжественныхъ религіозныхъ обрядовъ, главнокомандующій давалъ обѣдъ или балъ; московскій университетъ праздновалъ воспоминаніе объ этомъ событіи, почти совпадающемъ со днемъ тезоименитства государыни, своимъ собра-

ніемъ. Въ 1786 г. это празднество совершилось ранѣе, въ день коронаціи Императрицы, по случаю открытія главнаго народнаго училища (гдѣ нынѣ 1-я *губернская* гимназія) въ домѣ бывшемъ Ген. Пор. Кн. Григ. Сем. Волконскаго; директоромъ училища избранъ былъ тогда полковникъ Юрій Александр. Нелединскій-Мелецкій; это училище состояло подъ вѣдѣніемъ Приказа Общественнаго Призрѣнія. Почти въ то же время совершена была закладка большаго университетскаго корпуса при кураторахъ: Херасковѣ, Мелиссино и директорѣ Ф. Визинѣ, (университетскій корпусъ строилъ архитекторъ Казаковъ). Каменьщикамъ дано было сытное угощеніе; они восторженно и усердно кричали ура...

Въ то же время появились на Спаскомъ мосту, въ квасномъ ряду и у Казанскаго собора лубочныя картинки, сатирическаго содержанія, подъ названіемъ *споръ привившихъ себѣ оспу съ рябыми*; бородатые и рябые (раскольники) укоряли первыхъ тѣмъ, что у нихъ *гладкое и скобленое рыло*, а привившіе себѣ оспу смѣялись надъ рябыми, что ихъ еще малолѣтками пѣтухи расклевали и сдѣлали лица ихъ похожими на терку, что, вѣрно, на лицахъ ихъ въ свайку играли и оставили на нихъ язвины.

Въ наше время встрѣтить рябаго есть уже анахронизмъ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТІЕ
МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ
5-го Октября 1782 года
и
ПЕРВЫЕ ДВОРЯНСКІЕ ВЫБОРЫ.

Въ 1708 г. Петръ I учредилъ въ Россіи 8 губерній: Московскую Ингерманландскую, Кіевскую, Смоленскую, Архангельскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую. Губерніи раздѣлены были на провинціи, города къ губерніямъ и провинціямъ приписаны были по большимъ дорогамъ; въ двѣ соединенныя губерніи назначались генералъ-губернаторы, а въ прочія просто губернаторы или вице-губернаторы; въ провинціяхъ начальствовали воеводы. Московская губернія раздѣлена была на 9 провинцій.

Въ 1775 г. Екатерина, послѣ великолѣпнаго празднованія въ Москвѣ Кучукъ кайнарджійскаго мира, возвратилась въ Петербургъ; подготовя основанія разныхъ новыхъ узаконеній въ своемъ Наказѣ, она приступила къ преобразованію всей Имперіи и издала новое *учрежденіе о губерніяхъ* (*).

Учрежденіе губерній съ ихъ различными управленіями было большимъ шагомъ впередъ, въ сравненіи съ прежнимъ; въ уѣздахъ образовались судилища; между присутственными мѣстами *приказъ общественнаго призрѣнія* уже однимъ своимъ наименованіемъ являлъ важное назначеніе свое; избранные намѣстники и губернаторы старались сообщить нѣкоторое одушевленіе провинціальной жизни; начали появляться училища. Прогрессивное движеніе пошло не быстро,

---

(*) Предварительно указъ объ этомъ учрежденіи подписанъ былъ въ Москвѣ, іюля 7-го.

по естественно; мудрая Монархиня слѣдила за нимъ доброжелательно и спѣшила придать твердость государственному учрежденію дарованіемъ дворянской грамоты, обязательной для Ея Августѣйшихъ Преемниковъ.

Въ 1775 г., ноября 7-го, послѣдовалъ манифестъ объ открытіи двухъ губерній: Тверской и Смоленской; прочія губерніи открывались постепенно, причемъ считалось нужнымъ идти съ запада на востокъ, возвышая государственную жизнь на рубежѣ Имперіи съ Польшей и новоприсоединенными отъ нея областями. Вскорѣ были открыты Калужская и Тульская губерніи (*) соединенно.

Изъ губерній, открывшихся прежде Московской, торжественнѣе прочихъ было открытіе Кіевской губерніи и потомъ черниговскаго намѣстничества; генералъ-фельдмаршалъ графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій, бывшій тогда намѣстникомъ трехъ губерній: Кіевской, Черниговской и Новгородской-Сѣверской, распорядился (1782 г января 9-го) открыть сперва Кіевскую губернію. Это торжество началось въ 7 часовъ утра 101 выстрѣломъ и играніемъ на трубахъ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ; послѣ этой повѣстки преосвященный Гавріилъ (митрополитъ кіевскій и галицкій) съ тремя архіереями, архимандритами и съ прочимъ духовенствомъ прибыли въ Кіевопечерскую Лавру, для служенія литургіи. Графъ Румянцевъ, при входѣ въ Лавру, встрѣченъ былъ тамошнимъ настоятелемъ съ братіею, съ крестами и кадилами за Троицкими воротами, гдѣ, по окропленіи его святою водой, произнесена ему была іеромонахомъ Ѳеофаномъ привѣтственная рѣчь; у церковныхъ дверей намѣстникъ встрѣченъ былъ самимъ митрополитомъ. По окончаніи литургіи, у самаго амвона, губернскій прокуроръ Туманскій прочелъ высочайшій манифестъ 1775 г. и указъ объ учрежденіи Кіевской губерніи, послѣ чего ректоръ академіи произнесъ слово; потомъ былъ отправленъ съ колѣно-

(*) Калужскій губернаторъ Кречетниковъ въ 1782 г. вызывалъ въ Калугу, чрезъ газеты, дворянъ своей губерніи къ декабрю мѣсяцу, для выбора изъ среды своей должностныхъ лицъ, какъ объявлялъ онъ уже въ 6-й разъ; слѣдовательно эта губернія существовала шестью годами прежде Московской.

преклоненіемъ благодарственный молебенъ. При пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, преосвященный Гавріилъ со всѣмъ духовенствомъ, съ хоругвями и крестами отправился въ домъ, устроенный для открытія новой губерніи; всѣ губернскія палаты окроплены были св. водой, и самъ преосвященный Гавріилъ сказалъ намѣстнику поздравительную рѣчь. Въ заключеніе графъ Румянцевъ пригласилъ почетныхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ къ себѣ на обѣдъ. Въ слѣдующіе дни занимались выборомъ судей для присутственныхъ мѣстъ, а по открытіи палатъ, былъ данъ торжественный обѣдъ преосвященнымъ Гавріиломъ. Того же мѣсяца 16-го числа намѣстникъ отправился открывать новую губернію въ Черниговъ, что и было имъ исполнено 19-го числа съ такимъ же парадомъ, какъ и въ Кіевѣ, и при многочисленномъ стеченіи дворянъ (360 человѣкъ) и прочаго народа. Трубачи легкоконнаго Черниговскаго полка возвѣщали объ этомъ торжествѣ по всему городу. Послѣ обычныхъ пушечныхъ выстрѣловъ и звуковъ литавръ, чины старыхъ и новыхъ присутственныхъ мѣстъ собрались въ домъ намѣстника, въ залѣ котораго, на возвышенномъ предъ трономъ мѣстѣ, сидѣлъ самъ хозяинъ дома предъ столомъ, покрытымъ бархатомъ, а на немъ лежала книга въ богатомъ переплетѣ, украшенная золотымъ императорскимъ гербомъ; подлѣ и позади графа стоявшія полукругомъ кресла были заняты особами по старшинству чиновъ. Здѣсь намѣстникъ объявилъ имъ о цѣли созванія ихъ и потомъ пригласилъ всѣхъ отправиться въ соборную церковь помолиться о здравіи государыни и о благопреуспѣяніи ихъ общаго дѣла.

Отъ дома намѣстника до собора поставлены были мѣщане и цеховые со своими значками. Литургію совершалъ преосвященный Ѳеофилъ; далѣе слѣдовала та же церемонія, какъ и въ Кіевѣ. При обѣдѣ у намѣстника играла музыка, при питіи за здравіе ея величества производилась пушечная пальба; вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ. Далѣе слѣдовали выборы во всѣ высшія и низшія должности. Изъ губернскаго города командированные графомъ чиновники отправились въ уѣздные города, для открытія въ нихъ новыхъ присутственныхъ мѣстъ.

Между тѣмъ приближалось время открытія Московской губерніи. Еще въ 1780 году, декабря 8-го, указомъ сената предписано было всѣмъ московскимъ присутственнымъ мѣстамъ поспѣшить рѣшеніемъ дѣлъ и приготовить ихъ къ сдачѣ, но не смотря на то, многія дѣла въ коллегіяхъ, приказахъ и экспедиціяхъ остались нерѣшенными и даже неразобранными (*).

Вслѣдъ за этимъ, 1781 г. января 2-го, высочайшимъ указомъ повелѣно было главнокомандующему московскому, генералу аншефу, князю Василію Михайловичу Долгорукову-Крымскому, тщательно осмотрѣть Московскую губернію, и, сообразно новому учрежденію, раздѣлить ее по количеству жителей на 14 уѣздовъ. Вслѣдствіе этого, къ прежнимъ 9 прибавлено было пять новыхъ уѣздныхъ городовъ, а именно: экономическая слобода близъ Воскресенскаго монастыря переименована въ городъ Воскресенскъ, ямское село Рогожа въ городъ Богородскъ, село конюшеннаго вѣдомства Бронницы въ городъ Бронницы, дворцовое село Колычево въ городъ Никитскъ и экономическое село Подолъ въ городъ Подольскъ. (**) Границы между смежными губерніями опредѣлены были по согласію между собою губернаторовъ; гербы 14 уѣздныхъ городовъ утверждены были императрицею.

Для присутственныхъ мѣстъ князь Долгоруковъ-Крымскій избралъ монетный дворъ (***) у Воскресенскихъ воротъ съ присовокупленіемъ къ нему Университетской типографіи (****).

Но въ началѣ слѣдующаго года представитель Государыни въ

(*) *Матеріалы для новой и сравнительной статистики Москвы.*

(**) Города: Воскресенскъ и Никитскъ остались заштатными въ наше время.

(***) Въ тѣхъ зданіяхъ помѣщались: монетный департаментъ, московская монетная экспедиція, монетная канцелярія, бергъ-контора и казначейства: статное и остаточное. Монетный дворъ построенъ былъ въ 1737 г.; помѣщавшееся въ немъ управленіе перевели въ Петербургъ.

(****) Передѣлку монетнаго двора и расположеніе залъ для присутствій производилъ извѣстный архитекторъ Матвѣй Ѳедоровичъ Козаковъ; для этого назначена была сумма во 100,000 рублей (*Матеріалы для статистики Москвы).*

Москвѣ (*), князь Долгоруковъ скончался, на 60 году отъ рожденія. Онъ умеръ 30-го января 1782 года, въ самый день своихъ именинъ; 2-го февраля былъ пышный выносъ тѣла его. Онъ жилъ въ своемъ домѣ, гдѣ нынѣ помѣщается Благородное Собраніе; его вынесли въ церковь Св. Анастасіи, находившуюся прямо противъ дома его, нынѣ уже не существующую.

Изъ почетнаго траурнаго церемоніала, (подробно описаннаго въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1782 г.) я помѣщаю нѣкоторыя любопытныя обстоятельства. Лишь только тѣло князя вынесли въ большой залъ, прилично драпированный по тому случаю, то всѣ, безъ различія званій, какъ и при жизни покойнаго, допускаемы были къ нему прощаться. Тѣло его въ приходскую церковь провожалъ грузинскій митрополитъ Николай со всѣмъ духовнымъ причтомъ, гробъ несли штабъ-офицеры и родные князья; крышею, изъ особеннаго уваженія къ покойнику, покрылъ гробъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. Полки: Ростовскій карабинерный, Пермскій, Тульскій, Ярославскій и артиллерійскій съ знаменами, штандартами и пушками построены были отъ приходской церкви до Богоявленскаго монастыря въ двѣ шеренги; передъ гробомъ ѣхалъ верхомъ, командовавшій полками, князь Гагаринъ, при битіи въ барабаны полнаго похода и при играніи печальной музыки. За гробомъ шли сыновья покойнаго, ближніе родственники, правитель канцеляріи его, премьеръ-майръ Поповъ, со всѣмъ штатомъ; въ числѣ особъ, провожавшихъ тѣло, находились: фельдмаршалъ графъ З. Г. Чернышевъ (**), свѣтлѣйшій князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, пѣшіе, со свѣчами; весь кортежъ замыкался отрядомъ полицейскихъ гусаръ и драгунъ. Когда тѣло подвезено было къ Богоявленскому монастырю, гробъ съ роспусковъ сняли и несли въ церковь *двѣнадцать князей Долгоруковыхъ*, въ числѣ которыхъ были племянники покойнаго: князь

(*) Съ 13-го іюня 1781 г. до 1-го февраля 1797 г. главные начальники Москвы титуловались *главнокомандующими* и *первымъ* изъ нихъ былъ князь В. М. Долгоруковъ-Крымскій.

(**) Заступившій его мѣсто главнокомандующаго въ Москвѣ.

Юрій (*) и Василій Владиміровичи Долгоруковы, и два князя Одоевскіе.

Литургія и отпѣваніе происходили въ помянутомъ монастырѣ; послѣ отправили тѣло покойника въ Рузскій уѣздъ, въ принадлежавшее ему село Полуехтово (**).

Покойнаго князя любили въ Москвѣ. Когда въ городскихъ рядахъ закупаемы были нужныя къ погребенію его вещи, купцы не хотѣли брать за нихъ денегъ, и когда, по настоянію покупателей, они не могли отговориться отъ того, то они эти деньги роздали нищимъ, для молитвъ за упокоеніе души его. По случаю смерти князя Василія Михайловича, написано было много стиховъ элегическаго содержанія, между которыми особенно высокопарностію своею отличаются стихи извѣстнаго въ то время піиты, Ермила Ивановича Кострова (***).

4-го февраля воспослѣдовалъ именной указъ императрицы о назначеніи въ Москвѣ главнокомандующимъ графа Захара Григорьевича Чернышева (бывшаго прежде бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ); онъ сталъ довершать начатое княземъ Долгоруковымъ, въ отношеніи къ приготовленіямъ, для открытія Московской губерніи. По окон-

(*) Генералъ отъ инфантеріи, князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ былъ также главнымъ начальникомъ Москвы въ 1797 году. Замѣчательно, что онъ былъ *первый* титулованъ вмѣсто «главнокомандующаго» *генералъ-губернаторомъ;* это званіе продолжалось до 1809 г., съ этого года до 1816 введенъ былъ опять титулъ *главнокомандующаго.*

(**) Оно находится за 90 верстъ отъ Москвы; тамъ предано тѣло князя землѣ въ церкви Трехъ Святителей. Ровно за годъ до дня смерти своей (30-го января 1781 года) князь В. М. былъ въ этомъ селѣ, при освященіи новосооружаемой имъ церкви, и назначилъ въ ней мѣсто для своей могилы.

(***) Стихи очень длинные, вотъ ихъ начало:

Что тако сѣтуешь средь мирныхъ дней, Москва,
Какой печальный стонъ сыновъ твоихъ терзаетъ?
И лаврами твоя вѣнчанная глава
Почто себя въ юдоль прискорбій уклоняетъ и т. д.

чательному исчисленію народонаселенія въ Московской губерніи (*), оказалось нужнымъ учредить еще *пятнадцатый* уѣздъ, вслѣдствіе чего, по представленію новаго главнокомандующаго, назначенъ былъ городъ Верея съ округою.

Высочайшимъ указомъ (отъ 25-го мая) назначенъ для открытія Московской губерніи мѣсяцъ октябрь того же года. На расходы для этого ассигновано было *пять тысячъ рублей.*

Главнокомандующій назначилъ для открытія губерніи 5-е октября (**). Въ московскихъ и петербургскихъ вѣдомостяхъ публиковано было приглашеніе московскимъ дворянамъ прибыть въ Москву къ 3-му октября. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено было по всей губерніи, чрезъ магистраты, о томъ, чтобы всѣ, принадлежащіе къ московскому округу, города выслали повѣренныхъ отъ купечества и мѣщанства, для избранія градскихъ головъ, бургомистровъ и ратмановъ, а волости, погосты и селенія по одному повѣренному, для выбора засѣдателей верхней и нижней расправы, совѣстнаго суда и нижнихъ земскихъ судовъ, также къ 3-му октября. Дворяне начали съѣзжаться къ назначенному дню и, являясь къ гражданскому губернатору, Николаю Петровичу Архарову (числомъ до 400), записывались въ генеральную роспись не по чинамъ, а по времени ихъ прибытія; эти списки отправлены были отъ губернатора къ главнокомандующему; прочіе чины, опредѣленные въ штатъ московской губерніи и повѣренные отъ городовъ и селеній, также прибыли въ Москву къ назначенному времени.

На другой день, т. е. 4-го числа, повѣщено было, чтобы 5-го, по сигналу изъ пушекъ, дворянство, губернскіе чины, городскія головы, члены магистрата и первостатейное купечество собирались въ Грановитую палату; ровно въ полдень, на главныхъ московскихъ

(*) Самое большое количество жителей было въ Московскомъ уѣздѣ 29,094 челов. и самое малое въ Верейскомъ—20,378 человѣкъ, а во всей Московской губерніи слишкомъ 365,000. *(Матеріалы для статистики Москвы 1841 г.).*

(**) День Св. Петра, Алексія и Іоны; это было кстати, потому что Св. Петръ митрополитъ благословилъ Москву быть столицей и перенесъ въ нее изъ Владиміра свой патріаршій престолъ.

площадяхъ объявили, чрезъ полицейскихъ офицеровъ, при которыхъ находились трубачи, что по указу ея величества будутъ установлены въ московской губерніи новыя присутственныя мѣста, и что начало тому будетъ въ 7 часовъ утра, при 21 выстрѣлѣ изъ пушекъ. Въ тотъ же день графъ послалъ къ преосвященному Платону извѣщеніе о томъ, вслѣдствіе чего на 5-е октября отправлено было во всѣхъ московскихъ церквахъ всенощное бдѣніе. Въ Грановитой палатѣ, внизу трона были приготовлены кресла для главнокомандующаго; по лѣвую отъ нихъ сторону находился столъ, покрытый алымъ бархатомъ съ золотою бахрамой, на немъ лежала книга учрежденій въ переплетѣ изъ глазета съ большимъ государственнымъ гербомъ, вышитымъ золотомъ; далѣе, по обѣ стороны, стояли въ два ряда стулья для губернскихъ чиновъ, напротивъ, полукругомъ стулья для дворянства, а за ними крытыя бархатомъ скамьи для купечества.

Въ 8 часовъ утра прибылъ въ палату графъ Чернышевъ съ губернаторомъ Архаровымъ и со всѣмъ своимъ штатомъ; поклонясь собранію, онъ сѣлъ въ свои кресла, пригласилъ прочихъ сдѣлать то же и произнесъ слѣдующую рѣчь:

«До сего времени восхищались мы блаженствомъ прочихъ собратій нашихъ, извѣщаясь день ото дня объ открытіи въ ихъ предѣлахъ новыхъ, спасительныхъ учрежденій, а престольный сей градъ, взирая окрестъ на свои страны, ожидалъ съ нетерпѣніемъ подобнаго событія. Приспѣлъ нынѣ тотъ ожидаемый день, въ который открывается наше вожделѣнное счастіе; день сей, почтеннѣйшіе собратія, не только намъ во всю жизнь, но и потомству нашему пребудетъ достопамятнымъ, поелику въ оный благо наше является въ тѣхъ мудрыхъ учрежденіяхъ, кои имѣю теперь счастіе вносить въ сей знаменитый градъ и во всѣ предѣлы здѣшней губерніи. Теперь истинно материнское попеченіе всемилостивѣйшей нашей Государыни всюду достигнетъ; въ судѣ ознаменуется правосудіе, соединенное съ кротостію и человѣколюбіемъ; ябедникамъ, со всѣми ихъ хитрыми оборотами, твердая положена преграда и всѣмъ дана крѣпкая надежда на безпристрастное и скорое судопроизводство. Постыдились бы предстать сюда славнѣйшіе законодатели древности, узнавъ здѣсь силу,

важность и дѣйствіе одного суда совѣстнаго, дающаго справедливое рѣшеніе въ дѣлахъ о истинѣ, сомнѣнію подлежащихъ, по внутреннему только совѣсти признанію. Но чего еще не довольно для нашего благоденствія! Государыня представляетъ судей *собственному нашему избранію*, *изъ насъ же самихъ*, открывая чрезъ то пространное намъ поле къ оказанію отечеству отмѣнныхъ услугъ. За все сіе остается намъ совокупить благодарныя сердца и души наши воедино и молить Всевышняго: да благословитъ онъ начинаніе наше и продолжитъ дражайшую для насъ жизнь виновницы нашего благоденствія, и затѣмъ, съ помощію Его, приступимъ къ безпристрастному выбору судей, кои бы, предъ лицомъ всѣхъ, оправдали наше избраніе.»

Въ это время въ Успенскомъ соборѣ и во всѣхъ церквахъ раздавался благовѣстъ; по окончаніи рѣчи, все собраніе отправилось въ соборъ церемоніальнымъ порядкомъ, воинскія команды отдали ему честь ружьемъ и барабаннымъ боемъ. Литургію отправлялъ преосвященный Платонъ Левшинъ съ синодальными членами. По окончаніи ея, губернскій прокуроръ прочелъ манифестъ отъ 7-го ноября 1775 г. и указъ объ открытіи Московской губерніи, потомъ архіепископъ Платонъ произнесъ слово, и наконецъ имъ же отправленъ былъ, съ четырьмя архіереями и шестью архимандритами, благодарственный съ колѣнопреклоненіемъ молебенъ. При возглашеніи многолѣтія, произведена была пальба изъ 101 пушки, а на Воскресенской башнѣ играли на трубахъ и на віолахъ. Послѣ всего этого, опредѣленные въ губернію чины и дворянство приведены были къ присягѣ: первые на свои должности, а дворянство на выборы предводителей и судей.

Изъ собора графъ пригласилъ преосвященнаго Платона слѣдовать въ устроенный для губернскихъ присутственныхъ мѣстъ домъ; при входѣ въ губернское правленіе, почетное собраніе встрѣчено тамъ было опредѣленными отъ сената совѣтниками, прокуроромъ и стряпчими. Архипастырь освятилъ тамъ воду, окропилъ ею всѣ комнаты, и, произнеся рѣчь, (*) поздравилъ главнокомандующаго и всѣхъ

(*) Мѣсто сіе, сказалъ Платонъ, имѣетъ быть святилищемъ, въ ко-

губернскихъ членовъ съ этимъ торжествомъ, послѣ чего онъ отбылъ изъ собранія. Графъ вручилъ книгу учрежденій губернатору Архарову, заповѣдуя всѣмъ имѣть бдительное наблюденіе о томъ, чтобы все исполнялось согласно учрежденіямъ, потомъ онъ открылъ засѣданіе и приказалъ прочесть главу о должности губернскаго правленія и подписалъ протоколъ объ открытіи этого присутственнаго мѣста; это событіе ознаменовано было 51 выстрѣломъ изъ пушекъ, и въ то же время на всѣхъ главныхъ московскихъ площадяхъ обнародовано было объ открытіи губернскаго правленія при играніи на трубахъ.

При совершеніи всего того многіе почетные духовные и свѣтскіе сановники приглашены были къ главнокомандующему на обѣденный столъ; (*) послѣ сего дворяне опять отправились въ губернское правленіе и подписали тамъ присяжный листъ, а затѣмъ генералъ-адъютантъ Тургеневъ отправленъ былъ съ донесеніемъ Государынѣ и съ рапортомъ правительственному сенату объ открытіи въ Москвѣ губернскаго правленія (**).

Весь этотъ день, при всѣхъ церквахъ происходилъ колокольный звонъ, а вечеромъ присутственныя мѣста и городъ были иллюмино-

---

емъ Самъ Богъ всегда присутствовать благоволитъ. *Богъ ста на сонмъ боговъ* (пс. 81), прямо гласитъ о судіяхъ, что Богъ Самъ, такъ сказать, между ними засѣдаетъ, и своего божественнаго наименованія ихъ удостоиваетъ.

(*) Уѣздные дворяне, поочередно, по уѣздамъ, были приглашаемы къ графу на обѣдъ въ назначенные для того дни.

(**) Государыня чрезъ нѣсколько дней прислала слѣдующій рескриптъ графу Захару Григорьевичу. «Съ особеннымъ удовольствіемъ получила я увѣдомленіе ваше объ открытіи Московской губерніи и свидѣтельство о признаніи, съ каковымъ дворянство тамошнее и прочее общество приняли Мои учрежденія. Я препоручаю вамъ объявить имъ Мое благоволеніе и желаніе, чтобы вскорѣ на дѣлѣ самомъ ощутили они всю пользу, изъ сего новаго правленія ожидаемую. Въ событіи сего они тѣмъ болѣе надежны быть могутъ, когда опредѣляемые къ должностямъ и изъ среды ихъ избираемые будутъ послѣдовать примѣрамъ отличнаго усердія, ревности и прилежанія главнаго ихъ начальника, опытами долголѣтней службы доказанныхъ. Пребываю къ вамъ доброжелательная Екатерина. Октября 15-го 1782 года».

ваны разноцвѣтными огнями, народъ до полуночи толпился въ Кремлѣ, въ Китаѣ-городѣ, противъ присутственныхъ мѣстъ и на всѣхъ большихъ площадяхъ.

6-го числа поутру губернскіе члены и дворянство собрались въ Грановитую палату для слушанія чтенія всѣхъ частей учрежденій; повѣренные отъ купечества и мѣщанства собрались въ покои магистрата, а оттуда отправились съ предсѣдателемъ гражданской палаты кн. Амилахоровымъ въ Казанскій соборъ, гдѣ приняли присягу на выборы. Затѣмъ слѣдовало избраніе городскихъ головъ, засѣдателей и проч. Повѣренные, присланные отъ поселянъ, собрались въ покояхъ верхней расправы и оттуда, съ предсѣдателемъ ея, Галатьяновымъ, прибыли къ Троицѣ, что на Рву, (Покровскій соборъ, церковь Василія Блаженнаго), гдѣ также приведены были къ присягѣ на выборы (*).

7-го числа, также утромъ, дворянство имѣло собраніе въ Кремлевскомъ дворцѣ, раздѣлясь поуѣздно въ разныхъ покояхъ, назначенныхъ для каждаго уѣзда. Тамъ на столѣ, покрытомъ краснымъ тасукномъ, лежала книга *учрежденій* и стояли двѣ серебряныя тарелки съ шариками для баллотированія. Вотъ *первоизбранные* уѣздные предводители московской губерніи:

Московскаго уѣзда генералъ-аншефъ, гр. Петръ Борисовичъ Шереметевъ, *Воскресенскаго*—тайный совѣтникъ, гр. Иванъ Илларіоновичъ Воронцовъ, *Богородскаго*—генералъ-поручикъ Сергѣй Алексѣевичъ Всеволожскій, *Бронницкаго*—генералъ-поручикъ Ник. Ив. Рославлевъ, *Коломенскаго*—гвардіи ротмистръ Як. Татищевъ, *Серпуховскаго*- надворный совѣтникъ П. Нащокинъ, *Никитскаго*—тайный совѣтникъ, гр. Дмит. Мих. Матюшкинъ, *Подольскаго* — камергеръ Ал. Сем. Васильчиковъ, *Звенигородскаго*—генералъ-майоръ Ал. Ник. Сухотинъ, *Рузскаго* — майоръ кн. Ив. Кольцовъ-Мосальскій, *Можайскаго*—ротмистръ Ник. Савеловъ, *Волоколамскаго*—гвардіи подпоручикъ Ив. Стрѣшневъ, *Клинскаго* — майоръ Плат. Орловъ, *Дмитровскаго*—генералъ-майоръ кн. Голицынъ, *Верейскаго*—гвардіи секундъ-майоръ Гурьевъ. При этомъ замѣтимъ, что въ то время

(*) Въ то время эта церковь была еще окружена глубокимъ рвомъ.

генеральскіе чины были крайне рѣдки, можетъ быть, во сто разъ рѣже, чѣмъ теперь. Такими-то выборами положено начало почету, которымъ до сихъ поръ пользуется предводительская должность.

8-го числа главнокомандующій пригласилъ дворянъ въ Грановитую палату и предложилъ имъ выбрать *губернскаго предводителя*. Всѣ уѣздные предводители единогласно избрали въ эту должность гр. П. Б. Шереметева, а въ Московскій уѣздъ, вмѣсто него, избранъ предводителемъ камергеръ Ал. Васил. Нарышкинъ. Главнокомандующій поздравилъ дворянъ съ новою должностью, а графа Шереметева съ тѣмъ, что онъ пріобрѣлъ такую лестную довѣренность отъ дворянъ, и утвердилъ выборъ.

9-го числа вечеромъ, былъ балъ у главнокомандующаго, на которомъ находилось до 500 дворянъ. Въ этотъ день дворяне избрали въ Кремлевскомъ дворцѣ уѣздныхъ судей, засѣдателей и проч. Московское купечество и мѣщанство кончили свои выборы 10-го числа; *первый* Градскій Голова въ Москвѣ былъ купецъ *Демидъ Мѣщаниновъ*. Въ тотъ же день кончены были выборы отъ поселянъ въ засѣдатели нижней и верхней расправы. 10-го же числа предводители съ дворянствомъ опять собрались въ Кремлевскомъ дворцѣ, гдѣ были читаны, для каждаго уѣзда порознь, статьи новыхъ учрежденій о должности судей, послѣ чего каждый предводитель напомнилъ имъ о важности присяги и о справедливомъ рѣшеніи дѣлъ. Графъ Захарій Григорьевичъ находился лично при всѣхъ выборахъ; онъ переходилъ изъ одной комнаты въ другую, въ которыхъ происходили выборы.

11-го числа дворяне собрались въ Грановитой палатѣ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, графа Шереметева, и выбрали баллотированіемъ кандидатовъ въ засѣдатели въ совѣстный судъ и въ верхній земскій, чѣмъ всѣ выборы были кончены. На слѣдующій день новоизбранные были приведены къ присягѣ и утверждены въ своихъ должностяхъ. Затѣмъ приступлено было уже къ фактическому открытію присутственныхъ мѣстъ; это совершилось также торжественно и церемоніально: въ Кремлѣ и въ Китаѣ-городѣ опять разставлены были войска; благовѣстъ, раздавшійся съ коло-

кольни Ивана Великаго, собралъ всѣхъ избранныхъ и избирателей въ Успенскій соборъ; по совершеніи тамъ литургіи, преосвященный Платонъ архипастырски поучалъ, какъ должны быть осторожны и бдительны судіи въ своей важной, священной должности, какъ они должны быть правдивы и *безсребренны*; потомъ, со всѣмъ своимъ духовнымъ сонмомъ, взошедъ на амвонъ, приносилъ, *аки едиными* всего собранія *усты*, благодарственное моленіе.

По окончаніи всего этого, подъ предводительствомъ графа Захарія Григорьевича, все собраніе въ полныхъ мундирахъ и во всѣхъ своихъ регаліяхъ, двинулось изъ Успенскаго собора чрезъ Кремль въ Спасскія ворота. Въ это время опять раздался торжественный колокольный звонъ, звуки трубъ и барабанный бой; войска шпалерами протягивались по Красной площади, чрезъ которую шла процессія, направляясь къ присутственнымъ мѣстамъ. Когда процессія стала подвигаться къ губернскому дому, съ Воскресенской башни встрѣтилъ ее хоръ музыки городоваго магистрата. Здѣсь чины разошлись по своимъ присутственнымъ мѣстамъ, а графъ вошелъ въ палату уголовнаго суда, куда прибылъ и преосвященный Платонъ. Окропивъ святою водой залы уголовной и прочихъ палатъ и судовъ, онъ вошелъ въ губернское правленіе, произнесъ губернскимъ чинамъ поученіе и затѣмъ оставилъ ихъ. Графъ Захарій Григорьевичъ учрежденнымъ порядкомъ открылъ засѣданіе во всѣхъ палатахъ и судахъ, что ознаменовано было 51 выстрѣломъ изъ пушекъ, стоявшихъ на Красной площади. Въ это же время архимандритъ Заиконоспасскаго монастыря, Павелъ, окропилъ святою водой залы магистрата и прочія, гдѣ открылъ засѣданіе гражданскій губернаторъ; залы судовъ надворнаго, сиротскаго и нижней расправы и пр. окроплялъ святою водой архимандритъ Златоустовскаго монастыря Варлаамъ; засѣданіе же открылъ вице-губернаторъ Ник. Лавр. Цуриковъ. Обо всемъ этомъ опять объявлено было на главныхъ площадяхъ, чрезъ полицейскихъ офицеровъ, при играніи на трубахъ. Вечеромъ присутственныя мѣста и весь городъ были иллюминованы. Въ университетской книжной лавкѣ, (*) тотчасъ по учрежденіи губерніи, появилось отъ гу-

(*) У Никольскаго моста, въ домѣ Новикова; тамъ же была и под-

бернскаго правленія объявленіе о томъ, *гдѣ каждый, ищущій себѣ законнаго удовлетворенія, можетъ удобно сыскать начальное прибѣжище, сообразно точной силѣ и разуму высочайшихъ учрежденій, въ установленныхъ въ Московской губерніи мѣстахъ.*

13-го октября главнокомандующій, присутствуя въ губернскомъ правленіи, получилъ отъ всѣхъ судебныхъ мѣстъ единогласное представленіе объ опредѣленіи въ судьи совѣстнаго суда тайнаго совѣтника Мих. Мих. Салтыкова, который въ тотъ же день и открылъ тамъ засѣданіе. Того же утра губернаторъ, съ подобающею церемоніей, открылъ приказъ общественнаго призрѣнія. Преосвященный Платонъ и при этомъ случаѣ произнесъ трогательное слово представшимъ въ приказѣ убогимъ и изъ инвалиднаго дома офицерамъ, долженствовавшимъ получать отсюда пищу, кровъ и одежду.

Для основнаго капитала приказа общественнаго призрѣнія, Государыня прислала изъ собранныхъ на случай торжества мира съ Турціей, въ 1775 г., оставшуюся сумму 30 тыс. р. и изъ доходовъ коллегіи экономіи около 25 т. р. Кромѣ того находившіяся въ московскомъ магистратѣ двупроцентныя при аукціонѣ деньги, также около 30 т., приказано было отдать въ банкъ, съ тѣмъ, чтобы, по учрежденіи Московской губерніи, доставить всю сумму и съ пріобрѣтенными процентами въ приказъ. Ея примѣру послѣдовали многіе; такъ преосвященный Платонъ пожертвовалъ въ приказъ 3 т. р.; графъ Шереметевъ, кромѣ другихъ вещественныхъ жертвъ, такую же сумму; московское купечество, при рапортѣ головы своего, Мѣщанинова, прислало приказу 10 тыс., статскій совѣтникъ Никита Прокофьевичъ Демидовъ 3 т. р. Сюда вносились и лепты небогатыхъ людей.

Дворянство было воодушевлено восторженною преданностью къ Монархинѣ, которая умѣла поднимать въ русскомъ народѣ духъ, совершавшій чудеса. Подъ предсѣдательствомъ графа Шереметева, оно единогласно рѣшило въ своемъ собраніи принесть отъ всего обще-

---

писка на *Московскія Вѣдомости* по 6 р., а съ пересылкою по 8 р. въ годъ.

ства всеподданнѣйшее благодареніе императрицѣ, за дарованіе Московской губерніи высочайшихъ учрежденій. Для этого выбраны были депутаты изъ уѣздныхъ предводителей и дворянства, которые должны были вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ отправиться въ С.-Петербургъ, ко двору. Послѣ того графъ Захаръ Григорьевичъ объявилъ дворянству, что такъ какъ всѣ выборы кончены, то они могутъ возвратиться въ свои дома, т. е. въ свои уѣздные города и ожидать тамъ открытія присутственныхъ мѣстъ; (*) по этому случаю командированы были въ города: Бронницы, Коломну и Богородскъ, предсѣдатель уголовной палаты фонъ-Визинъ; предсѣдатель гражданской палаты князь Амилахоровъ въ Никитскъ, Серпуховъ и Подольскъ; предсѣдатель верхняго земскаго суда 1-го департамента Кошелевъ въ Клинъ, Дмитровъ и Сергіевскій посадъ; того же суда 2-го департамента предсѣдатель Молчановъ въ Воскресенскъ и Волоколамскъ; предсѣдатель верхняго надворнаго суда 1-го департамента Ермоловъ, въ Звенигородъ; того же суда 2-го департамента предсѣдатель Литвиновъ въ Можайскъ и Верею. 13-го же числа отправленъ былъ курьеръ къ Государынѣ и къ правительствующему сенату съ донесеніемъ и рапортомъ обо всѣхъ этихъ событіяхъ. При этомъ главнокомандующій испрашивалъ у императрицы дозволеніе о представленіи къ ней депутатовъ отъ всего московскаго дворянства; чрезъ 8 дней полученъ былъ слѣдующій рескриптъ:

«Графъ Захаръ Григорьевичъ! Донесеніе ваше о выборѣ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянскихъ я получила. Препоручаю вамъ повторить благородному обществу тамошнему, что признательность ихъ мнѣ не инако, какъ пріятна быть можетъ. Слѣдовательно и назначаемыя имъ депутаціи съ особеннымъ благоволеніемъ пріемлю. Пребываю, впрочемъ, вамъ доброжелательная

«Екатерина».

С.-Петербургъ 1782 г. октября 21.

(*) Въ это время всѣ прежде бывшія присутственныя мѣста были упразднены, выключая тѣхъ, въ которыхъ находилось много нерѣшенныхъ дѣлъ, изъ нихъ нѣкоторыя оставлены на годъ и на болѣе продолжительное время; многія дѣла сданы въ архивъ (учрежденный 1782 г.). Въ уѣздныхъ городахъ Московской губерніи еще были упразднены воеводскія канцеляріи.

Только что кончились описанныя торжества, наступило 14-е октября—день рожденія супруги цесаревича, Маріи Ѳеодоровны. Главнокомандующій со всѣми губернскими чинами, предводителями и дворянствомъ слушали литургію въ Успенскомъ соборѣ, за которою слѣдовало молебствіе съ пушечною пальбой. Графъ Захаръ Григорьевичъ далъ для почетныхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ обѣденный столъ, а вечеромъ въ театральной залѣ данъ былъ большой маскарадъ для дворянства и купечества, на которомъ находилось до 5000 масокъ Предъ домомъ главнокомандующаго (*) устроена была огромная иллюминація, представлявшая большой пылающій огнями обелискъ, сооруженный добродѣтелями, въ безсмертную славу Великой Екатерины; по обѣимъ сторонамъ этого обелиска устроены были два входа *въ храмъ блаженства народовъ*; все зданіе украшалось разными аллегорическими изображеніями и гербами новоучрежденныхъ городовъ Московской губерніи.

Общественныя и офиціальныя торжества кончились; начались частные балы и праздники, между которыми особенно замѣчателенъ былъ обѣденный столъ, данный графомъ Шереметевымъ 16-го октября всему дворянству въ засвидѣтельствованіе признательности своей, за довѣренность, оказанную ему отъ всей Московской губерніи. Столъ накрытъ былъ на 107 кувертовъ. Въ числѣ почетныхъ гостей его находился архіепископъ Платонъ и главнокомандующій; во время стола играла инструментальная и вокальная музыка и раздавался хоръ пѣвчихъ:

Ея щедротъ мы не забудемъ
Которыя излиты намъ:
Ее мы славить вѣчно будемъ,
Взнося гласъ громкій къ небесамъ.

Петровскій театръ давалъ спектакли въ пользу приказа. Играли піэсы: комедію *О время!* (соч. Екатерины), трагедію *Идолопоклонники*, оперу *Говорящія картины или притворная смерть*

(*) Домъ, занимаемый нынѣ генералъ-губернаторомъ, принадлежалъ тогда графу Захару Григорьевичу; въ немъ онъ и жилъ, и только по смерти его, въ 1785 г. онъ поступилъ въ казну.

арлекина, комедію *Судейскія именины*, оперу *Добрые солдаты*. Недавно пріѣхавшій въ то время въ Москву балетмейстеръ Морель сочинилъ два балета: *Притворная злость любви* и *Торжество пріятностей нѣжнаго пола*, въ которыхъ танцовали онъ самъ съ женою и Саломони, лучшіе танцоры тогдашняго времени. Кромѣ того, для потѣхи московской публики, «искусный веревочный танцовщикъ» Стенакута, выдѣлывалъ въ театрѣ «новыя невиданныя и удивительныя штуки» (какъ писали тогда въ газетахъ). Еще показывала себя дѣвица Швебернъ, двадцати трехъ лѣтъ, имѣвшая росту 2 фута и 6 дюймовъ; о ней писали, что она «обходительна и умна, говоритъ на разныхъ языкахъ, всѣ члены тѣла ея соразмѣрны». По четвергамъ были въ Благородномъ клубѣ музыкальные вечера, подъ управленіемъ придворнаго капельмейстера, Ив. Гандошкина (*). Сверхъ всего того для любителей, по подпискѣ, шли италіянскія оперы, а для любознательныхъ людей, механикъ Роспини, по вторникамъ и пятницамъ, читалъ лекціи физики и механики и проходилъ курсъ электрическихъ экспериментовъ (тоже по объявленію газетъ).

Послѣднія осеннія торжества заключились: выздоровленіемъ Государыни отъ оспы (**) и днемъ ея тезоименитства (24-го ноября). (***) Этотъ день и университетъ праздновалъ публичнымъ собраніемъ; по пригласительной программѣ съѣхались туда многія знатныя особы и кураторы университета. Собраніе открылъ ординарный профессоръ словесныхъ наукъ, Маттеи, латинскою рѣчью: *О новыхъ монаршихъ благодѣяніяхъ вообще и въ особенности оказанныхъ Императорскому московскому университету*. За нимъ ординарный профессоръ правъ Баузе и лекторъ нѣмецкаго языка, Геймъ, имѣли свои вступительныя рѣчи одинъ на латинскомъ языкѣ: *О*

(*) Лѣтомъ этого года открытъ былъ воксалъ близъ Андроніева монастыря, два раза въ недѣлю: по средамъ и воскресеньямъ; тамъ также былъ театръ.

(**) Этотъ день выздоровленія ея былъ тогда въ числѣ табельныхъ.

(***) Къ этому дню возвратился въ Петербургъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ съ супругою, путешествовавшій въ чужихъ краяхъ, подъ именемъ *Сѣвернаго графа*.

способъ учиться и учить наукѣ правъ, другой на нѣмецкомъ: *О причинахъ величіи, каковой достигли древніе Греки въ знатнѣйшихъ художествахъ.* По окончаніи этихъ рѣчей, студентъ Окуловъ читалъ на французскомъ языкѣ свое разсужденіе. *О свойствѣ и силѣ воздуха.* Послѣ того гимназисты: Шуваловъ, Пушкинъ и Ростъ говорили приличныя этому торжеству рѣчи на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и на италіянскомъ. Напослѣдокъ ординарный профессоръ исторіи и нравоученія, Чеботаревъ, изобразилъ «возвышеніе, благосостояніе и славу Россіи, каковой она достигла въ царствованіе императрицы Екатерины II». Въ заключеніе всего, инспекторъ университетскихъ гимназій и конференцъ секретарь, именемъ всего корпуса профессоровъ, представилъ кураторамъ университета удостоенныхъ къ производству въ студенты, и имъ роздали шпаги, а отличившимся гимназистамъ разныя книги.

10-го декабря представлялись Государынѣ избранные отъ московскаго дворянства депутаты, для принесенія ей всеподданнѣйшей благодарности своей, за введеніе новыхъ учрежденій о управленіи губерній; во главѣ ихъ былъ графъ П. Б. Шереметевъ; съ нимъ находились семь уѣздныхъ предводителей и нѣсколько дворянъ Московской губерніи, въ числѣ ихъ и сынъ Шереметева, Николай Петровичъ. Губернскій предводитель произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Всемилостивѣйшая государыня! Удостоясь предстать предъ ваше императорское величество, купно съ избранными отъ благороднаго дворянства первопрестольнаго града Москвы и всей губерніи, приношу вашему императорскому величеству всеусерднѣйшую и подданническую всѣхъ ихъ и мою съ ними всенижайшую благодарность, за столь великія милости и попеченія о благѣ вѣрноподданныхъ вашему императорскому величеству учрежденіями вновь премудрыхъ и полезнѣйшихъ узаконеній, которыми установлено и утверждено всѣмъ намъ благоденствіе, чѣмъ и потомки наши навсегда пользоваться имѣютъ. По благополучномъ совершеніи и утвержденіи столь мудрыхъ вашего императорскаго величества учрежденій, чувствую себя недостаточнымъ изъяснить подробно всѣ дѣйствія оказанной намъ Монаршей милости и нашей благодарности, коею сердца наши пре-

исполнены. Ты царствуешь, великая самодержица, надъ сердцами вѣрноподданныхъ твоихъ; всѣ твои повелѣнія свято и тщательно исполняются. За верхъ благополучія почту, ежели довѣренность, на меня возложенная, принести вашему императорскому величеству всеподданнѣйшее благодареніе отъ всего московскаго благороднаго общества, удостоится вашего Монаршаго благоволенія».

Государыня милостиво отблагодарила всѣхъ за это привѣтствіе и пригласила депутацію отпраздновать вмѣстѣ съ нею день рожденія ея любимаго внука, великаго князя Александра Павловича, (12-го декабря). Торжество было пышное, роскошное, великолѣпное и осмысленное, какъ и всѣ торжества временъ Екатерины, воспѣтыя въ разныхъ гимнахъ и одахъ, прославленныя прозой и стихами (*).

(*) Источниками для этой статьи мнѣ были: *Моск. Вѣд.* 1782 г., отчасти *Матеріялы для статистики Москвы*, разныя біографіи Екатерины II. *Историческое и топографическое описаніе городовъ Московской губерніи* 1787 г. *Описаніе Москвы* Рубана 1775 г. и проч.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
О НОВОМЪ ГОДѢ У ДРЕВНИХЪ НАРОДОВЪ.

Неоспоримо то, что первоначальное раздѣленіе времени основано на астрономическихъ наблюденіяхъ, напр. на фазахъ (измѣненіяхъ) луны. Плутархъ, въ жизнеописаніи Римскаго царя, нумы Помпилія, говоритъ, что Аркадяне дѣлили свой годъ на три мѣсяца, а Карняне на 6; у Аѳинянъ ввелъ годъ Солонъ, и они начали свое новогодіе съ новолунія (неоменія), слѣдующаго за лѣтнимъ солнцестояніемъ; Спартанцы же и всѣ Дорійскія племена начинали свой годъ ближе къ осеннему равноденствію. Египетскій годъ считался съ сентября; Евреи же начинали его съ весны, потому что міръ, въ первый день созданія, представлялъ весну во всей ея роскоши. Вѣроятно, Греки переняли годовое раздѣленіе у Египетскихъ переселенцевъ, а Евреи, во время плѣненія Вавилонскаго, у Вавилонянъ. Извѣстно, что Греки считали свои года по *Олимпіадамъ* (празднества, совершавшіяся въ честь Юпитера Олимпійскаго, черезъ 4 года), а Римляне *Люстрами* (пятилѣтія, чрезъ которыя происходила у нихъ ревизія). Кромѣ того, можно бы еще кое-что сказать о раздѣленіи мѣсяцевъ на недѣли, дни и часы, о названіи дней, о занятіяхъ, назначавшихся для каждой части дня въ древнія времена, и о пр.; но это отвлекло бы насъ отъ главнаго предмета этой статьи.

Обратимся къ Римлянамъ, хотя они многое переняли у Грековъ; но раздѣленіе времени приведено было у нихъ въ лучшую, правильнѣйшую систему, также и преданія о всѣхъ обрядахъ ихъ подробнѣе, ближе къ нашему времени и потому свѣжѣе.

Ромулъ раздѣлилъ гражданскій годъ на 10 мѣсяцевъ и 304 дня, и началъ его съ марта; Нума Помпилій къ 10 мѣсяцамъ прибавилъ еще 2 (январь и февраль), и составилъ изъ него 355 дней; наконецъ Юлій Цесарь исправилъ календарь (*) и составилъ годъ (простой) изъ 365 дней и 6 часовъ. Этотъ годъ и теперь употребляютъ у насъ въ Россіи, а Грегоріанскій календарь, составленный Папою Григоріемъ XIII, употребляется въ западной Европѣ и называется *новымъ календаремъ*, по которому годъ начинается 12 днями прежде нашего.

Ромулъ назвалъ 1-й мѣсяцъ года *мартомъ*, въ честь *Марса*, бога войны, котораго онъ почиталъ отцомъ своимъ. Войно-любивые Римляне особенно уважали этого бога, такъ какъ и Лакедемоняне, которые во время войны привязывали статую Марса къ пьедесталу ея, изъ опасенія, чтобъ этотъ богъ не покинулъ ихъ. У Грековъ 1-й мѣсяцъ года назывался *Экатомвсенъ* (по жертвоприношенію ста быковъ, на ста жертвенникахъ и отъ ста жрецовъ), у Евреевъ *Пизанъ* (**), у древнихъ Персовъ *Афрординъ*, у Скандинавовъ *Юловъ*, у Южныхъ Славянъ *Сухій*, у Малороссіянъ *Березозоль*, у Поляковъ *Марзецъ*, у Французовъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, *Вандемьеръ*.

Овидій замѣчаетъ, что Итальянскіе народы имѣли этотъ мѣсяцъ прежде Римлянъ и ставили его безъ разбора 3-мъ, 4, 5 и даже 10. Въ Греціи, въ честь марта, совершались многія празднества, напр. *Діонисіевы* или *оргіи*, у Римлянъ *вакханаліи* или *врумаліи*, которыя праздновались и въ другіе мѣсяцы. Въ Римѣ, въ 1-й день

(*) Отъ слова *Календы*, имя, которымъ Римляне означали первый день каждаго мѣсяца, и который происходитъ отъ Греческаго слова kahew *зову, созываю*. Жрецы, увидавъ новую луну, созывали народъ въ Капитолій (крѣпость въ Римѣ, на Сатурновой горѣ), и объявляли ему о счисленіи мѣсячныхъ дней. Подъ именемъ *Календаря* была еще извѣстна у Римлянъ книга, въ которой записывали имена должниковъ и рабовъ, для полученія капитальной суммы и оброка. Изобрѣтеніе календаря приписываютъ Ромулу.

(**) Въ срединѣ этого мѣсяца у Евреевъ установленъ былъ праздникъ Пасхи, во время котораго они вкушали пасхальнаго агнца и приносили въ жертву снопъ, какъ первые плоды жатвы, ячменя.

марта, вступали разные чины въ отправленіе своихъ должностей; тогда же возжигался новый огонь Весты, солнечными лучами, чрезъ зажигательныя металлическія зеркала; храмы убирали и украшали лаврами, цвѣтами и новыми вещами. Этотъ мѣсяцъ хотя и названъ въ честь Марса, но посвященъ былъ Минервѣ, богинѣ войны, художествъ и премудрости (*). Въ Египтѣ совершались въ мартѣ торжества въ честь вступленія Озириса въ кругъ луны, т. е. вступленіе солнца въ знакъ Овна, и потому марту приданъ знакъ этого животнаго, на которомъ будто бы Фриксъ и Гелла удалились отъ своей мачихи. Сабинцы торжествовали праздникъ луны также во время весенняго равноденствія.

Въ день новолѣтія Римскіе жрецы прежде всего отправлялись церемоніально въ храмъ Юпитера и вколачивали тамъ новый мѣдный гвоздь, знакъ прибавленія еще новаго года, (отсюда и слово *Эра*— значитъ мѣдь). Когда еще не были изобрѣтены цифры, тогда вели счисленіе узелками, завязываемыми на веревкахъ. Эту должность исправляли послѣ консулы и сами диктаторы, потомъ *Саліи*. 12 жрецовъ Марса, учрежденные римскимъ царемъ Нумою Помпиліемъ, съ размалеванными лицами, въ пестротканныхъ плащахъ, съ мѣдными дощечками на груди, брали, хранившіеся въ Палатинѣ 12 щитовъ (**), съ изображеніемъ Марса, называвшихся *Анцилами*, и, сопровождаемые народною толпою, носили ихъ около Рима съ пѣніемъ и плясками (потому эти жрецы и названы *Саліями* — отъ Латинскаго слова salio, скачу, пляшу). Этотъ обрядъ продолжался нѣсколько дней. По улицамъ и даже по апельсиновымъ и лавровымъ рощамъ, назначеннымъ для народнаго гулянья, разставлялись столы, а на нихъ красовались подносы изъ лимоннаго дерева съ разнымъ кушаньемъ и напитками, состоявшими большею частію изъ фалернскаго вина. Во время пиршества произносились обычныя взаимныя поздравленія.

Въ началѣ новаго года, приносили жертву Аннѣ Переннѣ (богинѣ

(*) У Грековъ называлась она Палладой, Аѳинеей и Тритоніей.

(**) Нума Помпилій объявилъ, что эти щиты посланы ему были съ неба и почитались залогомъ благополучія государства.

новаго года, которая будто бы принесла пищу народу, удалившемуся на Авентинскую гору, за что и была включена въ число богинь); тогда женщины служили при столѣ рабынямъ своимъ. Въ Календахъ марта совершалось еще празднество, извѣстное подъ именемъ *матроналій* (матрона—почетная женщина, госпожа): это былъ самый торжественный женскій праздникъ. Овидій полагаетъ нѣсколько причинъ учрежденія этого торжества: 1) воспоминаніе о Сабинкахъ, которыя примирили Римлянъ съ своими соотечественниками; 2) желаніе получить отъ Марса то счастіе, которымъ пользовались Ромулъ и Ремъ: 3) по случаю посвященія храма Юнонѣ (жена и сестра Юпитера, которой приписывали власть надъ родильницами); 4) потому что Марсъ былъ сынъ богини, присутствовавшей при свадьбахъ. Этотъ праздникъ совершался великолѣпно и роскошно, особенно со стороны женщинъ, и потому, кстати, скажемъ нѣсколько словъ объ ихъ нарядахъ.

Древнія женщины, даже и патриціанки (дворянки), сначала одѣвались просто, рѣдко выходили изъ дома, и то съ покрывалами на лицѣ; въ послѣдствіи времени онѣ стали употреблять, особенно при торжественныхъ выѣздахъ и выходахъ, большую пышность, роскошь и косметическія принадлежности: хитрыя индѣйскія ткани, прозрачныя іудейскія матеріи, изъ которыхъ дѣлались *палліи*, покрывала или родъ епанчи, граціозно накидывавшіяся поверхъ *столы*, безъ застежекъ, (*стола*—длинное верхнее одѣяніе съ широкими рукавами и золотою каймою); *синтезы*—одежда, червленнаго цвѣта, употреблявшаяся при пиршествахъ; *тюники* — нижнее одѣяніе; *мантисты*—плащики, зашпиленные на лѣвомъ плечѣ рубинами; красивыя разноформенныя, унизанныя алмазами, повязки и наколки на головѣ, (означавшія достоинство патриціанокъ); легкія пуховыя сандаліи, кокетливыя шапочки; поясы изъ золотыхъ змѣекъ; пышныя наколки; ряды косъ и косичекъ; цѣлые каскады волосъ (своихъ и накладныхъ), перевитыхъ жемчужными нитями, а сзади подобранныхъ въ серебряныя сѣтки (тогда было обыкновеніе часто перемѣнять цвѣта париковъ); массивныя металлическія занястья; по три и по четыре серьги, въ видѣ птичекъ или какихъ нибудь насѣко-

мыхъ, впивавшихся въ уши; символическіе перстни съ печатками и проч. и проч. Одежда богатыхъ дѣлалась или изъ виссона (матерія, окрашенная пурпуровой краской), или изъ золотой ткани, или изъ хлопчатой бумажной, ослѣпительной бѣлизны, или изъ козьей шерсти. Записныя щеголихи не обходились безъ ванны (устроенной люлькой-качалкой) изъ розовой воды, или изъ парнаго ослинаго молока, безъ ароматической пѣнной губной помады, безъ сурмилъ, безъ разныхъ личныхъ мастикъ и пыльныхъ зубныхъ порошковъ (зубы часто красились), безъ масокъ, напитанныхъ освѣжающими спеціями (въ этихъ маскахъ часто и спали), безъ душистыхъ миртовыхъ лепешечекъ для рта, безъ мушекъ, въ видѣ полумѣсяца, безъ металлическихъ и стеклянныхъ зеркалъ, безъ самыхъ розовыхъ румянъ, безъ мази, истребляющей на щекахъ волосы, безъ мягкихъ, паутинныхъ, ножныхъ обертокъ, вмѣсто чулокъ, безъ красивыхъ носилокъ, безъ опахалъ изъ павлиныхъ перьевъ, безъ зонтиковъ на бамбуковыхъ палочкахъ, безъ *строфій* (широкія ленты на груди, вмѣсто корсета) и безъ прочаго, прочаго. Уборная женщины называлась mundus muliebris, т. е. *женскій міръ*. Роскошь Римскихъ женщинъ, особенно съ тѣхъ поръ, когда мужья ихъ разбогатѣли на счетъ побѣжденныхъ народовъ, доходила до такой степени, что наконецъ указомъ сената положены были границы ихъ щегольству.

Такимъ образомъ, въ праздникъ матроналій, разодѣтыя Римскія женщины въ розовыхъ вѣнкахъ шли въ храмъ Юноны и подносили истукану ея цвѣты; по возвращеніи же домой, принимали поздравленія и подарки отъ мужей своихъ. Женатые мужчины, въ этотъ день, ходили въ храмъ Януса и приносили ему обильныя жертвы. Въ заключеніе совершалось пышное пиршество; госпожи наряжали служанокъ въ свои платья, тогда рабы считались равными съ своими господами, какъ во время сатурналій.

Въ 18 день, послѣ новогодія, праздновали Бахусу, и юноши надѣвали мужскую одежду; въ 19 день воздавали честь Минервѣ Quinquartus, (пятидневіе); тогда ученики приносили своимъ учителямъ подарки, называемые Minervalio; въ послѣдній, т. е. въ 5-й день этого праздника, трубы, употреблявшіяся при богослуженіи, освя-

щались принесеніемъ въ жертву ягненка (lustrabantur). *Гиларійскія* празднества, въ честь матери-богини (Юноны), совершались въ 25 день новогодія.

Мѣсяцъ мартъ, какъ и май, почитался несчастнымъ для браковъ.

Въ мартѣ (*) начинали и *комиціи*, т. е. народныя собранія для избранія начальниковъ и для составленія новыхъ законовъ: это происходило въ Римѣ, на Марсовомъ полѣ, или на главномъ рынкѣ (in foro), при большомъ стеченіи народа.

Въ Умбріи (въ Италіи), было обыкновеніе каждый годъ, въ ночь на 1 марта, разводить на полѣ огни, и тогда отроки, съ зажженными факелами изъ сухаго тростника, бѣгали по нивамъ, какъ бы испрашивая урожая. У италіянскихъ народовъ еще было обыкновеніе, въ мартѣ осматривать скотъ, и если онъ находился не въ хорошемъ видѣ, то они давали обѣщаніе принести на слѣдующую весну въ жертву новорожденныхъ животныхъ; въ глубокой древности тамъ приносили, будто бы, по этому случаю въ жертву младенцевъ.

(*) Напоминаемъ, что здѣсь говорится вездѣ о мартѣ, какъ о первомъ мѣсяцѣ года у древнихъ.

СТАРИННЫЙ РУССКІЙ НОВЫЙ ГОДЪ.

(Торжество, обряды и празднества, сопровождавшія его, отъ 1-го до 8 сентября).

Древнѣйшій новый годъ на Руси до великаго князя Василія Димитріевича считался у насъ съ 1-го марта, съ того времени, когда весна начинала вступать въ права свои; но съ XV вѣка (съ собора для уложенія церковной пасхаліи на VIII тысячелѣтіе), *сентябрь*, по-славянски *септемврій*, началъ считаться *первымъ* мѣсяцемъ въ году, что продолжается и донынѣ въ церковной пасхаліи.

Сентябрь слово латинское, значитъ *седьмой* мѣсяцъ въ году, считая по старинному съ марта; въ древности у Славянъ онъ назывался *ревуномъ* (будто бы отъ *рева* вѣтровъ, начинающихъ дуть съ этого времени) (*); Римляне посвятили его Нептуну.

Статуи сентября мѣсяца у древнихъ Римлянъ представляли его нагаго, только на плечахъ его висѣла накидка, развѣваемая по направленію вѣтра; въ лѣвой рукѣ держалъ онъ ящерицу, у ногъ его стояли кадки, приготовленныя для вина. Въ послѣдствіи времени Римляне стали изображать этотъ мѣсяцъ въ видѣ улыбающагося юноши, увѣнчаннаго виноградными кистями, одѣтаго въ платье пурпуроваго цвѣта, державшаго въ одной рукѣ вѣсы, а въ другой рогъ изобилія.

У насъ на Руси, въ древнихъ лѣтописяхъ и въ юридическихъ актахъ, *первое сентября* извѣстно подъ именемъ *Симеона Лѣто-*

(*) Мнѣніе Добровскаго.

продавца (*), когда церковь наша молитъ Бога о благополучномъ *новолѣтіи*; время, съ 1-го сентября по 8-е (т. е. до дня рождества Богородицы) называется *Семенины*, *бабье лѣто*, потому что съ этого времени начинаются *бабьи работы:* онѣ мнутъ, моютъ и треплютъ пеньку, стелютъ ленъ и въ самый Семенъ день затыкаютъ холстъ. До XVIII вѣка, т. е. до того самаго времени, когда, по указу Петра I, новый годъ сталъ начинаться у насъ съ 1-го января, *Семенъ день* былъ днемъ общенія царя съ народомъ и однимъ изъ временныхъ судныхъ сроковъ ставиться на личный судъ предъ царемъ и вносить оброки, пошлины и дани (**). Борисъ Годуновъ въ этотъ день вѣнчался на царство, и въ память этого событія построилъ въ Москвѣ церковь св. Симеона Столпника (***). Въ этотъ же день, 1674 г., царь Алексѣй Михайловичъ на Ивановской площади въ первый разъ объявилъ народу царевича Ѳеодора своимъ наслѣдникомъ.

Прежде нежели взглянемъ, какіе праздники, игрища и обряды сопровождали *Семенины*, посмотримъ на главное религіозное торжество, происходившее въ первый день сентября, въ Москвѣ, въ XVII столѣтіи.

Въ *Потребникѣ мірскомъ*,(****) въ *Древней Вивліоѳикѣ* (*****) и въ нѣкоторыхъ другихъ старинныхъ изданіяхъ описаны обряды встрѣчи новолѣтія въ Москвѣ, когда не только Москвитяне, но жители и другихъ городовъ и мѣстъ собирались въ Кремль посмотрѣть и на торжество, и *на царскія свѣтлыя очи.* Въ послѣдній вечеръ стараго года Москвичи приглашали къ себѣ гостей и проводили съ ними время до пѣтуховъ; этотъ *встрѣчный* вечеръ былъ большею частію семейный, патріархальный: гости-родственники сходились къ

(*) Отъ празднуемаго въ этотъ день церковію нашею преподобнаго Симеона, перваго столпника. Несторъ въ лѣтописяхъ своихъ оставилъ преданіе, что въ Кіевѣ былъ храмъ во имя *Св. Симеона Лѣтопродавца.*

(**) *Русскіе простонародные праздники*, Ив. М Снегирева.

(***) На Вшивой горкѣ.

(****) Изд. въ 1639 г.

(*****) *Чинъ лѣтопровожденія*, ч. VI, 1788 г.

главѣ семейства, къ старшему въ родѣ на посидѣлки и проводили время тихо, скромно и благоговѣйно; въ божницахъ у нихъ теплились лампадки, и ярко горѣли восковыя свѣчи. Ровно въ полночь, среди глубокой тишины, вдругъ раздавался грохотъ заревой-вѣстовой пушки, вслѣдъ за нимъ гудѣлъ колоколъ на Иванѣ-Великомъ, потомъ происходилъ уже повсемѣстный благовѣстъ въ Москвѣ и растворялись городскія ворота, начинались заутрени. Тогда тушили всѣ огни, кромѣ тепла лампаднаго, а съ восхожденіемъ солнца зажигали новый огонь, и, благословясь, отправлялись на богомолье, иные въ церковь Симеона Столпника, другіе въ Кремль.

Царскій выходъ въ этотъ день совершался въ четвертомъ часу дня или въ десятомъ часу утра по нашему счету. (*) Для этого торжества устраивался противъ Краснаго крыльца, посреди соборной площади, большой помостъ, огороженный точеными, ярко расписанными разными красками, рѣшетками, съ досчатымъ поломъ, устланнымъ дорогими цвѣтными турецкими и персидскими коврами. На восточной сторонѣ помоста ставили три налоя съ поволоками, а на одномъ изъ нихъ икону Св. Симеона; предъ налоями горѣли большія свѣчи въ высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ; здѣсь же находился и *столецъ* для освященія воды. Съ противоположной (западной) стороны, устраивались на помостѣ два особыя шатерничьи мѣста, одно, обитое червчатымъ бархатомъ и серебряною объярью для царя, а другое—шелковою персидскою матеріей для патріарха (**).

Патріархъ выходилъ на молебствіе изъ западныхъ воротъ Успенскаго собора, предъ нимъ несли св. иконы, кресты и хоругви, за нимъ шла процессія духовенства въ богатыхъ златотканыхъ ризахъ, клиръ демественниковъ (пѣвчихъ) пѣлъ хвалебныя пѣсни Господу Богу и св. угоднику Симеону, колокола гудѣли торжественно, но

(*) *Домашній бытъ русскихъ царей*, соч. Ив. Забѣлина.

(**) Въ концѣ XVII столѣтія устраивали для царя мѣсто еще великолѣпнѣе, на подобіе трона съ хитрою рѣзьбой и позолотой, имѣвшее видъ пятиглаваго храма; эти главы (въ срединѣ большая, по угламъ малыя) искусно сдѣланы были изъ слюды, наверху ихъ красовались и сверкали вызолоченные двуглавые орлы. Описываемый мною шатеръ-тронъ имѣлъ створчатыя двери, и рамы также съ оконницами изъ слюды. *Домашній бытъ русскихъ царей*, Ив. Забѣлина.

безъ звона, тысячи обнаженныхъ головъ низко, низко наклонялись. Въ то же время изъ дворца, съ благовѣщенской паперти, являлась другая процессія—шествіе царя, возвѣщаемое полнымъ звономъ на Иванѣ-Великомъ во всѣ колокола; за царемъ тянулась блестящая свита его, въ *золотныхъ* кафтанахъ.

Торжественный и оглушительный колокольный звонъ продолжался до тѣхъ поръ, пока царь вступалъ на свое мѣсто, на ступеняхъ котораго окольничьи поддерживали его подъ руки. Сперва царь прикладывался къ Евангелію и къ иконамъ, потомъ патріархъ осѣнялъ его Животворящимъ Крестомъ и благословлялъ рукой. Духовные и свѣтскіе сановники устанавливались, по чину, въ опредѣленныя росписью имъ мѣста, по обѣ стороны царя и патріарха. Соборная площадь вся была занята служилыми людьми, стоявшими на другихъ рундукахъ (помостахъ); здѣсь находились полковники, головы и полуголовы стрѣлецкіе, въ ферезеяхъ, въ бархатныхъ и объяриныхъ цвѣтныхъ кафтанахъ, стольники, стряпчіе и дворяне; отъ нихъ, поодаль, гости, и всѣ въ одинъ человѣкъ, т. е. рядомъ. Съ паперти Архангельскаго собора также хорошо видна была вся церемонія; здѣсь находились чужестранные послы съ своими чиновниками и прочіе иноземцы (*), также прибывшіе въ Москву запорожскіе и донскіе казаки. За рундуками, на площади, стояли стрѣльцы въ строю, съ знаменами, съ барабанами и съ ружьями. Вокругъ всѣхъ этихъ чиновъ, даже на кровляхъ соборовъ и на Ивановской колокольнѣ, на Красномъ крыльцѣ и на всѣхъ лѣстницахъ толпились, спираясь плечо съ плечомъ, всякаго чина и званія люди.

Но вотъ начиналась служба, во время которой высшіе духовные сановники подходили подвое, сперва къ царю, потомъ къ патріарху, и покланялись имъ. При водосвятіи, когда раздавался напѣвъ молитвы *Спаси, Господи, люди Твоя*, всѣ колѣнопреклонялись и усердно молились *о грядущемъ благополучномъ лѣтѣ Господнемъ*. По окончаніи службы, патріархъ, сошедъ съ своего мѣста, опять

(*) Изъ нихъ нѣкоторые описывали это торжество; въ Лейпцигѣ, въ 1698 году, издана была книга *о Встрѣчѣ новолѣтія въ Москвѣ*.

осѣнялъ царя Крестомъ и привѣтствовалъ его рѣчью съ пожеланіемъ ему на всѣ времена, изъ рода въ родъ, со всѣмъ царскимъ семействомъ его, съ боярами, воинствомъ, народомъ и со всѣмъ православнымъ христіанствомъ, быть здраву и благополучну: «даруй, Господи, вамъ, великому государю, говорилъ онъ, свыше побѣду и крѣпость на храбрость и одолѣнія на вся видимыя и невидимыя враги и возвысилъ бы Господь Богъ нашу царскую десницу надъ бесерменствомъ и надъ латинствомъ и надъ всѣми иноплеменными языки, иже бранемъ хотящая».

Царь благодарилъ патріарха короткою рѣчью, послѣ чего государя и патріарха поздравляли съ новымъ годомъ духовные сановники. Государь откланивался имъ, а патріархъ благословлялъ ихъ; послѣ происходило поздравленіе царю отъ бояръ и прочихъ высшихъ чиновъ и властей, которые кланялись *большимъ обычаемъ* (т. е. до земли), государь взаимно поздравлялъ ихъ, наконецъ бояре и весь освященный соборъ поздравляли патріарха, а въ заключеніе, государя громко и восторженно привѣтствовали, многолѣтствуя, народъ и всѣ стрѣлецкіе полки; почти въ одно мгновеніе всѣ били ему челомъ въ землю. Царь привѣтствовалъ народъ милостивымъ и ласковымъ словомъ, бѣднымъ и нищимъ онъ приказывалъ раздать щедрую милостыню. По окончаніи всего, царь, при колокольномъ звонѣ, отправлялся къ литургіи въ Благовѣщенскій соборъ, а патріархъ въ Успенскій.

Въ простонародіи этотъ день сопровождался хороводами до самаго *Аспосова* дня, т. е. до 8-го сентября; съ Семена дня въ деревняхъ, кромѣ хороводовъ, дѣлались и дѣлаются *опашки*, *братчины*, *окладины*, *ссыпчины*; тамъ вскладчину варятъ пиво и приготовляется русское кушанье, для общаго пиршества; это называется *братчины*; *окладинами* называется обрядъ приглашенія домохозяина изъ сосѣдей для закладки новой избы, для чего приглашаютъ и священника. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ существовалъ особенный праздникъ, называемый *Обжинки*. Поселяне выбирали первый и послѣдній снопъ, одѣвали его въ сарафанъ и кокошникъ, называли именинникомъ и относили на барскій дворъ, гдѣ ихъ угощали виномъ и

брагой. Въ нѣкоторыхъ южныхъ мѣстахъ Россіи (*) дѣвушки хоронили мухъ, клоповъ и таракановъ въ морковныхъ, рѣпныхъ, рѣдечныхъ и свекловичныхъ гробахъ. Это былъ странный и смѣшной обрядъ, потому что дѣвушки-невѣсты и молодицы сбирались на эти похороны разодѣтыя въ лучшіе свои наряды и погребали докучливыхъ насѣкомыхъ съ притворнымъ воемъ и плачемъ, между тѣмъ парни-женихи выглядывали тамъ себѣ невѣстъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ же Семенъ день оканчиваютъ заламыванье ульевъ, и къ тому времени туда съѣзжаются прасолы для покупки меда.

Далѣе происходитъ *капустанье.* Разряженныя дѣвушки ходятъ съ пѣснями изъ дома въ домъ рубить капусту, гдѣ ихъ угощаютъ разными заѣдками, *верхосытомъ*; потомъ въ день Ѳеклы Заревницы (24-го сентября) совершается празднество на гумнахъ; молотильщикамъ варятъ кашу, и когда они начинаютъ молотить, то приговариваютъ: «хозяину хлѣба ворошокъ, а молотильщикамъ каши горшокъ». Послѣ работы начинаются пляски, игры и хороводы. Осенью же бываютъ свадьбы и поминки: радость послѣ слезъ и наоборотъ. Осенью также у поселянъ бывалъ праздникъ, называемый *Овцарь* (Овечій праздникъ), въ который пастухи съ пѣснями и игрой на рожкахъ ходили поздравлять зажиточныхъ хозяевъ съ размноженіемъ овецъ; 1-го сентября съ нетерпѣніемъ ожидаютъ охотники (съ борзыми и гончими собаками), когда они могутъ безвозбранно гонять звѣрей по сжатымъ полямъ; въ старину, при первомъ звукѣ рога, охотники собирались въ условленное мѣсто составлять своего рода программу для грядущихъ разъѣздовъ, и этотъ день оканчивался шумнымъ и веселымъ пиршествомъ съ богатырскими попойками.

(*) Особенно въ Серпуховѣ.

ПРЕДАНІЕ О СВЯТКАХЪ; ЯЗЫЧЕСКІЯ ПРАЗДНЕСТВА; ПРОИСХОЖДЕНІЕ И УПОТРЕБЛЕНІЕ МАСОКЪ, КОЛЯДОВАНЬЕ; ВСТРѢЧА НОВАГО СТОЛѢТІЯ (1700 г.) ВЪ МОСКВѢ. РУССКІЯ СВЯТКИ СЪ СВОИМИ ЗАБАВАМИ И УВЕСЕЛЕНІЯМИ.

Святки! о, какое это было магическое слово для нашихъ бабушекъ и дѣдушекъ! Въ это время наставало для нихъ полное раздолье. Посидѣлки, подблюдныя пѣсни, то протяжныя, надрывающія грудь, то веселыя, ласкающія душу, таинственныя гаданья, затѣйливыя игры—все это такъ пріятно разнообразило двѣнадцать святочныхъ дней, которые проходили невидимкой. Въ наше время развѣ гдѣ-нибудь въ простонародьи или въ захолустьяхъ города слышится еще слабый отголосокъ этого стариннаго быта....

Tempora mutantur et nos mutamur in illis.

А старина святочныхъ игръ глубокая. Не стану говорить, что у Египтянъ Новый годъ, жрецы, замаскировавшись, ходили по улицамъ, совершая священный обрядъ; что у древнихъ Грековъ, при переходѣ стараго года къ новому, плясали мужчины въ женскихъ платьяхъ, а женщины въ мужскихъ. Остановлюсь на ближайшей къ намъ Византіи, и упомяну, что императоръ греческій, Константинъ Багрянородный, въ описаніи церемоній византійскаго двора, говорить о *готическихъ* святочныхъ игрищахъ (*), отправляемыхъ въ присутствіи самого императора. Назначенные къ тому люди (кудесники) являлись въ маскахъ и въ вывороченныхъ на изнанку шу-

---

(*) *Готическими* назывались они потому, что Греки, перерядившись Готѳами, какъ можно уродливѣе и страннѣе, приходили къ императору съ поздравленіемъ и получали за то деньги.

бахъ, бѣгали, вертѣлись, прыгали, звучно ударяли жезлами въ щиты и пѣли пѣсни подъ музыку; другіе историки, описывая тогдашнія игрища грековъ, говорятъ, что по окончаніи всего, вельможи и чиновники двора подходили къ императору съ поздравленіями, за ними слѣдовали *варанги* (варяги и другіе иноплеменники, составлявшіе его дружину) и возглашали ему многолѣтіе; въ заключеніе всего приближались пѣвчіе и пѣли кондакъ: *дѣва днесь пресущественнаго рождаетъ*. Вотъ начало славленья. При введеніи христіанской вѣры въ Византіи, Константинъ Великій, постепенно выводя языческіе обряды, не могъ искоренить празднованіе генварьскихъ календъ; горожане, подражая язычникамъ, накрывъ голову свою рогатою головою какого нибудь звѣря и взявъ въ ротъ горящіе уголья, бѣсновались невообразимо (*); это продолжалось до самаго разрушенія Восточной Римской имперіи. А въ западной Европѣ происходили въ средніе вѣка еще болѣе чудныя вещи.

Въ святочные дни учрежденъ былъ тамъ праздникъ пьяныхъ *иподьяконовъ*, въ которомъ принимали участіе и прочіе священнослужители католическаго исповѣданія. Это была, такъ-называемая, *декабрьская вольность*, въ подражаніе языческимъ *сатурналіямъ*, которыя также въ концѣ декабря совершались Римлянами въ честь сатурна, въ воспоминаніе золотаго вѣка, въ которомъ не существовало рабовъ. Праздникъ иподьяконовъ былъ извѣстенъ еще подъ именемъ *праздника дураковъ* (la fête des foux) (**). Священно-

(*) Полагаютъ, что язычники этимъ обрядомъ представляли похожденія боговъ своихъ, напр. Юпитера, который являлся въ видѣ сатира, и въ видѣ тельца похитилъ Европу (сестру Кадма). Такъ какъ рога означали символъ любви, неосвященной бракомъ, то еще съ древнихъ временъ, подъ выраженіемъ: *приставить рога*, понималось: утратить цѣломудріе.

(**) По свидѣтельству историковъ, этотъ праздникъ существовалъ нѣсколько сотъ лѣтъ. Противъ него писалъ папа Иннокентій III (въ началѣ XIII ст.): Такъ какъ въ нѣсколькихъ церквахъ совершаются позорища, въ которыхъ участвуютъ сами священно-церковно-служители, то всякому вязлюбленному о Христѣ брату надлежитъ искоренять подобные обычаи, чтобы не безчестить домъ Господень всякою мерзостію.—Праздникъ дураковъ уничтоженъ былъ во Франціи парижскимъ соборомъ въ XV ст.

служители, въ первый день Новаго года, выбирали изъ своей братіи епископа или папу дураковъ и входили въ церковь въ маскахъ; одни изъ нихъ были одѣты въ пестромъ шутовскомъ платьѣ, другіе въ женскомъ; они плясали въ храмѣ и на хорахъ, пѣли непристойныя пѣсни, ѣли на жертвенникѣ мясо, подлѣ священника, совершавшаго божественную службу, играли въ шашки и кадили жертвенникъ зловоніемъ старыхъ кожъ, которыя сожигали въ своихъ кадильницахъ; иные надѣвали на себя разодранную и вывороченную на изнанку священническую одежду, въ рукахъ держали къ верху ногами книги, которыя читали въ очкахъ, имѣвшихъ вмѣсто стеколъ померанцевыя корки, съ ужасными кривляньями и тѣлодвиженіями. Подобные праздники были не только въ соборныхъ церквахъ, но и въ монастыряхъ: мужскихъ и женскихъ, особенно въ провансзкихъ. Что же касается до масокъ, то изобрѣтеніе ихъ приписываютъ Эсхилу. Древнія святочныя и другія маски были не такія, какія употребляютъ нынѣ; онѣ были съ человѣческую голову и ими накрывались замаскированные, какъ шишакомъ; подъ ними можно было говорить безъ всякаго принужденія. На тогдашнихъ маскахъ изображены были черты лица, борода, волосы, уши и самыя украшенія, употреблявшіяся на женскихъ головныхъ уборахъ, потому что древніе артисты у грековъ не имѣли на театрѣ женщинъ, роли ихъ представляли мущины. Сперва маски дѣлали изъ древесной корки, потомъ изъ кожи, наклеенной на полотнѣ, и наконецъ изъ дерева, искусными рѣщиками, сообразно съ ролями, опредѣленными для представленій; иногда на нихъ изображали отвратительныя или смѣшныя черты лица: зѣвающій ротъ, оскаленные зубы и пр. Собственно театральныя маски были трояксго рода: *комическія*, *трагическія* и *сатирическія* (*). Еще были маски, изображавшія естественный т. е. обыкновенный видъ человѣка; ихъ называли *нѣмыми*, потому что онѣ служили только для обставки піэсъ. Употребленіе масокъ введено было въ древности во всенародныя празднества и въ торжественныя похороны, во время которыхъ *пантомины* нашивали ихъ для представленія лица и тѣлодвиженій покойника; страшныя

(*) Танцовал. словарь, 1790 г.

маски носили и на сраженіяхъ, для устрашенія непріятелей (*).

Святки праздновались и празднуются во всѣхъ государствахъ Европы (разумѣется, исключая поклонниковъ Магомета) напр. на Скандинавскомъ полуостровѣ (язычники въ это время совершали тамъ празднество въ честь боговъ Тора и Оддина, при поворотѣ солнца); въ Германіи эти празднества извѣстны подъ именемъ *священныхъ ночей*, гдѣ стараются весело встрѣтить новый годъ; въ Англіи еще за нѣсколько дней, до наступленія Р. Х., бываетъ торжественная встрѣча его, состоящая изъ музыки и пѣнія; въ Голландіи тоже, тамъ церкви и дома въ это время украшаются цвѣтами.

У насъ святки также составляютъ годовую зимнюю эпоху (въ старину назывались они *карачунъ*, отъ короткихъ дней), и у насъ представляется смѣшеніе суевѣрныхъ языческихъ обрядовъ съ христіанскими, напр. съ одной стороны ворожба, личины, *плясованіе и бѣснованіе* (какъ выражались въ старину), съ другой—славленіе Христа, празднованіе рожденія *свѣту міра*, *солнца правды*, начинавшееся *колядованьемъ* (коло-кругъ, кругъ солнца), ведущимъ свое начало также отъ языческихъ временъ. Славянскій идолъ Коляды находился въ Кіевѣ, его почитали богомъ міра и празднество ему совершалось 24 дек. (мѣсяца Студеня), сопровождаемое пиршествомъ и веселіемъ; вмѣстѣ съ этимъ приносили жертвы и *Туру*, богу сладострастія. (**) Со временъ христіанства колядованье измѣнило свой характеръ и обряды; въ католическихъ государствахъ есть обыкновеніе: въ вечеръ на Р. Хр. и въ продолженіе всѣхъ святокъ, устроивать *вертепы* (родъ ящика), въ которыхъ представляютъ въ лицахъ, съ приличными, довольно изящными декораціями и фигурами Рождество Спасителя, поклоненіе волхвовъ, бѣгство въ Египетъ, царя Ирода и прочія священныя событія изъ исторіи младенчества Христа. Всѣ эти изображенія приготовлялись большею частію изъ картонной бумаги; яркое освѣщеніе вертепа производитъ эффектъ и собираетъ множество зрителей къ вертепу.

(*) Первый актеръ, употребившій маску (въ Римѣ), для сокрытія своего безобразія, былъ Росцій Галлъ.

(**) Абевега, словарь русскихъ суевѣрій.

Къ намъ празднованіе святокъ (т. е. *святыхъ вечеровъ)*, вѣроятно перешло изъ Греціи, или съ юго-запада, такъ какъ и колядованье, которое и до сихъ поръ продолжается въ западныхъ нашихъ губерніяхъ и въ Малороссіи. Оно состоитъ въ томъ, что молодые парни и дѣвицы подходятъ къ окнамъ домовладѣльцевъ и поютъ пѣсню, упоминая имя Коляды; она состоитъ изъ величанья хозяевъ и кончается просьбою о подаркѣ:

Подари, государь, колядовщиковъ,
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего полъ-алтына.

Собственно въ Великой Россіи и въ наше время колядованье состоитъ изъ славленья Христа, которое производится большею частію дѣтьми съ такъ называемыми *рацеями:*

Я маленькій хлопчикъ,
Принесъ Христу снопчикъ,
Его величаю,
А васъ съ праздникомъ поздравляю.

Колядованье называлось еще *щедрованье* (щедрый вечеръ). Въ Малороссіи есть обыкновеніе передъ Новымъ годомъ и предъ обѣдней ходить со звѣздой, воткнутою на палкѣ, на *засѣвки:* берутъ нѣсколько горстей разныхъ хлѣбныхъ зеренъ, и, вошедши въ горницу хозяина, бросаютъ зерна на полъ, какъ дѣлается при посѣвѣ, желая хозяину хорошаго урожая, при наступленіи Новаго Года, и вмѣстѣ съ тѣмъ поздравляя его съ праздникомъ (*).

Въ глубокую старину святки у насъ начинались тоже вмѣстѣ съ Новымъ Годомъ; о святкахъ допетровскихъ временъ мы имѣемъ мало свѣдѣній; въ разныхъ историческихъ преданіяхъ есть только намеки на внутреннюю жизнь русскаго народа. Карамзинъ, въ исторіи русскаго государства, (часть VIII) описывая времена Іоанна Грознаго, говоритъ, что онъ съ опричниками своими, надѣвъ на себя личины, веселился и что кн. Мих. Рѣпнинъ согласился лучше лишиться жизни, чѣмъ надѣть на себя маску, которую онъ растопталъ ногами, въ

(*) *Московск. Телегр.* 1831 г.

присутствіи царя, воскликнувъ «пристало ли Государю быть скоморохомъ!»

Доказательствомъ тому, что у насъ издревле праздновались святки, служатъ: Кормчая книга, Номоканоны, Стоглавъ, Духовный регламентъ и Пастырскія посланія, въ которыхъ обличаются гаданія и суевѣрія на святкахъ, какъ языческіе обычаи. Въ Стоглавѣ строго запрещаются: *эллинское* (т. е. греческое) *бѣснованіе, различныя игры и плесканіе, празднованіе каланды* (т. е. языческой календы) *и переодѣваніе мужчинъ въ женское платье, а женщинъ въ мужское*. Кормчая книга основывается на св. писаніи (Второз. XXII, 5), гдѣ сказано: «да не будетъ утварь мужеска на женѣ, ни да облачится мужъ въ ризу женску, яко мерзость есть Господеви Богу Твоему всякъ творяй сія».

Въ концѣ XVII стол. патріархъ Іоакимъ воспретилъ указомъ своимъ существовавшія въ Москвѣ *скверныя и бѣсовскія дѣйства и игрища въ навечеріи Рождества Христова*. Далѣе говоритъ онъ, что *мужи и жены преображаются въ неподобныя отъ Бога созданія, такожде и на Рождество Христово въ 12 дняхъ до Крещенія Господа нашего Іисуса Христа, таковая жъ бѣсовская игралища и позорища содѣваютъ* (*).

Былъ также въ Москвѣ обычай ходить государямъ о святкахъ *славить* къ подданнымъ. Это славленіе начиналось съ полудня праздника; впереди шли два чиновника съ барабанами въ рукахъ и ударяли въ нихъ палочками, обернутыми въ сукно; за ними слѣдовалъ царь со всѣмъ клиромъ и съ толпой князей и бояръ; они ѣхали въ саняхъ и посѣщали знатнѣйшихъ придворныхъ вельможъ. При вступленіи къ кому нибудь въ домъ, они пѣли: *Тебе Бога хвалимъ* и поздравляли хозяевъ съ Новымъ Годомъ После этого хозяинъ подносилъ царю подарокъ деньгами и угощалъ его со всею свитой; послѣ угощенія они отправлялись въ другіе дома (**).

(*) Въ инструкціи своей старостамъ поповскимъ онъ предписываетъ: «не хоронить ни на кладбищѣ, ни на убогомъ дому, а на полѣ и въ лѣсу тѣхъ, которые играя утонутъ, или съ качели убьются»

(**) *Русскіе простонародные праздники*, И. М. Снегирева.

Въ Рождественскій сочельникъ царь Алексѣй Михайловичъ рано утромъ *тайно* ходилъ въ тюрьмы и богадѣльни и раздавалъ тамъ щедрую милостыню; на улицахъ, по которымъ онъ проходилъ, толпились нищіе, которыхъ онъ также одѣлялъ деньгами. Къ вечернѣ ходилъ онъ въ Успенскій соборъ; въ сумерки приходили къ нему во дворецъ славить Христа всѣ духовныя лица, приписанныя къ соборамъ. Въ самый же праздникъ Рождества Христова царь слушалъ заутреню въ Золотой палатѣ; во время благовѣста къ литургіи, къ нему опять приходилъ патріархъ со всѣмъ духовнымъ синклитомъ славить Христа и *здравствовать* государя; оттуда всѣ шли съ крестомъ и св. водой къ царицѣ и къ прочимъ членамъ царскаго семейства.

Царицѣ въ этотъ день боярыни приносили перепичи (сдобные куличи или караваи), часть которыхъ она отсылала къ патріарху. Во время святокъ къ ней приходили славить Христа старицы изъ Вознесенскаго монастыря, а къ царевичамъ карлы (*). Петръ I любилъ потѣшаться святочными игрищами; извѣстно, какъ онъ наряжалъ Зотова князь—папою. При немъ святки весело и шумно проводились не только въ простонародіи, но и въ царскихъ вышкахъ (теремахъ); тамъ царевны съ своими приближенными боярышнями и съ сѣнными дѣвушками рядились, пѣли святочныя пѣсни и загадывали. Самъ Петръ, наряженный, ѣзжалъ на святочные вечера съ большею обстановкою, нежели отецъ его; свита его была многочисленна; они катались, мчались, кто въ обширныхъ пошевняхъ, кто верхомъ. Въ дѣяніяхъ его сказано, что тѣ, которые уклонялись отъ славленья и святочныхъ потѣхъ, были биты кнутомъ и батогами. Это было еще въ началѣ преобразованія Россіи, хотя обычаи дряхлой старины стали уже мало по малу уничтожаться и бородамъ объявлена уже была война.

Святки не совпадали еще тогда съ Новымъ Годомъ, который праздновался 1-го сентября. Въ послѣдній разъ это случилось въ 1698 г. Вотъ какъ былъ этотъ разъ отпразднованъ Новый Годъ. 1-го сентября, въ 9 часу утра, раздался призывный къ обѣднѣ торже-

(*) *Домашній бытъ русскихъ царей*, г. Забѣлина.

ственный соборный звонъ; народъ двинулся толпами на Красную площадь смотрѣть на царскій выходъ; нѣкоторые были въ траурѣ по казненнымъ родственникамъ своимъ, стрѣльцамъ, и смотрѣли очень недоброжелательно на тѣхъ, кто, въ угожденіе царю, сбрилъ себѣ бороду, или кто явился туда въ европейской обновкѣ. И что тогда была за смѣсь костюмовъ, старины съ новизной! Кавалеры, какъ придворная свита, красовались въ праздничныхъ цвѣтныхъ пюсовыхъ, бархатныхъ или матерчатыхъ кафтанахъ съ большими золочеными или фарфоровыми пуговицами въ видѣ блиновъ, въ алонжевыхъ напудреныхъ парикахъ, (*) и въ красныхъ шелковыхъ чулкахъ съ золотыми стрѣлками, перехваченныхъ искрометными пряжками; между ними виднѣлись еще старинныя бархатныя шапки и широкіе кафтаны на борахъ, стриженыя макушки раскольниковъ, мурмолка, сѣрые и пѣгіе армяки. Вотъ появился государь съ малолѣтнымъ сыномъ своимъ Алексѣемъ; за нимъ слѣдовала царица въ полуевропейскомъ костюмѣ (который, какъ извѣстно, ей очень не нравился, т. е. не нравилось отступленіе отъ старины); за ней попарно вытягивались придворныя дамы, безъ покрывалъ, въ пышныхъ платьяхъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ, въ современныхъ прическахъ á la Valliere, въ узкихъ костяныхъ корсетахъ, въ огромныхъ фишбейнахъ, съ длинными шлейфами, въ башмакахъ улиточкой или стерлядкой, на высокихъ розовыхъ каблукахъ, съ махальцами (или вѣерами) въ рукахъ. Многія шли, потупя головы: имъ стыдно еще было показаться въ публикѣ въ новыхъ костюмахъ. Впрочемъ вдовствующая царица Прасковья, супруга царя Іоанна Алексѣевича, одѣта была по старинѣ: въ черной бархатной шубейкѣ и въ мѣховой шапочкѣ на головѣ. За ней шли дамы стараго двора, кто въ шапочкѣ корабликомъ, кто въ разлетаѣ, а кто и въ чепцахъ, на которыя возникала уже мода и они назывались: чепцы-*рожки*, чепцы *сороки;* въ рукахъ ихъ были *маньки* (муфточки). Процессія конвоировалась новогвардейскими полками въ синихъ мундирахъ съ красными обшлагами, и въ высокихъ ботфортахъ; у начальниковъ

(*) Самые дорогіе парики дѣлались изъ тонкихъ бѣлыхъ нитокъ, или изъ бѣлаго шелка, легкіе и покойные.

мундиры были вышиты золотомъ. При появленіи царя, головы у всѣхъ обнажились, раздалось раскатистое *ура*.... Государь громко поздравилъ всѣхъ съ Новымъ Годомъ и пошелъ въ соборъ. Отсталые отъ современности косились на измѣнниковъ старины, отплевывались и роптали втихомолку: «ну, теперь всѣ Нѣмцами стали, скобленыя рыла, неподобные человѣческому обличію, въ кафтанахъ съ суконными хвостами». Послѣ обѣдни было тогда въ народѣ обыкновеніе пробовать новую капусту и пироги изъ новой муки; тогда существовало повѣрье: «когда въ новый годъ хорошенько не поѣсть, то цѣлый годъ будешь голоденъ.» Предки наши жили домовитѣе.

Но вотъ наступалъ 7208 г. отъ сотворенія міра или 1699 отъ Рождества Христова; приближалось первое сентября; обыватели московскіе стали дѣлать обычныя приготовленія къ Новому Году, какъ вдругъ вышло запрещеніе встрѣчать новолѣтіе, вышелъ приказъ проводить его, какъ обыкновенный будничный день; вечеромъ, наканунѣ 1-го сентября, такъ-называемые *крикуны* или дозорные (изъ обывателей), съ костылями въ рукахъ, обхаживали, каждый, назначенную ему улицу, заглядывали въ прорѣзанныя на ставняхъ отверстія въ домахъ, не веселится ли кто по старинѣ, стучали костылями своими въ ставни и кричали: десятый часъ, огни гасить! Разумѣется, съ большимъ неудовольствіемъ и ропотомъ принято было всѣми это приказаніе. 15-го декабря того же года, на Красной площади, раздался громкій барабанный бой, Москва взволновалась, всѣ поспѣшили на сборное мѣсто, узнать о какой-то новой повѣсткѣ, и вотъ увидѣли дьяка, стоявшаго на высокомъ помостѣ, который во всеуслышаніе читалъ слѣдующій царскій указъ: «Великій государь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ сказать: вѣдомо ему великому государю стало, что не только во многихъ европейскихъ христіанскихъ странахъ, но и въ народѣхъ славянскихъ, которые съ восточною православною нашею церковію во всемъ согласны, всѣ тѣ народы лѣта свои исчисляютъ отъ Рождества Христова, въ 8-й день спустя, то есть съ января 1-го, а не отъ созданія міра; и нынѣ отъ Рождества Христова доходитъ 1699 годъ, а будущаго января 1-го на-

ступитъ новый 1700 г., купно и новый столѣтній вѣкъ. Почему великій государь указалъ впредь счисляти лѣта въ приказахъ и во всякихъ дѣлахъ и крѣпости писать съ наступающаго января 1-го 1700 г. отъ Рождества Христова. Въ знакъ этого добраго начинанія и новаго столѣтняго вѣка, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, послѣ должнаго благодаренія Богу и молебнаго пѣнія въ церкви, по большимъ проѣзжимъ улицамъ у домовъ нарочитаго духовенства и мірскаго чина, предъ вороты учинить нѣкоторое украшеніе отъ древъ и вѣтвей сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ; также дома иллюминовать, а за огнями смотрѣніе имѣть». (*).

Этотъ указъ читали и въ разныхъ частяхъ Москвы, а въ бургомистерской ратушѣ раздавали печатные листы его. Всѣ изумились: «Кудажъ дѣвать лишніе-то четыре мѣсяца, отъ сентября до января, къ которому году прикинуть ихъ?» воскликнули Москвитяне. Трудно было разставаться съ старымъ порядкомъ, освященнымъ вѣками, но дѣлать нечего, надобно было исполнить крутую, могучую волю царя Петра. И вотъ наступалъ вдвойнѣ Новый Годъ. На Красной площади все было приготовлено для встрѣчи его. Петръ самъ зажегъ первую ракету, это былъ сигналъ; вдругъ всѣ улицы ярко освѣтились, при колокольномъ звонѣ, при пушечной пальбѣ, при громкомъ восклицаніи *ура* и при звукѣ трубъ и литавръ. На рубежѣ двухъ вѣковъ государь сталъ всѣхъ поздравлять съ новымъ столѣтіемъ и съ Новымъ Годомъ. Пушечная пальба продолжалась всю ночь, иллюминація также пылала по всей Москвѣ, освѣщая зеленую уборку воротъ и оконъ домовъ. Васильевъ вечеръ прошелъ шумно и весело.

На другой день утромъ государь принималъ офиціальныя поздравленія въ Кремлевскомъ дворцѣ своемъ на европейской манеръ; тамъ у него былъ большой обѣдъ; въ знатныхъ домахъ, между старинными игрищами, начались ассамблеи, въ таинства которыхъ не всѣ еще были посвящены. Впрочемъ, тогда еще многіе веселились и танцовали по указу, и кавалеры, съ дозволенія правительства, публично любезничали съ дамами.

(*) Сочиненія Н. В. Кукольника, 1843 г.

При императрицѣ Екатеринѣ I, не было уже надобности приказывать устроивать ассамблеи; при ней распространились и частные балы, которые стали уже вытѣснять святочныя забавы: тогда незнаніе танцовать вмѣнялось уже знатной дѣвицѣ въ недостатокъ воспитанія. Императрица Анна придала большой блескъ своему двору, она любила веселиться; на ея пышныхъ праздникахъ танцовали уже не въ табачномъ дыму, какъ при Петрѣ, и не слыхали около себя стукъ шахматовъ и шашекъ; тогда также уничтожено уже было наказаніе: осушить кубокъ большаго орла. Не смотря на преданность къ европейскимъ обычаямъ, Анна любила русскую пляску и русскія пѣсни; члены ея фамиліи и многіе придворные уже не по указу принимали участіе въ общихъ увеселеніяхъ. При Елисаветѣ справлялись святки по старинному. При ней русскія забавы и увеселенія славились по всей Европѣ. На святкахъ придворные ея являлись къ ней святочно закостюмированные, но безъ масокъ; она и сама рядилась; въ преданіи осталось, что къ ней шелъ мужской нарядъ. Государыня сама пѣвала подблюдныя святочныя пѣсни съ дѣвицами, и даже ей приписываютъ сочиненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно изъ хороводныхъ пѣсенъ, какъ напримѣръ:

На селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой...

потому что проживая въ Москвѣ, будучи еще великою княжной, въ своемъ Покровскомъ дворцѣ, она съ тамошними сельскими дѣвицами, одѣвшись въ красный русскій сарафанъ, водила хороводы. Императрица Екатерина II тоже очень любила разныя народныя потѣхи и увеселенія; не смотря на свои многотрудныя царственныя занятія, она являлась къ народу и къ приглашеннымъ на святочные вечера гостямъ своимъ, въ роскошномъ русскомъ платьѣ и принимала участіе въ общихъ забавахъ. У ней въ Эрмитажѣ играли въ веревочку, въ кошку и въ мышку, въ билетики, въ жмурки и въ фанты. Однажды, на подобномъ вечерѣ, послѣ фантовъ, она сѣла играть въ вистъ; между тѣмъ пришло время разыгрывать фанты; всѣ суетились, рѣзвились, смѣялись, веселились непринужденно и вдругъ за-

тихли, начали шептаться; Государыня, замѣтивъ это, спросила: «Что такое случилось? —«Вашъ фантъ вынулся», отвѣчали ей съ замѣшательствомъ.—Что же мнѣ суждено дѣлать» ?опять спросила она. Всѣ молчали, колебались ей отвѣчать.—«Да говорите же!» приказывала она, «всякій долженъ исполнять законы фантовъ, вы знаете наше условіе: *чины оставлять за дверьми*» (*) Наконецъ кто-то вымолвилъ изъ гостей ея: «Вамъ, В. В., вышло въ фанты сѣсть на полъ.»—«Такъ чтожь такое», сказала Государыня; она оставила карты, посидѣла съ минуту на полу и опять принялась за вистъ (**).

Екатерина приказала выбить свое изображеніе въ русскомъ народномъ костюмѣ и на медаляхъ, розданныхъ членамъ коммиссіи составленія законовъ.

И въ царскихъ дворцахъ пѣли пѣсни: во славу Бога Единаго, во славу царицы-матушки и царей съ потомствомъ, во славу отечества и во славу хлѣба кормильца, заповѣданнаго намъ въ самой молитвѣ Господней.

Въ простомъ быту святки еще очень долго проводились по старинному. Лишь только смеркнется, по улицамъ мчатся веселые поѣзды съ бубнами, фантастически ряженыхъ въ саняхъ и розвальняхъ, подъ трехтанье балалаекъ, съ хохотомъ, свистомъ и веселымъ пѣніемъ: *Изъ-подъ дуба, изъ-подъ вяза....* Сани кувыркаются по ухабамъ, а они голосятъ себѣ: *Ничего въ волнахъ не видно!...* Если сани на бокъ, только взрывъ хохота —и опять покатили. Если завидятъ освѣщеніе въ какомъ-нибудь дому, туда, съ клубами густаго морознаго пара, вваливаются они въ комнату, сердятъ цѣпныхъ собакъ и пугаютъ хозяевъ своими рогами, кульками на головахъ, горбами на спинахъ, косматою шерстью вывороченныхъ тулуповъ, выпачканнымъ сажей или мукой лицомъ, ходулями и пр. и пр. Тамъ попляшутъ они бычка-голубца, въ подсядку да въ присядку, или просто отхватаютъ па собственнаго, нецензированнаго сочиненія, выпьютъ *ржанаго молочка*, т. е. хлѣбнаго вина, и пустятся дальше. Рядились бывало: мышью, сахарною головой, туа-

(*) Эти слова были написаны надъ дверьми Эрмитажа.

(**) Обзоръ царствованія Екатерины II, П. Сумарокова.

летомъ, корзинкой, шкафомъ, великаномъ, блаженно-юродивымъ (въ рубахѣ, съ веригами на ногахъ), и даже покойниками въ саванахъ. Еще подъ конецъ Филиповокъ во многихъ домахъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ были невѣсты, уже шли приготовленія къ святкамъ; нянюшки и мамушки или бабки-*позывалки*, отправлялись приглашать гостей; въ иныхъ домахъ подобные пригласители назывались *хожалами сватами*. И вотъ, въ назначенный день, пріѣзжали съ приличнымъ конвоемъ въ званый домъ дѣвушки подруги съ узлами нарядовъ своихъ, изъ числа которыхъ были еще бабушкины безсмертныя штофныя, парчевыя или глазетовыя платья; иныя дѣвушки гостили у подругъ своихъ до раздольнаго *Васильева вечера*, далеко за полночь провожая время въ фантахъ и гаданьяхъ, и едва будилъ ихъ колокольный звонъ позднихъ обѣденъ, да голосъ какой нибудь старушки прибаутницы, кричавшей имъ въ двери: «пора вставать, красныя дѣвицы, ваши суженые давнымъ-давно встали, три овина обмолотили, на двухъ базарахъ побывали, на вороныхъ коняхъ проѣзжали, суженыхъ искали.» Днемъ ворота домовъ затворялись, за ними на дворѣ дѣвицы катались съ горъ, съ визгомъ играли въ снѣжки, и дѣлали изъ снѣга статуи съ насурмленными углемъ бровями. Вечеромъ опять шли забавы между молодежью обоего пола.

Подблюдныя пѣсни еще теперь поются, да и едва ли прекратится живучесть ихъ въ духѣ русскаго народа. Онѣ предвозвѣщаютъ время браковъ неженатымъ и незамужнимъ; къ нимъ относятся слѣдующія: *Скачетъ груздочекъ по ельничку*; *Кузнецъ, скуй мнѣ вѣнецъ*; *У Спаса въ Чигасахъ за Яузой*;

Медвѣдь пыхтунъ,
По рѣкѣ плыветъ,
Кому пыхнетъ во дворъ
Тому и зять въ теремъ.

Къ тебѣ будутъ гости—ко мнѣ женихи,
Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ—ко мнѣ въ сапогахъ.
Молодай-ка, отгадай-ка.

Или: Саночки-самокаточки, курочка-погребушечка.

Или: Ужъ какъ за сыномъ корабли плывутъ,
А за дочерью сундуки везутъ.

Или: Бѣжитъ боберъ за куницею.

Ужъ какъ кличетъ котъ кошурку въ печурку и пр. Пѣсни, означающія долговременное безбрачіе, суть: *Зяюшка-ковыляюшка*; *На корытѣ я сижу, корысти гляжу* и пр. А какъ разнообразны гаданья. Многіе изъ картъ составляютъ себѣ волшебную азбуку, иные узнаютъ судьбу свою гаданьемъ на кофе: русскія сивиллы наливаютъ полчашки густаго кофе и взбалтываютъ его, чтобъ гуща пристала къ чашкѣ, послѣ дуютъ въ нее, выливаютъ въ другую посуду и по остаткамъ гущи Предсказываютъ будущее. Отъ гаданья *на бобахъ* (которое запрещалось потребникомъ мірскимъ), у насъ сохранились приговорки: *на бобахъ провести*, *чужую бѣду бобами разведу, а къ своей бѣдѣ ума не приложу*. Гаданья: *выпускать яичный бѣлокъ въ воду*, *лить воскъ*, *олово*, *сидѣть предъ зеркаломъ*, *наводить его на луну* и пр. и пр. всѣмъ извѣстны. Въ старинныхъ преданіяхъ о святкахъ сказано: «Въ святочныя ночи, особенно въ Васильевскую (на Новый Годъ), черти особенно *галантонятъ*, но дѣвушки спѣшатъ къ нимъ на рандеву, хотя оно не менѣе опасно, чѣмъ тайное свиданіе съ вертопрахами и *махальщиками*, т. е. волокитами. Впрочемъ отъ нечистой силы обороняются они, воскликнувъ: *чуръ*, *чуръ сего мѣста*! (*) Вотъ отрывки описанія нѣсколькихъ гаданій, извлеченные изъ курьезныхъ стиховъ, писанныхъ въ половинѣ прошедшаго столѣтія:

Филиповскій лишь постъ пройдетъ благополучно,
И дѣвушкамъ сидѣть за гребнемъ будетъ скучно,
То всякъ почти о томъ заботится гадать,
Что Новый Годъ кому желаетъ въ руки дать.
У дѣвушекъ желанія такого рода,
Чтобъ повѣрнѣй узнать имъ наканунѣ года:

(*) *Чуръ* былъ богъ межей у славянъ; этимъ словомъ гадальщицы какъ бы ставили границу нечистой силѣ.

Какой по суженой достанется женихъ,
Богатый или голъ, пресмирный или лихъ
(Къ тому склоняетъ ихъ сама уже природа).
И вотъ онѣ идутъ толпою на гумно,
Иль къ банѣ во полночь, подъ низкое окно,
Къ которому спиной, одна оборотившись,
Шани (трогай, гладь) меня, кричатъ, немного наклонившись,
И ежели тогда почувствуетъ она,
Что будто бы ее кто гладитъ изъ окна
Не голою рукой, но будто бы мохнатой,
То будетъ, мнитъ она, женихъ у ней богатой;
Но если голая хватнетъ ее рука,
Мнитъ, нѣтъ у жениха съ рублями сундука:
И будетъ для нея онъ мужъ не тороватый.
Когда жъ раскинетъ бѣсъ свою предъ баней сѣть,
И дѣвку по бедрамъ оппаритъ жестко плеть,
То, бросившись она, вдругъ съ визгомъ, отъ окошка,
Кидаясь въ сторону, какъ бѣшеная кошка,
Подруженькамъ своимъ испуганнымъ кричитъ:
Охъ, дѣвушки, ай, ай, мой будетъ мужъ сердитъ.
Повѣдываютъ намъ всезнающи старухи,
Что въ селахъ изъ дѣвицъ такія есть рѣзвухи,
Что могутъ и о томъ безъ книжекъ отгадать,
Въ какой ей замужемъ странѣ вѣкъ провожать.
Такія смѣлыя, догадливы вострухи!
Вотъ тѣ изъ нихъ идутъ, которыя въ порѣ,
Ловить въ полночь коня тихонько на дворѣ.
Вѣдь надо же узнать мудреную загадку,
А дѣвушки хитры, на все берутъ ухватку.
Скорѣй, скорѣй коню завязывать глаза;
Одна изъ нихъ тотчасъ, какъ рѣзвая коза,
Садится на него по своему обряду,
Не къ головѣ лицомъ, но къ лошадину заду,
И въ кою конь страну не видя побредетъ,
Въ той всадница свои дни съ мужемъ проведетъ.
Въ то время рыщетъ бѣсъ, вездѣ себя являетъ,
Въ иное время онъ роль мертвеца играетъ.

Желаетъ кто свою, долга ли жизнь, узнать,
Приходитъ во полночь къ замкамъ церквей гадать,
И кто услышитъ тутъ надгробное рыданье,
Того уже не льститъ на жизнь и упованье.
Коль дѣвкамъ хочется поболѣе узнать:
Садятся, очертясь, у проруби на кожу,
Не журкня слушаютъ, закрывъ глаза и рожу,
Когда ударитъ въ ихъ звукъ пѣсенъ разныхъ слухъ,
То у мужа хорошъ, веселый будетъ духъ.
Подкравшись иногда бѣсъ хитрый въ случай сей,
И кожу прихвативъ всей силою своей,
Къ посмѣшищу для всѣхъ затѣйливыхъ святочницъ,
Таскаетъ дѣвушекъ, до суженыхъ охотницъ, и т. д.

Въ большомъ ходу былъ календарь *стараго Цыгана, ворожеи и угадчика;* тамъ, между отвѣтами, есть назидательные и юмористическіе, дѣлающіе честь остроумію неизвѣстнаго стариннаго автора; (*) помѣщаю нѣкоторые изъ нихъ:

Природа дала тебѣ десять пальцевъ и ротъ; стыдно, если десятеро не прокормятъ одного. — Жаль мнѣ тебя, бѣдняжку, хоть ты и выйдешь замужъ, только за слѣпца, потому что изъ зрячихъ тебя никто не возьметъ. — Ты переживаешь нѣсколько вѣчностей, потому что многіе мужчины клялись тебѣ въ *вѣчной* вѣрности. — Когда ты родилась, тебя качали въ колыбели, когда стала побольше, тебя носили на рукахъ, а теперь ты ѣздишь въ каретѣ; поэтому неудивительно, что ты еще не научилась ходить, а танцовать умѣешь.—Еслибы ты жила съ пчелами, то давно бы не существовала, потому что онѣ всѣхъ трутней умерщвляютъ.—Тебѣ я не могу ворожить, потому что самъ желаю узнать отъ тебя свою участь. — Приближаясь къ оракулу, должно снять съ себя всякую личину, поди же и ты сотри свои румяны.—Для чего ты безпрестанно, высовываясь въ окно, глядишь на улицу? Развѣ весь городъ долженъ знать, что ты ничего не дѣлаешь?—Ты наряжаешься какъ кукла, а вѣдь куколъ, наигравшись ими, бросаютъ. — Большое было бы

(*) Этотъ календарь изданъ около 100 лѣтъ назадъ.

счастіе, еслибы твой будущій мужъ лежалъ въ колыбели, потому что ты до возрасту его авось научилась бы хозяйству. — Нѣтъ. я ни за что не скажу тебѣ правды: ты дерзка на руку, а я хилъ головой. — Не покупай никогда при солнечномъ сіяніи алмаза, въ пасмурную погоду полотна, а на балу не выбирай жениха. Со старымъ годомъ ты кончишь дурачества, а съ новымъ начнешь новыя.

Еще гадали на вѣерахъ (на махальцахъ); на нихъ изображены были разныя картины съ разными подписями; вѣера смѣшивали и потомъ, выбравъ одинъ, узнавали по содержанію картины и по подписи свою будущность. Старинные конфектные билетцы, на которые нѣкогда была большая мода, также очень курьезны, напримѣръ:

Младенецъ молоко у матери сосетъ,
И мать его за то и любитъ и голубитъ.
За что же откупщикъ безчестіе несетъ,
Что онъ отечество сосетъ?
Не вѣдая земли, коснулся облаковъ
И врушился туда ты въ шайку дураковъ,
Возможетъ ли та тварь хвалити запахъ розъ,
Которая въ весь вѣкъ все нюхаетъ навозъ?
Мы подъ образомъ людей
Часто видимъ лошадей.
Мужикъ, не забывайся,
Что ты рожденъ мужикъ;
Бояринъ, не ломайся,
Что чиномъ ты великъ.
Кто думаетъ, что онъ умнѣе всѣхъ людей
Затѣмъ что выше всѣхъ взбиваетъ онъ тупей?
Кто взялся написать исторію безъ смысла
И ставитъ тамъ Неву, гдѣ протекаетъ Висла?
Жестокая любовь ведетъ меня ко гробу
Отъемлетъ мой покой и рветъ мою утробу.

Вотъ нѣсколько старинныхъ загадокъ: Еслибъ я встала, то бы небо достала; еслибъ у меня были руки да ноги, я бы вора связала; еслибъ у меня былъ языкъ, я бы все разсказала. — *Большая дорога.* Идетъ мостъ на семь верстъ, на концѣ моста золотая вер-

ста.—*Великій постъ*. Что дѣлается во всемъ мірѣ въ эту минуту?—*Все старѣетъ*. Кто дѣлаетъ, тотъ не желаетъ; кто покупаетъ, тотъ не пользуется, а кто имѣетъ, тотъ не знаетъ.—*Гробъ*. Плотники безтопорники сдѣлали горницу безугольницу.—*Скирдъ хлѣба*. Баба-яга, растопыря ноги, весь міръ кормитъ, сама голодна.—*Соха*. Кто всегда идетъ, а съ мѣста не сойдетъ.—*Часы*. Кто можетъ говорить на всѣхъ языкахъ?—*Эхо*. Ни по мѣрѣ, ни по вѣсу у всѣхъ людей есть. — *Умъ*. Ни стукну, ни брякну, ко всѣмъ подойду. — *Ночь и смерть*. Когда солнце освѣщало дно морское? — *Тогда, когда Моисей разсѣкъ жезломъ своимъ Чермное море*. Гдѣ всѣ люди слышали пѣніе пѣтуха?—*Въ Ноевомъ ковчегѣ*. И т. п.

Святки можно раздѣлить на *городскія* и *сельскія*. Небогатыя деревушки, отстраненныя, занесенныя сугробами снѣга, нѣмы и унылы. Въ нихъ развѣ порой раздастся вытье голодной собаки, или въ клѣти сиплымъ альтомъ пропоетъ пѣтухъ, на гумнѣ прокаркаетъ ворона, набѣгомъ свиснетъ вѣтеръ, прошурчитъ ближній лѣсъ голыми вѣтвями, проскрипитъ колодезный насосъ—и только. Внутри же курьыхъ избъ жужжитъ веретено, дымится лучина и слышно кряхтенье старыхъ домовладыкъ на палатяхъ; молодые же всѣ откочевали въ какое нибудь ближнее людное село на святочный разгулъ; вотъ тамъ другое дѣло, тамъ есть кабакъ и закоптѣлая *бѣлая харчевня* и даже мелочная лавочка съ бакалеею. Въ богатомъ селѣ днемъ, не смотря на морозъ, молодцы гуляютъ толпами по улицѣ, разодѣтые въ синихъ кафтанахъ *со схватцами* (т. е. съ крючками), а дѣвки и молодицы плавно выступаютъ, охарашиваясь, украшенныя *поднизями* (бахрама изъ стекляруса на головномъ уборѣ), въ заячьихъ шубкахъ, въ яркихъ поневахъ, въ шелковыхъ начельникахъ или повязкахъ, въ кикахъ съ дробницами (съ блестками). Тамъ онѣ сходятся и расходятся съ парнями, играютъ и отыгрываются. Вечеромъ же они предаются всѣмъ чарамъ святокъ. Замысловатые ребята одѣнутся по-страшнѣе, вымажутся по-чернѣе, и подкарауливаютъ гадальщицъ на перекресткахъ, за воротами, за угломъ — да и гикнутъ, пугнутъ ихъ — и послышатся визгъ да хохотъ....

А на посидѣлкахъ, въ свѣтлицахъ, дѣвки сожмутся кучей на длинной лавкѣ съ *подзоромъ* (деревянная бахрома), чтобы, по повѣрью, не дать между собой мѣста лукавому; а молодцы, если не успѣютъ втиснуться между ними, разсядутся гдѣ попало, и послышится звукъ гармоніи, щелкотня орѣховъ, оттопыванье трепака или *подблюдныя* пѣсни, а тутъ, глядишь, ворвется толпа ряженыхъ — и пошелъ круговоротъ святочнаго бѣшенства.... Въ деревняхъ берутъ большое красное деревянное *блюдо*, покрываютъ его платкомъ и кладутъ на него кусокъ хлѣба и холодный уголь. Потомъ всякій и всякая мысленно загадываютъ на перстняхъ, на кольцахъ, на запонкахъ и на прочихъ мелкихъ вещахъ; послѣ касаются ими краевъ блюда крестъ на крестъ и кладутъ ихъ подъ платокъ. Наконецъ садятся всѣ рядомъ и запѣваютъ пѣснь хлѣбу, по окончаніи ея ломаютъ хлѣбъ и дѣлятъ его между собой; эти кусочки прячутъ и ложатся съ ними спать, чтобъ имъ грезились соотвѣтственные загаданью сны. — Большая часть фанточныхъ игръ многимъ извѣстна; изъ нихъ есть очень замысловатыя, нѣкоторыя переняты отъ иностранцевъ; собственныя русскія, подблюдныя пѣсни сопровождаются грустнымъ и мелодическимъ напѣвомъ, иныя веселымъ: *И я золото хороню*, *Курочка-погребутечка*, *Чарочка-поплывушечка*, *Саночки-самокаточки*, *Ужъ какъ вышло пузище на рѣпище* и т. п. Часто фанты бываютъ прелюдіей свадебъ (*). Фанты разыгрываются установленнымъ порядкомъ; фанточныя требованія должны безпрекословно исполняться; въ фантахъ часто выказывается остроуміе, доставляющее обществу разнообразное удовольствіе.

Есть замѣчательная старинная пѣснь хлѣбу: *Слава*.

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ,
Слава!
Чтобы нашему государю не старѣться,
Слава!

(*) Фантъ знач. залогъ; это слово нѣмецкое.

Его цвѣтному платью не изнашиваться,

Слава!

Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,

Слава!

А эту пѣснь мы хлѣбу поемъ,

Слава!

Хлѣбу поемъ; хлѣбу честь воздаемъ.

Слава! (*)

Въ подражаніе этой пѣсни, написалъ Жуковскій свою *Славу;* музыка къ ней сочинена Д. Кашинымъ, на два голоса для тенора и баса съ хоромъ. Все это вмѣстѣ, сліяніе чарующихъ звуковъ и музыкальный размѣръ пѣвучихъ стиховъ, шевелитъ русское сердце и производитъ чудное обаяніе на душу.

Слава на небѣ солнцу высокому,
На землѣ государю великому.
Слава на небѣ утру прекрасному,
На землѣ государынѣ ласковой.
Слава на небѣ ясному мѣсяцу,
На землѣ государю наслѣднику.
Слава яркимъ свѣтиламъ полуночи,
Сыновьямъ, дочерямъ государевымъ
И великому князю съ княгинею.
Слава громамъ, играющимъ на небѣ;
Слава храброму русскому воинству.
Слава небу всему лучезарному,
Слава русскому царству великому!

Припѣвъ *хора* къ каждому стиху: *слава*, а въ заключеніе:

Многія лѣта, многія лѣта,
Царю-Государю!

(*) При словѣ *слава* всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ.

РУССКАЯ МАСЛЯНИЦА
СЪ СВОИМЪ РАЗГУЛОМЪ.

Разгульное празднованіе масляницы (мясопустъ) или сырной недѣли перешло къ намъ вѣроятно съ Запада, гдѣ оно извѣстно подъ именемъ *карнавала*. У насъ это — смѣсь языческихъ обрядовъ съ христіанскими: скоморошество, бѣснованіе, объяденіе, упоеніе и, въ противоположность всему этому,— послѣ вселенской субботы, въ которую совершается поминовеніе усопшихъ (родительская),— слезное и умильное прощаніе другъ съ другомъ, т. е. просьба объ отпущеніи грѣховъ другъ другу, почему послѣдніе дни масляницы и названы *прощальными днями*, и наконецъ, въ это время, церковь наша совершаетъ воспоминаніе объ изгнаніи Адама и Евы изъ богонасажденнаго рая.

Въ 1698 г., въ Лейпцигѣ, издана была на латинскомъ языкѣ книга Одерборна, подъ названіемъ: *Жизнь царя Іоанна Васильевича Грознаго*. Тутъ авторъ сначала исчисляетъ русскіе посты, потомъ описываетъ масляницу: «она потому названа такъ», говоритъ онъ, «что въ продолженіе всей этой недѣли русскимъ дозволяется ѣсть коровье масло, а въ постные дни они употребляютъ черное (конопляное); въ это время у русскихъ почти безпрерывно продолжается обжорство и пьянство; они пекутъ паштеты (т. е. оладьи и блины) изъ масла и яицъ, зазываютъ къ себѣ гостей и упиваются медомъ, пивомъ и водкой до упаду и до безпамятства; въ продолженіе масляницы только и слышно, что того-то убили, того-то бросили въ воду. Городъ Москва обширный; тамъ есть осо-

бенное мѣсто, куда рано утромъ складываютъ тѣла убитыхъ (убогіе дома); если у кого внезапно пропадаетъ родственникъ или домашній, тотъ идетъ на выставку мертвыхъ тѣлъ и тамъ его отыскиваетъ; тѣла же неизвѣстныхъ покойниковъ бросаютъ въ известковую яму, которая уничтожаетъ ихъ трупы. Патріархъ хотѣлъ искоренить этотъ бѣсовскій праздникъ, но не успѣлъ; онъ только сократилъ его на восемь дней, вмѣсто прежнихъ четырнадцати. Русская масляница похожа на итальянскій карнавалъ. Папа Иннокентій XI также хотѣлъ его уничтожить, но не успѣлъ въ томъ и тоже сократилъ его на восемь дней».

Такъ было при Іоаннѣ Грозномъ, при разгулѣ и буйствѣ его ужасной опричины. Богомольный царь Алексѣй Михайловичъ проводилъ масляницу иначе. Онъ начиналъ исполнять религіозные обряды, предшествующіе Великому посту, съ заутрени мясопустной недѣли, т. е., когда наша церковь совершаетъ *дѣйство страшнаго суда*. За алтаремъ Успенскаго собора, на площади, устраивали два мѣста: для царя и для патріарха; противъ нихъ ставили красивый узорчатый рундукъ или подмостки, а на нихъ образъ Страшнаго Суда и налой подъ икону Богородицы и Евангелія; еще ставили столъ для освященія воды. Это *дѣйство* совершалось по особому уставу: пѣли стихиры, святили воду и читали Евангеліе на четыре стороны; потомъ патріархъ осѣнялъ крестомъ и кропилъ св. водою царя, сановниковъ и всѣхъ предстоявшихъ; послѣ, при колокольномъ звонѣ, всѣ отправлялись въ соборъ. Еще прежде этого обряда, рано утромъ, царь посѣщалъ богадѣльни и тюрьмы, и своеручно раздавалъ колодникамъ, увѣчнымъ и болящимъ щедрую милостыню; этотъ выходъ царя совершался *тайно* (*).

О русской масляницѣ писалъ и Маржеретъ (въ XVII ст.), но онъ описывалъ болѣе религіозные обряды русскихъ, особенно прощанья и мирныя сходки враждовавшихъ между собою: *да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ нашемъ*, говорили они, обнимаясь и цѣлуясь другъ съ другомъ.

(*) *Домашній бытъ русскихъ царей* г. Забѣлина.

Что касается до Петра I, то онъ любилъ веселыя празднества и народныя потѣхи, обставляя ихъ диковинными для того времени явленіями. Особенно замѣчательно было при немъ масляничное торжество въ 1722 году. Оно началось въ понедѣльникъ сырной недѣли, по случаю славнаго Ништадтскаго мира съ Швеціей и открылось на площади у Красныхъ воротъ, куда прибылъ царь съ офицерами своей гвардіи и вертѣлся съ ними на качеляхъ; послѣ него качались солдаты и народъ. Между тѣмъ для государя приготовленъ былъ столъ, тутъ же, на площади, подъ открытымъ небомъ. Царь выпилъ анисовки и сѣлъ за блины, посреди окружавшаго его народа, оглашавшаго воздухъ радостными, восторженными восклицаніями по тому случаю, что самъ царь принималъ участіе въ его увеселеніяхъ. Во вторникъ на масляницѣ народъ собирался на горы, гдѣ, по данному знаку, при приближеніи царя, открывался шатеръ, подъ которымъ находились горы, и съ нихъ первый скатывался государь, а за нимъ и вся фамилія его. (*) Въ четвергъ далъ царь Москвѣ, открытый для всѣхъ, невиданный и неслыханный маскарадъ. Изъ Всесвятскаго села тронулась, по направленію къ Москвѣ, вереница морскихъ судовъ на саняхъ, запряженныхъ разными звѣрями (въ родѣ Олегова флота); на Тверской устроены были для встрѣчи ихъ Тріумфальныя ворота. Впереди всѣхъ ѣхалъ арлекинъ въ большихъ пошевняхъ, запряженныхъ въ шесть лошадей гусемъ, увѣшанныхъ побрякушками; за нимъ двигался князь папа Зотовъ въ длинной красной бархатной мантіи, на горностаѣ, имѣя у себя въ ногахъ Бахуса, сидѣвшаго верхомъ на бочкѣ; далѣе слѣдовалъ шутъ въ маленькихъ санкахъ, запряженныхъ четырьмя свиньями. Потомъ уже появилась процессія флота, подъ предводительствомъ Нептуна, на высокой колесницѣ, со всѣми атрибутами его. Въ срединѣ этого поѣзда находился князь-кесарь Ромодановскій въ царской мантіи и въ княжеской коронѣ, на широкой лодкѣ, запряженной медвѣдями; за нимъ двигался огромный корабль съ мачтами, съ пушками и со всѣми своими принадлежно-

(*) *Русская старина.*

стями; его тянули 16 лошадей, и на немъ сидѣлъ самъ царь въ мундирѣ флотскаго капитана съ генералами и съ офицерами морской службы. Петръ командовалъ кораблемъ, какъ бы находясь на морѣ. Сзади корабля ѣхала красивая, убранная разноцвѣтными флагами и лентами, раззолоченная гондола императрицы, одѣтой германскою крестьянкой и сидѣвшей въ кругу своихъ придворныхъ дамъ, фантастически костюмированныхъ, и кавалеровъ, одѣтыхъ по-арабски. Эта процессія замыкалась другими членами маскарада, сидѣвшими въ огромныхъ саняхъ, имѣвшихъ фигуру головы дракона; они были одѣты разными звѣрями и птицами. Чрезъ Тверскія ворота поѣздъ двигался въ Кремль, оглашаемый пушечными выстрѣлами; туда достигъ онъ только вечеромъ.

На масляницѣ Петръ потѣшался маскарадными зрѣлищами и въ Петербургѣ; тамъ маски, собравшись, по пушечному выстрѣлу, на площади, противъ собора Св. Троицы, у такъ-называемой *пирамиды четырехъ фрегатовъ*, по сигналу, поданному самимъ государемъ, который одѣтъ былъ барабанщикомъ, скидавали плащи и показывались въ своихъ нарядахъ. Тамъ, посреди Испанцевъ, Грековъ, Турокъ, Китайцевъ и Индѣйцевъ, являлись карлы съ длинными бородами, возившіе на телѣжкахъ высокихъ царскихъ гайдуковъ, спеленутыхъ, какъ дѣти. Потомъ слѣдовали веселыя, одушевленныя катанья, гдѣ, между множествомъ огромныхъ саней, сдѣланныхъ на подобіе лодокъ, въ которыхъ сидѣли костюмированные члены царской фамиліи, иностранные министры и знатнѣйшія особы обоего пола, видны были: Нептунъ въ раковинѣ съ трезубцемъ, влекомый двумя сиренами; Бахусъ съ кубкомъ въ одной и съ лавромъ въ другой рукѣ; государевъ привилегированный, парадный шутъ, одѣтый медвѣдемъ, въ саняхъ, запряженныхъ шестью медвѣдями; Камчадалъ и Камчадалка, ѣхавшіе въ нартѣ на собакахъ, и въ заключеніе множество арлекиновъ и масокъ, представлявшихъ разныхъ звѣрей и птицъ. Эти маскарады продолжались цѣлую недѣлю. Участвовавшіе въ нихъ, еще за нѣсколько дней, собирались къ князю Меньшикову для репетиціи, и онъ назначалъ каждому дѣйствующему лицу его мѣсто въ маскарадной процессіи. Всѣ, принадлежавшіе къ

ней прислужники, должны были ходить во все это время также въ костюмахъ и маскахъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 50 рублей. (*) Краснорѣчивая цифра для того времени!

Императрица Анна, во время масляницы, приглашала къ себѣ во дворецъ, въ числѣ гостей, и унтеръ-офицеровъ своей гвардіи съ ихъ женами, которые потѣшали ее русскими плясками и разными народными играми. Въ 1739 году происходилъ около масляницы извѣстный этнографическій маскарадъ въ ледяномъ домѣ, по случаю свадьбы ея шута. Императрица Елисавета любила на масляницѣ кататься съ своими приближенными и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, въ селѣ Покровскомъ. (**) При императрицѣ Екатеринѣ II, вскорѣ послѣ коронованія ея, на масляницѣ устроенъ былъ большой уличный символическій маскарадъ, по начертанію артиста Волкова, съ куплетами. (***) При этой государынѣ, на масляницѣ, были въ ходу публичные маскарады, въ великолѣпномъ домѣ, на Екатерининскомъ каналѣ, послѣ принадлежавшемъ Энгельгардту. Чтобы не быть узнанною, она отправлялась туда въ чужой каретѣ, и хотя ее узнавали по походкѣ, по свитѣ ея и по суетливости полицейскаго караула, при встрѣчѣ ея, но показывали видъ, будто ее не признали и шутили съ ней, прыгали, плясали передъ ней, и она тѣмъ очень

(*) *Русская старина.*

(**) На рѣкѣ Яузѣ (прежде оно называлось дворцовое село *Рубцово)*, гдѣ, отдыхая отъ царскихъ заботъ, гуливалъ царь Михаилъ Θеодоровичъ въ Покровской рощѣ, близъ нововыстроеннаго имъ храма, при церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, во имя Димитрія Царевича (въ 1606 г.), въ память избавленія Москвы отъ Поляковъ. Въ той сторонѣ проживало еще тогда много раскольниковъ разныхъ толковъ. Подлѣ же церкви Покрова выстроенъ былъ въ 1742 году деревянный дворецъ, но онъ сгорѣлъ, и въ 1753 году, при императрицѣ Елисаветѣ, выстроенъ былъ каменный, сохранившійся до нашего времени. Изъ этого дворца устроенъ былъ ходъ въ церковь. Дворцы императрицы Елисаветы были еще: на Покровкѣ, около дома комодной фрмы князя Трубецкаго (гдѣ нынѣ 4-я гимназія) и на Балчугѣ, за Москворѣцкимъ мостомъ, гдѣ былъ *первый кабакъ* для опричниковъ Іоанна Грознаго.

(***) *Москвитянинъ* 1856 года. Моя статья, подъ названіемъ: *Коронація императрицы Екатерины II.*

восхищалась. При ней были и катанья въ это время по улицамъ и по Невѣ, въ большихъ саняхъ, запряженныхъ одномастными 12-ю лошадями; сзади къ этимъ санямъ прицѣпляли нѣсколько салазокъ, каждыя для одной пары: кавалера съ дамою, соединеннаго по жребію. Ѣздили и въ Красный кабачокъ, славившійся своими вафлями и медомъ, и въ ближайшія дачи, гдѣ бывалъ сервированъ для пріѣзжихъ роскошный ужинъ; потомъ сожигался великолѣпный фейерверкъ; отсюда поздно возвращались домой съ факелами.

Въ настоящее время старинная масляница во многомъ утратила свой прежній характеръ, кромѣ катанья и истребленія большаго количества блиновъ; теперь и резиденція ея уже перемѣщена въ Москвѣ на другое мѣсто. Въ старину говорили: «Пойдемъ *на горы*», значитъ справлять масляницу, а на Святой недѣли звали другъ друга *подъ качели*. Тогда мѣстность обоихъ этихъ гуляній была не одна и та же: гулянье на Святой недѣли изстари принадлежитъ Новинскому урочищу и Покровскому селу (а въ пятницу Дѣвичьему полю); но гулевая, раскатная масляница крутилась тогда въ нѣсколькихъ мѣстахъ: самое главное людное гулянье было на Москвѣ-рѣкѣ, а самая крупная пѣшая народная толкотня и поѣзды по набережной, въ два ряда, происходили отъ Москворѣцкаго моста до Воспитательнаго Дома; на рѣкѣ, на всемъ этомъ пространствѣ, иногда и далѣе, устроены были горы съ затѣйливыми башенками, на которыхъ развѣвались въ воздухѣ разноцвѣтные флаги; тамъ привольно катались, и летали съ нихъ гуляки обоего пола на длинныхъ разбѣгчивыхъ санкахъ; вдоль горъ, вмѣсто барьера, въ два ряда фронтомъ, стояли елки, а между ними статуи изо льду и снѣга. Тамъ устроенъ былъ цѣлый городокъ изъ лубочныхъ комедій, ярко раскрашенныхъ разными колерами съ фантастическими чудовищными вывѣсками, весьма заманчивыми для простаго народа. Въ комедіяхъ трещала ухорѣзная сборная музыка и дребежжали барабаны, а около комедій раздавалась смѣсь звуковъ: гудковъ, рожковъ, балалаекъ, свиристѣлокъ, тулумбаса (родъ литавръ), бубновъ, гудоскрипокъ, сиплыхъ пѣсенъ и богатырскаго посвиста расходившихся гулякъ.

Кромѣ разныхъ комедій, тамъ, для невзыскательной публики, по-

казывались и райки съ замысловатыми видами, съ юмористическими поясненіями и съ погудками-прибаутками. На этомъ гуляньѣ существовалъ и обжорный рынокъ, и блиння, и балаганы со сбитнемъ и бузой, и веселящее сердце человѣка зелено-вино, подъ большимъ колоколомъ-шатромъ и разныя неприхотливыя лакомства и снѣдь: висячія гирлянды бутырскихъ баранокъ, тверскіе калачи, (*) истыканныя крестовскія сайки, обручи-кольца, лопатки, тетерки, сгибни, бѣлые красносельскіе вострокислые хлѣбцы (**) и пр. и пр , выключая мясной провизіи, которую, по уставу, воспрещалось на масляницѣ употреблять въ пищу. Масляничное гулянье на Москвѣ-рѣкѣ продолжалось до тридцатыхъ годовъ; иногда, по случаю зимнихъ оттепелей, выступавшая на рѣкѣ вода грозила большою опасностію; тогда на ледъ накладывали доски и нѣкоторые балаганы переносили въ сосѣдственные сараи прибрежныхъ къ Москвѣ-рѣкѣ домовъ; наконецъ, перевели это гулянье подъ Новинское.

Масляничныя гулянья встарину были еще на Неглинной, гдѣ теперь красуется Кремлевскій садъ; тамъ протекала мутная Неглинка (отъ сѣвера къ югу, и впадаетъ въ Москву-рѣку около Кремля, изъ нея теперь устроена канава, скрытая подъ тротуарами). Отъ Неглинки образовались два пруда: одинъ около Троицкаго моста, другой у Боровицкаго; (***) на первомъ находилась мельница, на которой толкли кирпичъ и готовили цементъ для казенныхъ потребностей. Отъ Кремля до Театральной площади Неглинка была запружена и на этомъ пространствѣ находились еще двѣ вѣтряныя мельницы; мѣстами чрезъ Неглинку положены были мостки или просто перекинуты бревна, чрезъ которыя не всякій фигляръ могъ бы пробраться. Все это мѣсто было самое топкое и грязное, оно опредѣлено было для своза туда всякаго сора и нечистоты; это мѣсто было также кладбищемъ для собакъ и кошекъ, непреданныхъ землѣ;

(*) Замѣнившіе старинныя перепечи.

(**) Объ нихъ упоминается и въ *Разметной* книгѣ 1700 г., въ которой означено, что эти *ѣства* были отпускаемы и для государева стола.

(***) Эти пруды спущены въ 1782 г.

но когда зима мостила на немъ свой мостъ, тогда оно открывалось для ходьбы и для ѣзды. Тамъ на масляницѣ устраивались горы съ балаганами, тамъ стояла и *комедь съ разными позорищами*; а въ сторонѣ кипѣли ожесточенные кулачные бои, въ которыхъ принимали участіе и охотники-купцы, *самъ-на-самъ* (т. е. одинъ-на-одинъ) и *стѣнка-на-стѣнку*; тамъ двигались и кишили большія, сплоченныя массы народа, шапки такъ и летѣли съ нихъ, какъ галки. Постоянные же бои кулачные, въ продолженіе всей зимы, происходили на Москвѣ-рѣкѣ, на Бабьемъ городкѣ, производимые большею частію фабричными.

Еще масляничныя горы находились на Гагаринскихъ Трехгорныхъ прудахъ (гдѣ нынѣ дача Студенецъ, принадлежащая Обществу Садоводства); но тамъ гуляли болѣе мѣстные жители. Самое же лучшее гулянье-катанье происходило отъ Кремля, чрезъ Моросейку и Покровку, по старой Басманной, на *Разгуляй*, находящійся на распутьѣ четырехъ дорогъ, гдѣ существовалъ одинъ изъ самыхъ веселыхъ и искусительныхъ для гулякъ трактиръ съ плясунами и съ пѣсельниками, гуслистами и торбанистами; откуда прокатывались чрезъ Покровское село до самаго Покровскаго моста, иногда и далѣе. Это было самое модное и людное, хотя монотонное гулянье, особенно на Святой и масляницѣ: тамъ щеголяли выставкой костюмовъ, лошадей и экипажей. Тамъ двигались грузныя высокія кареты, какъ катафалки и широкія сани съ барсовыми и тигровыми полостями и просторныя купеческія пошевни, покрытыя дорогими цвѣтными козылбашскими коврами, влекомыя раскормленными лошадьми, подъ бѣлыми шелковыми парусами. Туда съѣзжались изъ своихъ замоскворѣцкихъ гнѣздъ пушистые московскіе купчины съ женами, разубранными въ штофъ и парчу. Кромѣ всего того, у многихъ домохозяевъ устраивались на дворахъ свои горы для домашнихъ, съ которыхъ скатывались на обледенѣлыхъ доскахъ. Но самыя одушевленныя, ухорскія катанья происходили въ Ямскихъ слободахъ: Тверской, Рогожской и Дорогомиловской, особенно въ субботу и въ прощальное воскресенье на масляной, тамъ мчались въ обгонъ тройки съ глухарями (съ бубнами), взрывая снѣгъ копытами.... Это была настоящая бенефисная недѣля для гулякъ.

И въ тогдашнее время глумились надъ обжорствомъ: «Масляница такое время», писали тогда, (*) «въ которое многіе думаютъ обратить свой желудокъ въ запасный магазинъ масла, молока, яицъ, блиновъ и пряженцовъ; лже-набожные почитаютъ въ году только *семь недѣль*, назначенныхъ на воздержаніе, а прочія *сорокъ четыре* и въ особенности *сорокъ пятая* недѣля дана имъ будто бы для того, чтобъ желудокъ свой на весь постъ сдѣлать скоромнымъ. Изъ этого выходитъ то, что сколько ложекъ масла влито въ желудокъ, столько послѣ выпивается бочекъ микстуры.» (**) На масляницѣ, въ числѣ яствъ, главное мѣсто занимаютъ блины (въ св. Писаніи *млины)*, ими поминаютъ и покойниковъ; нѣкоторые старовѣры первый испеченный блинъ кладутъ въ окошко, для усопшихъ душъ. Въ это время позволялось обычаемъ ѣсть *до пересыта*, упиваться до недвижности или, какъ говорили тогда: ѣсть до икоты, пить до перхоты, пѣть до надсады, плясать до упаду. Хозяева говорили: у насъ въ дому только вино да пиво, а воду кладите себѣ въ сани, годится для бани, да и вода отсюда не близко и ходить къ ней склизко, пируйте, сидите, да другихъ не тѣсните, кто хочетъ веселись, хоть съ лавки повались». Тогда только строго воспрещено было общимъ судомъ употреблять въ пищу: рогатыхъ, крылатыхъ, рылатыхъ и носатыхъ животныхъ, выключая рыбъ водоплавокъ, икры, нѣжно-розовой семги и блестящей алмазами вязиги. Въ холодную масляницу дымъ валитъ густыми клубами изъ трубъ, утреннее небо, все въ заревахъ, алѣетъ отъ вспышекъ восходящаго солнца, морозъ постукиваетъ по стѣнамъ домовъ, а гуляки, наѣвшись до сыта, до пересыта, блиновъ, ужъ спѣшатъ на Москву-рѣку или на другія горы промяться. Холодный вѣтеръ рѣжетъ и колетъ чуть не насквозь гулякъ морозными иглами своими, а они, съ лицами, рдѣющими какъ свекла, отъ холода, веселятся себѣ, поютъ, да потираютъ руки, прославляя русскую зиму....

Масляницу представляли въ видѣ румяной, толстой бабы, сидя-

(*) *Карманная книжка для пріѣзжающихъ на зиму въ Москву*, съ наставленіями и совѣтами для нихъ 1791 г. (изд. Новикова)

(**) Подобныхъ ѣдуновъ называли *маслоглотами*.

щей на сковородѣ съ двумя ухватами и съ высунутымъ изо рта помеломъ, вмѣсто языка; внизу подпись: *У насъ печки муравлены, подики мѣдные, помелечко шелковое, обмакивано въ сыту медвленную.*

Вотъ описаніе старинной масляницы, изображенное тоже въ старинныхъ курьезныхъ стихахъ, нелишенныхъ юмора: (*).

«Вотъ вамъ румяная и жирная богиня,
Обжорства и питья и дракъ всѣхъ героиня,
Шатаясь по градамъ, по селамъ, деревнямъ,
Всегда, вездѣ слѣды вреда являетъ намъ;
Но ею простаки, издавна заразившись,
Румянами ея и лоскомъ ослѣпившись,
Не могутъ и доднесь престать ее любить,
Нельзя роскошницу такую позабыть!
Ей смертныхъ посѣтить какъ время лишь наступитъ,
Ребятамъ подъ бока вдругъ колика приступитъ,
Не могутъ посидѣть спокойно ни на часъ,
Всѣмъ хочется съ горы хоть прокатиться разъ.
И вспомнивши ея въ году прошедшемъ ласки,
Летятъ на встрѣчу къ ней, усѣвшись на салазки.
Катаются, рѣзвясь, нѣтъ нужды, что морозъ
Сгибаетъ пальцы въ крюкъ, сандалитъ щеки, носъ,
Бѣда лишь только въ томъ, что кто-то ненарокомъ,
Кувыркаясь, катясь съ горы высокой бокомъ,
Пущаетъ изъ носу, хотя не хочетъ, кровь,
Потомъ онъ козыремъ свою нахмуря бровь,
Не долго сердится, опять идетъ кататься,
Нельзя жъ ему съ горой для масляной разстаться!
Межъ тѣмъ проворныя хозяюшки въ домахъ,
Заботясь, суетясь о маслѣ и блинахъ,
Муку къ своимъ рукамъ и рыбу прибираютъ,
Прибравшись, середы семейно ожидаютъ.
Съ того дня по утрамъ не колокольный звонъ,

(*) Изъ *Сатирическаго Вѣстника*, 1790 г. Печатано въ университетской типографіи, у Окорокова; библіографическая рѣдкость.

Но слышенъ сковородъ вездѣ звенящихъ тонъ;
Коровье масло тамъ, топимое огнемъ,
Бросаясь съ сковородъ, въ движеніи своемъ,
Весь воздухъ въ улицахъ собою наполняетъ,
Вездѣ носъ пряженцы, оладьи обоняетъ.
Какая суета для стряпокъ по утрамъ!
Не бродятъ мысли ихъ въ то время по горамъ;
Проворная печетъ вдругъ на три сковроды,
Льетъ масла подъ блины обильнѣе воды,
Она безъ устали работаетъ руками,
По лавкамъ, по столамъ блины лежатъ стопами.
Пришла къ желудкамъ всѣмъ блаженная ихъ доля,
Въ лепешкахъ, въ пряженцахъ, въ блинахъ, въ оладьяхъ—воля!..
На рылѣ маслицо, на лбу и на рукахъ,
Ѣдятъ по улицамъ, ѣдятъ во всѣхъ домахъ,
И какъ тогда вездѣ привѣтливы бываютъ,
Хотя давись, но ѣшь, насильно заставляютъ,
А послѣ ужъ идутъ, съ туманной головой —
Промяться, затѣвать пора кулашный бой;
Не грозный Марсъ стоитъ съ мечемъ передъ стѣной,—
То русскій богатырь, дѣтина удалой,
Онъ шапку заломя, кричитъ: «Ну, не робейте,
Стоячихъ въ усъ чеши, лежачихъ лишь не бейте!»
Не тучи съ тучами спираться вдругъ начнутъ,
То стѣны силачей одна другую жмутъ,
Не пулей и не бомбъ тамъ раздается звукъ,
Но крѣпкихъ кулаковъ ужасный слышенъ стукъ,
Иной отъ силача такую схватитъ грушу,
Что масляницѣ онъ свою вручаетъ душу.
Въ иныхъ мѣстахъ сего дурачества хоть нѣтъ,
За то другое тамъ свой оставляетъ слѣдъ,
Тамъ больше роскоши, тамъ болѣе мотаютъ,
Недѣлѣ этой весь доходъ свой оставляютъ,
Тамъ горы пышныя, салазки со звонкомъ,
Тамъ въ саночкахъ вертятъ, за денежку, кругомъ,
Бѣды въ катаніи случаются все тѣ же,
И зубы у иныхъ становятся порѣже.

Но у иныхъ гулякъ другое въ мысляхъ бродитъ,
И пьяненкимъ душамъ грѣхи на мысль приводитъ,
Имъ хочется тогда со всѣми примириться,
И кто кому былъ врагъ, въ послѣднихъ дняхъ проститься.
И вотъ они, чтобъ долгъ исполнить таковой,
Прощаться норовятъ съ веселой головой,
И пьяный къ пьяному, пришедши въ домъ, качаясь,
Прости меня, бурчитъ, чуть живъ въ ногахъ валяясь.
Въ дурачествахъ такихъ лишь масляна пройдетъ,
И всѣ веселія са собою унесетъ,
Во всѣхъ почти мѣстахъ является кручина,
И будто бы съ людьми тоскуетъ вся скотина.
Съ похмѣлья голова у всѣхъ болитъ, трещитъ,
И душу будто бы раскаянье щемитъ,
Глаза унылые, не милъ имъ бѣлый свѣтъ,
Харчу, кромѣ грибовъ и хрѣну съ рѣдькой, нѣтъ,
Иному бы была калачикъ съѣсть охотка,
Но дѣло стало въ томъ, что въ кошелькѣ чахотка,
Иной блюлъ денежки почти-что цѣлый годъ,
На масляницѣ всѣ съ блинами сунулъ въ ротъ.
Вотъ непристойная привычка что являетъ,
Подъ тѣнію забавъ нашъ стыдъ и вредъ скрываетъ.
Здоровье потерять въ забавахъ людямъ стыдно,
Чистѣйшей совѣсти и разуму противно.
Ахъ, надобно во всемъ умѣренность хранить,
Привычки бросить тѣ, что могутъ намъ вредить,
За ними ходимъ мы въ напасти неизбѣжно.
Намъ польза вопіетъ: живите всѣ воздержно.

Богомольные на масляницѣ, послѣ утрени и обѣдни, отправлялись съ возами калачей въ острогъ, въ яму, въ богадѣльни и въ разныя сиропитательныя заведенія съ подаяніемъ; иные изъ нихъ въ послѣднее воскресенье ходили прощаться съ усопшими родственниками своими на кладбища; еще встарину было обыкновеніе въ этотъ день ходить къ кумамъ съ большими пряниками и съ косяками мыла, которое въ чистый понедѣльникъ брали съ собою въ баню, *смывать масляничные слѣды и потомъ предаться Богу*. Нѣкоторые

вечеромъ въ этотъ день не разводили огня въ печи и не зажигали свѣчъ, кромѣ лампадки, предъ образами, также не отправляли никакой работы, чтобы не сдѣлать заусеницы или ногтоѣда. (*) У многихъ было обыкновеніе выкидывать и уничтожать все съѣстное, оставшееся послѣ масляницы, особенно блины, которые называли *поганымъ хлѣбомъ*; на первой же недѣлѣ въ субботу пекли постные блины (*тужилки* по масляницѣ). Тогда говорили, что постъ, прогоняя масляницу, сражался съ ней капустными бомбами, рѣпными ядрами и рѣдичными штыками.

Нѣкоторые же, отдавшіеся оптомъ масляничному разгулу, въ послѣдній день пировали и веселились до обморочнаго головокруженія, но вотъ, ударялъ вѣщій полночный часъ, наступалъ постъ—и вдругъ, какъ по манію волшебника, все замирало, затихало, цѣпенѣло.... Наступало глубокое затишье до самыхъ тѣхъ поръ, когда ночной воздухъ прорѣзывался протяжнымъ церковнымъ колоколомъ, какъ будто призывающимъ христіанъ предстать предъ судъ Бога и предъ судъ собственной совѣсти....

(*) Абевега, слов. русскихъ суевѣрій.

ВЕРБНАЯ СУББОТА.

(ЛАЗАРЕВО ВОСКРЕСЕНЬЕ).

Еще въ языческія времена верба имѣла свое значеніе, разумѣется, другое, нежели стала она имѣть во времена христіанства. Въ древней миѳологіи есть преданіе, что нѣкогда существовала какая-то женщина, по имени *Блинда*; она будто бы имѣла особую способность дѣторожденія въ многочисленности и съ невѣроятною легкостію, такъ, что рождала не только обыкновеннымъ образомъ, но изъ рукъ, изъ ногъ и изъ головы. Земля, плодовитѣйшая изъ матерей, позавидовала ей въ плодовитости, и потому-то однажды, когда Блинда прогуливалась по болотистому лугу, ноги ея вдругъ погрузились въ топкую грязь, и земля такъ крѣпко сжала ихъ, что Блинда не могла сдвинуться съ мѣста, и тутъ же обратилась въ вербу. Вотъ поэтому-то язычники почитали вербу священнымъ деревомъ и приписывали ей вліяніе *на плодовитость*.

Въ недѣлю Ваій, (*) называемую *цвѣтоносною*, собственно въ Лазареву субботу, изстари бываетъ первое весеннее гулянье въ Москвѣ; (**) это болѣе дѣтскій праздникъ, въ воспоминаніе того событія, когда еврейскія дѣти подстилали пальмовыя вѣтви Іисусу Христу во время шествія Его *на осляти* во Іерусалимъ Въ это время, часто еще и предъ этимъ временемъ, весна (пролѣтіе) вступаетъ во всѣ права свои; вербный праздникъ — прологъ къ веснѣ; тутъ бываетъ прилетъ птицъ, которыхъ о Благовѣщеньи встарину

(*) Ваіи—пальмовыя вѣтви.

(**) Это всегда бывалъ скромный праздникъ, народное гулянье безъ потѣхъ и игрищъ; Великимъ постомъ увеселенія не дозволялись.

имѣли обыкновеніе скупать и выпускать на волю, чтобъ онѣ, радостныя, веселыя, мчались къ небу и замаливали грѣхи тѣхъ, кто ихъ освобождалъ отъ неволи.

Обрядъ *шествія на осляти*, въ честь Спасителя, съ древнихъ временъ существовалъ еще на Востокѣ и на Западѣ; наша церковь переняла это обыкновеніе у Грековъ. Константинопольскіе патріархи совершали подобный обрядъ; у католиковъ въ этотъ день была своя процессія: у нихъ тогда возили колесницу съ деревяннымъ осломъ, на которомъ изображенъ былъ сидящимъ Іисусъ Христосъ. У насъ совершеніе этого обряда, по историческимъ преданіямъ, началось въ Москвѣ, въ XVI столѣтіи. (*) Онъ происходилъ тогда въ Кремлѣ, и шествіе совершалось только около соборовъ, но послѣ перешло оно изъ Кремля далѣе, за Спасскія ворота, ко храму Покровскаго собора (что во рву), (**) гдѣ находится придѣлъ Входа во Іерусалимъ Въ тогдашнее время патріархальной простоты и вмѣстѣ благочестія, предъ Вербною субботой народъ, иногда и самъ царь, ходили ломать вербу въ Китай-городъ, на рѣку Неглинную, берега которой въ изобиліи покрыты были ивами и вербой, особенно начиная отъ деревяннаго Воскресенскаго моста (въ стѣнѣ Китая-города) до Троицкаго, гдѣ эта рѣчка шла излучиной, и русло ея находилось тамъ, гдѣ теперь красуется рѣшетка Кремлевскаго сада, обращенная къ Иверской часовнѣ. (***).

Иностранные писатели, посѣщавшіе Россію (Олеарій и Беръ), повѣствуютъ, что въ этотъ день, предъ обѣдней, при большомъ стеченіи народа, выносили изъ Успенскаго собора большое *цвѣтное* дерево, украшенное (разумѣется, искусственно) разными плодами, и

(*) Иностранные писатели, особенно Олеарій, относятъ этотъ обрядъ еще къ предшествующему столѣтію.

(**) Церковь Василія Блаженнаго; она окружена была широкимъ рвомъ, поросшимъ кустарникомъ; черезъ ровъ перекинутъ былъ мостъ.

(***) Противъ середины этой излучины, въ нынѣшней большой аллеѣ сада, были кузницы, существовавшія до 1806 г. На Моисеевской площади, подлѣ богадѣлень и церкви Моисея Боговидца (упраздненной митрополитомъ Платономъ), существовали бани, воду для которыхъ проводили съ Неглинной.

устанавливали его въ огромныя сани; оно начинало медленно двигаться по Кремлю; около дерева стояли отроки въ бѣлыхъ одеждахъ, въ видѣ ангеловъ, и пѣли привѣтственныя, молитвенныя пѣсни Спасителю. Сзади саней тянулась процессія изъ юношей съ горящими свѣчами, за ними несли хоругви, иконы, большой фонарь и дымящіяся кадильницы, потомъ шли священнослужители въ златотканыхъ ризахъ, далѣе бояре, и въ заключеніе, патріархъ, сидящій (бокомъ) на ослѣ, (*) окутанномъ бѣлымъ пологомъ; лѣвою рукой патріархъ придерживалъ Евангеліе, а правою осѣнялъ народъ крестнымъ знаменіемъ. Подлѣ него шелъ царь съ вербой, придерживая поводъ узды; весь этотъ путь устланъ былъ цвѣтными коврами: нѣкоторые скидывали съ себя платье и разстилали его предъ процессіей, которая, обошедъ мимо кремлевскихъ церквей, при торжественномъ колокольномъ звонѣ, возвращалась въ Успенскій соборъ, гдѣ патріархъ, отслуживъ обѣдню, приглашалъ къ себѣ на трапезу царя и всѣхъ знатныхъ сановниковъ. (**).

Въ XVII столѣтіи этотъ обрядъ совершался почти также, но съ большими церемоніями: предъ позднею обѣдней, царь, сопровождаемый свитой, состоявшею изъ бояръ, во всей своей пышной обстановкѣ, выходилъ изъ дворца въ Успенскій соборъ. Въ *Древней Вивліоѳикѣ* сказано, что въ это время начинался крестный ходъ, предшествуемый хоругвями; за ними слѣдовало въ порядкѣ черное и бѣлое духовенство, младшіе впереди; (***) далѣе несли кресты хрустальные, соборныя и монастырскія (изъ Чудова монастыря) иконы, потомъ шли деместванники (пѣвчіе), словословя Спасителя; за ними несли икону Влахернской Божіей Матери, предъ которою шли поддьяки съ большими зажженными свѣчами; сопровождали же

(*) Иногда осла замѣняли лошадью, также покрытою бѣлою попоной такимъ образомъ, что у ней были видны только одни глаза. Царь не всегда выходилъ въ это *дѣйство;* въ такомъ случаѣ замѣнялъ его кто-нибудь изъ ближнихъ почетныхъ бояръ.

(**) Такая же церемонія совершалась и въ другихъ большихъ городахъ русскихъ архіереями съ воеводами; это продолжалось до временъ Петра I.

(***) Дьяконы шли по два въ рядъ, а іереи по три.

ее соборные ключари, за которыми уже шелъ патріархъ съ своимъ посохомъ. Съ правой стороны его дьяконы несли Евангеліе въ бархатномъ ковчегѣ, а по лѣвую злато-жемчужный крестъ. Въ этой величественной процессіи находилось все московское духовенство, облаченное въ драгоцѣнные, сіяющіе золотомъ и серебромъ парчевые и штофные ризы и стихари. Царю предшествовали также младшіе чины, а за нимъ шли старшіе бояре, наблюдая мѣстничество; по обѣимъ сторонамъ пути процессіи стояли шпалерами стрѣльцы и высились большія расписанныя разными колерами кадушки съ воткнутою для народа вербой.

Вся эта процессія подходила къ Покровскому собору и располагалась лицомъ къ востоку; патріархъ, давъ благословеніе народу, вступалъ съ царемъ въ придѣльный храмъ Входа въ Іерусалимъ; ихъ сопровождали только избранные чины. Тамъ, послѣ обычной молитвы, патріархъ облачался, а царь надѣвалъ на себя всѣ царскія регаліи свои. Лобное мѣсто устлано было алымъ и зеленымъ сукномъ, на которомъ уставляли налой подъ бархатною пеленой, отороченною золотыми позументами; отъ лобнаго мѣста до Спасскихъ воротъ стояли высокіе надолбы, обитые цвѣтнымъ сукномъ. На всемъ протяженіи этого мѣста разставлено было войско, окруженное толпами народа. Тамъ стоялъ и конь, подъ бѣлою попоной (осля) и большая *цвѣтно-расписная* благолѣпная верба, въ колесницѣ, за перилами, блистая зеленью и плодами, состоявшими изъ яблоковъ, финиковъ, грушъ и проч. Прибывъ на лобное мѣсто, патріархъ вручалъ сперва царю, потомъ, чинъ по чину, предстоявшимъ особамъ ваіи. По исполненіи этого обряда, начиналось архидіакономъ чтеніе Евангелія (лицомъ къ западу, предъ патріархомъ), послѣ котораго ключарь съ протоіереемъ, принявъ отъ патріарха благословеніе, подводили ему осля, постлавъ на сѣдалище (вмѣсто сѣдла) коверъ. Патріархъ съ Евангеліемъ и крестомъ, вспомоществуемый духовными сановниками своими, усаживался на осля и, благословивъ царя, трогался съ мѣста. Дѣти стрѣльцовъ устилали весь этотъ путь цвѣтными сукнами.

Процессія двигалась такимъ же порядкомъ въ обратный путь, съ

вербами въ рукахъ; за нею везли цвѣточную вербу; патріаршіе пѣвчіе пѣли молитвословіе. Царь, поддерживаемый ближними боярами, велъ за конецъ повода осля; избранный бояринъ держалъ поводъ за средину, подъ устцы же вели осля дьяки. По сторонамъ процессіи тѣснился народъ, котораго патріархъ осѣнялъ крестомъ, протодіаконъ кропилъ св. водой на всѣ стороны. Подъѣхавъ къ Спасскимъ воротамъ, патріархъ, предъ образами Спасителя и Богоматери, написанными на воротахъ, останавливался и читалъ литію и молитву городу. (*) Въ это время раздавался колокольный звонъ, какъ въ Кремлѣ, такъ и по всей Москвѣ. Патріархъ, прибывъ къ Успенскому собору, сходилъ съ осляти, вступалъ въ храмъ, принималъ у царя ваію и совершалъ съ нимъ обрядъ цѣлованія. Совершалась литургія, по окончаніи которой царь шествовалъ во дворецъ, а патріархъ въ свой покой. Праздничный столъ, въ этотъ день, для главныхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ давалъ патріархъ въ Крестовой палатѣ, а къ царю и ко всему семейству его посылалъ онъ кушанья и кубки съ виномъ во дворецъ; отъ патріарха же шло угощеніе всѣмъ, участвовавшимъ въ ходу должностнымъ лицамъ и дѣтямъ стрѣльцовъ, устилавшимъ путь; которыхъ, сверхъ того, онъ одѣлялъ деньгами. (**)

Тогда было слѣдующее обыкновеніе между народомъ: возвратясь изъ церкви по освященіи вербы домой, всѣ другъ друга легонько *стебали* (ударяли), приговаривая: *не я бью, верба бьетъ* (***), а кто просыпалъ заутреню, того *стебали* посильнѣе, тоже съ приговоркою: *верба хлесъ, бей до слезъ!* Нѣкоторые, по повѣрью, съѣдали девять шишечекъ (сережекъ) съ освященной вербы, считая это предохранительнымъ средствомъ противъ лихорадки.

Гулянье и катанье въ экипажахъ на Красной площади, также покупки для дѣтей *вербы изукрашенной*, получили начало около половины прошедшаго столѣтія. До 30-хъ годовъ уборкой вербы и дѣланіемъ на нея цвѣтовъ и дутыхъ восковыхъ плодовъ занимались

(*) Олеарій.
(**) *Домашній бытъ русскихъ царей* И. Забѣлина.
(***) *Вѣстникъ Европы* 1828.

преимущественно монахини и бѣлицы Вознесенскаго монастыря. Внутри этой обители было второе гулянье: по двору монастыря и по террасамъ его, около келій, прохаживался народъ, смотрѣлъ на выставку искусственныхъ цвѣтовъ, опушенныхъ зеленью, красиво собранныхъ букетами и гирляндами, и покупалъ ихъ у монахинь. Въ настоящее время гулянье внутри монастыря не допускается.

По старинному повѣрью, освященная верба имѣетъ значеніе еще въ слѣдующемъ отношеніи: 23-го апрѣля празднуется *Юрьевъ день* или день св. Георгія; (*) у сѣверныхъ народовъ, съ незапамятныхъ временъ, вошло въ обыкновеніе праздновать наступленіе весны съ этого времени. У деревенскихъ жителей день Св. Георгія имѣетъ такое же значеніе, какъ у жителей столицъ 1-е мая; весенній Юрьевъ день извѣстенъ подъ именемъ праздника пастуховъ и земледѣльцевъ. (**) Еще съ ранней зари, 23-го апрѣля, пастухи играютъ на рожкахъ, вызывая коровъ и прочую скотину на поля, а дѣвицы-молодицы наряжаются и собираются въ хороводы; между тѣмъ на *студенцахъ* (колодцахъ), на самородныхъ ключахъ, служатъ молебны, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершаютъ крестный ходъ вокругъ селъ и полей и молятся о томъ, чтобъ уродился *ячмень усатый* и *пшеничка колосистая*. Послѣ этого, бабы, освященными вербами, выгоняютъ скотину въ поле на *юрьеву росу*. Пастуховъ угощаютъ яйцами и молокомъ, и они, разложивъ на

(*) Св. Георгій, *утвердитель православія, поборникъ христолюбивому воинству и плѣнныхъ освободитель*, былъ родомъ изъ Каппадокіи; онъ считается покровителемъ и защитникомъ земледѣлія и стадъ. Св. Георгій извѣстенъ также убіеніемъ страшнаго дракона (въ Ливіи) и спасеніемъ отъ него дѣвицы, обреченной ему въ жертву; Св. Георгій на старинномъ русскомъ гербѣ изображается на конѣ съ копіемъ въ рукѣ, поражающимъ *змія чермна*, который извивается у ногъ его коня.

(**) Есть и осенній *Юрьевъ день*, также праздникъ пастуховъ и земледѣлія. Оба Юрьевы дня замѣчательны тѣмъ, что въ это время посадскіе люди пріѣзжали *ставиться къ суду* въ Москвѣ, и эти дни были срокомъ перехода поселянъ отъ одного помѣщика къ другому; весной начало, а осенью бываетъ окончаніе полевыхъ работъ въ Юрьевы дни.

полѣ огонекъ, готовятъ себѣ *яичню*. Въ простонародіи такое повѣрье, что если скотина въ этотъ день выгнана въ поле, и выгнана освященною вербою, то хозяева ея уже вполнѣ увѣрены въ ея безопасности: (*) ни волкъ ее не зарѣжетъ, ни коровья смерть не подберетъ *до послѣдняго хвоста*.

Въ заключеніе скажемъ, что старинныя гулянья въ Вербную субботу много утратили свой характеръ; встарину на лобномъ мѣстѣ и около Вознесенскаго монастыря продавали только искусственную вербу, хотя не изящно, но ярко и пестро изукрашенную, да еще восковыхъ, пухлыхъ, такъ-называемыхъ: *лукошныхъ херувимовъ*. Тогда около кремлевской стѣны лѣпились непригляднын лавочки съ разною рухлядью, представлявшія своего рода ежедневный базаръ, но это было не *шатровое* гулянье, а вполнѣ *трезвое*: у всѣхъ были въ памяти великіе, грядущіе *страстные* дни....

(*) Если сомнѣваются о человѣкѣ слабаго здоровья, чтобъ онъ дожилъ до весны, то говорятъ: *врядъ ли ему выйдти на юрьеву росу; видно ему въ поляхъ не гулять, цвѣтовъ не видать, росы не топтать. Вѣстникъ Европы* 1828.

СВЯТАЯ НЕДѢЛЯ ВЪ СТАРИНУ

[великдень].

Весна и Святая недѣля, двѣ годовыя эпохи, по времени совпадаютъ. Предки наши вполнѣ были увѣрены, что въ Свѣтлое Воскресенье вспышка утренней зари на востокѣ небосклона бываетъ краснѣе, розовѣе, нежели въ обыкновенные дни, и что солнце, при восхожденіи своемъ, *трепещется* (въ простонародіи говорятъ: *солнышко играетъ*). Въ старину многіе въ этотъ день ранымъ-рано взлѣзали на колокольни, на горы и вообще на высокія мѣста, чтобы смотрѣть оттуда на это чудное явленіе. Наканунѣ великаго дня цари русскіе посѣщали узниковъ и призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ и раздавали имъ щедрую милостыню; потомъ заходили они въ царскую усыпальницу, въ Архангельскій соборъ, поклониться гробамъ своихъ предковъ. Полунощницу слушали они въ хоромахъ своихъ, но лишь только раздавался призывный, полунощный, торжественный колоколъ, они отправлялись въ Успенскій соборъ, гдѣ совершалась утреня съ большимъ благолѣпіемъ и парадомъ, храмъ горѣлъ огнями, золотомъ и драгоцѣнными, самоцвѣтными камнями: на иконостасѣ, на иконахъ, на ризахъ священнослужителей, на самомъ царѣ и на его придворныхъ. Послѣ возглашенія *Христосъ Воскресе!* цари прикладывались къ мѣстнымъ иконамъ и христосовались съ духовенствомъ; ближнихъ бояръ своихъ они жаловали къ рукѣ и раздавали имъ разныя яица: гусиныя, утиныя, куриныя и точеныя деревянныя, росписанныя по золоту яркими красками въ узоръ или цвѣт-

ными травами (*). По окончаніи заутрени, цари ходили прикладываться къ мощамъ и христосоваться съ своими предками, кланяясь доземно ихъ гробницамъ. Раннюю обѣдню слушали они въ дворцовой церкви, а позднюю опять въ Успенскомъ соборѣ. По совершеніи всѣхъ молебствій, цари принимали у себя патріарха и разныхъ чиновъ-поздравителей, въ сопровожденіи которыхъ отправлялись привѣтствовать царицу въ золотую палату. Въ этотъ же день посѣщали цари *застѣнки* (тюрьмы) (**), больницы и богадѣльни, плѣнныхъ иностранцевъ и колодниковъ: *Христосъ воскресъ и для васъ*, говорили они имъ, надѣляя ихъ одеждою, деньгами и пищей (***). Вообще Свѣтлую недѣлю посвящали наши цари и царицы богомолью, по ближнимъ и дальнимъ монастырямъ, и щедрой раздачѣ милостыни немощнымъ и увѣчнымъ. Въ пятницу на Святой Недѣлѣ отправлялись они въ Новодѣвичій монастырь, около котораго изстари, послѣ крестнаго хода, въ этотъ день бывало многолюдное гулянье; на та-

---

(*) Приготовленіемъ такихъ яицъ занимались пекари, иконописцы, травщики оружейной палаты и монахи Троицко-Сергіевой Лавры (*Домашній бытъ русскихъ царей.* Ив. Забѣлина). Замѣтимъ кстати, что обычай дарить, въ день Воскресенія Христова украшенными и расцвѣченными яицами, очень древенъ; нѣкоторые историки относятъ начало этого обычая ко временамъ апостольскимъ. Въ слѣдующіе затѣмъ вѣка онъ распространился по всему христіанскому міру. Эти подарки сдѣлались изящною роскошью; вмѣсто обыкновенныхъ яицъ появились металлическія, стеклянныя, фарфоровыя, сахарныя, картонныя и восковыя, растворчатыя, убранныя блестками и канителью, даже зеркальныя яица, заключающія въ нѣдрахъ своихъ различныя лѣпныя изображенія, относящіяся до страстей Христовыхъ и собственно до Воскресенія Его, съ разными приличными тому надписями и обстановкою. Роскошь дорогихъ яицъ дѣлалась даже излишнею. Приготовленіе подобныхъ яицъ перенято нами у католиковъ, которые такъ щедры на эффектъ. У насъ собственно христовоскресное яичко есть красное, означающее радость, веселіе; для окрашиванія его употребляютъ сандалъ, луковыя перья, разноцвѣтный шелкъ (подъ мраморъ), издерганные лоскутки разныхъ тканей и пр. У древнихъ Египтянъ и Персіянъ яица были эмблемою сотворенія міра.

(**) Находившіяся близъ Спасскихъ воротъ въ Кремлѣ.

(***) По свидѣтельству Карамзина.

мошнемъ обширномъ полѣ разбивали тогда для нихъ блестящіе парчевые шатры.

Въ простонародіи никто не ложился спать въ ночь, предшествующую Великому дню; нѣсколько человѣкъ изъ семейства шли къ заутренѣ, оставшіеся же дома молились, довершали свои приготовленія къ празднику и съ нетерпѣніемъ ожидали, пока возвратившіеся изъ церкви громко возгласятъ имъ: *Христосъ воскресъ!* Послѣ обычнаго разговѣнья, кто пѣлъ *великоденныя* пѣсни, кто каталъ яица на лубкахъ, предъ разостланнымъ ковромъ, кто игралъ въ *битки*, обѣдали всѣ очень рано и ложились отдыхать. Проснувшись, шли непремѣнно къ вечернѣ. Во многихъ домахъ весь этотъ порядокъ совершается и нынѣ. Въ Бѣлоруссіи и въ сопредѣльныхъ съ нею странахъ, въ этотъ день вечеромъ собирается компанія изъ однихъ мужчинъ, избираетъ себѣ изъ среды своей предводителя, знающаго хорошо всѣ великоденныя пѣсни, въ числѣ сборной компаніи находится и музыкантъ, скрипачъ или дударь (*), и отправляются подъ именемъ *волочебниковъ* пѣть хвалебныя пѣсни Воскресенію Христову, по домамъ. Они въ горницу не входятъ, а поютъ подъ окномъ; послѣ поютъ они привѣтственныя пѣсни хозяевамъ, величаютъ устройство ихъ дома, его порядокъ, обиліе и возвѣщаютъ имъ благодать Божію, упоминаютъ о покровительствѣ небесъ, о томъ, что Св. Юрій спасаетъ ихъ коровъ, Св. Николай коней (**), Св. Илія зажинаетъ жито, Пречистая Матерь засѣваетъ, Покровъ собираетъ и т. д. Пѣвцовъ подчуютъ водкой, куличомъ, пасхою, красными яицами, и даютъ имъ, всякій по своимъ средствамъ, денегъ. Это лѣтніе колядовщики, славленники Христа (***).

Теперь посмотримъ собственно на дѣдовскія времена, не на глубокую древность, а на времена екатерининскія, когда у насъ болѣе

(*) Дуда—музыкальный инструментъ, на подобіе волынки, состоящій изъ кожанаго мѣха цилиндрической формы.

(**) *Никольщина* (9-го мая) покровительствующая конюхамъ, которые вечеромъ въ этотъ день ѣдутъ на ночлегъ съ лошадьми въ поле и цѣлую ночь гуляютъ тамъ.

(***) Ст. бѣлорусскаго уроженца, напечатанная въ *Московскомъ Историческомъ Обществѣ* 1828 года.

начали измѣняться старинные патріархальные нравы и прививаться чужеземные, когда у насъ *мода* основала свое владычество. И прежде и въ наше время употребляютъ выраженіе: *до праздника* и *послѣ праздника*, какъ бы раздѣляя этимъ годъ на періоды; надобно дополнить еще: *предъ праздникомъ*. Въ тѣ блаженныя времена чуть ли не больше было заботъ и хлопотъ въ это время, особенно въ высшихъ слояхъ общества. *Суета суетъ!* Всегда она двигала и двигаетъ волею человѣка; эти магическія слова были вырѣзаны еще на рубиновой печати Соломона. Всегда и вездѣ человѣкъ жилъ и живетъ своими пятью чувствами. Въ наше время какъ-то всѣ касты народы стушевались, трудно различить одну отъ другой; у всѣхъ почти одинакіе костюмы, бороды и бородки, тѣ же нужды и ощущенія, тѣ же надежды и лишенія. Тогдашніе нравы изображаютъ разныя періодическія изданія семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Можетъ быть, тамъ что нибудь и преувеличено, но найдется и большая доля достовѣрнаго; характеристика того времени не безъинтересна для насъ въ изображеніи свѣтлаго праздника прошлыхъ годовъ. Въ тѣ времена народныя сословія рѣзко отличались между собою, напримѣръ: барство представлялось въ раззолоченныхъ палатахъ, а внѣ ихъ, влекомое шестеркою кровныхъ, одномастныхъ лошадей, облеченное въ пышные кафтаны, сверкающіе блесками, а дамы вѣчно цвѣтущія подъ слоемъ румянъ, съ каскадомъ волосъ на головѣ, затянутыя, длиннохвостыя, какъ зловѣщія кометы; доктора, особенно иностранные, въ черномъ платьѣ, въ большихъ парикахъ, *со шлюпкомъ* на головѣ (мягкія складныя шляпы); купцы и мѣщане съ лопатообразными бородами, въ кафтанахъ со сборами, въ тумбообразныхъ шапкахъ, а жены ихъ въ старовѣрческихъ шубкахъ съ махровыми головками или въ платочкахъ, повязанныхъ корабликомъ, чернозубыя, съ пальцами, унизанными кольцами до ногтей. Мѣщане и купцы во всѣхъ отношеніяхъ тѣсно сплочены были между собою до 1782 г., когда имъ даны были нѣкоторыя привиллегіи по гильдіямъ. *Подъячіе или приказные мастера*, имѣвшіе классные чины, ходили въ формѣ, въ погрузительныхъ трех-угольныхъ шляпахъ (въ родѣ похоронныхъ факельщиковъ) осо-

бенно при императорѣ Павлѣ, а подмастерья ихъ: копiисты, канцеляристы и проч. носили фризовыя шинели или чуйки, подпоясанныя суконными покромками (*). Что касается до крестьянъ (**), то они мало измѣнили свой костюмъ (выключая подмосковныхъ франтовъ); тогда они почти всѣ ходили въ *липовыхъ сапогахъ*, то-есть въ лаптяхъ.

Предпраздничное время, для господъ высшаго общества, обоего пола, было самое суетливое; и тогда уже иностранные легiоны, алчущiе русскаго золота, чуткiе къ нему, имѣли свою колонiю на Кузнецкомъ мосту и на большихъ улицахъ, и тогда уже печатали они зазывательныя, искусительныя объявленiя о своихъ баснословныхъ товарахъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, и тогда уже говорили юмористы, что привязанность русскихъ къ иностранцамъ лишила Парижъ половины слугъ. Многiе тогда бросались за модными обновами во всѣ стороны: сперва прiѣзжали въ ряды, но русскiй товаръ былъ не по вкусу имъ; туда съѣзжались болѣе, какъ на гулянье, потому что на страстной недѣлѣ были закрыты всѣ увеселительныя мѣста. Изъ рядовъ мчались экипажи въ англiйскую лавку, или къ армянамъ и жидамъ, которые могли достать то, чего и во всемъ мiрѣ нѣтъ; оттуда къ модисткамъ, косметикамъ, волосочесамъ и портнымъ.

Въ ридикюляхъ тогдашнихъ франтихъ или въ карманѣ образцоваго щеголя находились длинные реестры покупокъ. Имъ нужно было напримѣръ: тюрбанъ новѣйшей архитектуры, золотыя дамскiя перья и колосья, перчатки, съ вытѣсненными на нихъ разными фигурами, сердцами и амурами, новомодной вязки высокiя мужскiя шляпы, для которыхъ требовались и высокiя кареты, такiя, чтобы, сидя въ нихъ, можно было говорить съ живущими во второмъ этажѣ (наравнѣ съ балкономъ); галстуки, шитые разноцвѣтною бумагой, пу-

(*) Остатки ихъ проявлялись еще и въ текущемъ столѣтiи, у Воскресенскихъ воротъ; тамъ, въ ожиданiи требованiя написать просьбу, стояли они во всеоружiи своемъ: съ перомъ, съ чернилицей и съ бумагой, простой и гербовой.

(**) Тогда назывались они *подлый народъ*.

говочки шишечками, блинами, печными вьюшками, дамскіе казимировые сюртуки, дамскіе картузы, дамскіе жилеты съ широкимъ *запахомъ*, розовые капуцины, палевыя, красныя, полосатыя и змѣйчатыя сукна на кафтаны и на *чинчиры* (исподнее платье), молодильную мазь и пр. и пр.

Сверхъ того, инымъ надобно было купить бисквитъ для попугаевъ, яицъ съ сюрпризами, съѣздить къ зубодергу за перламутровыми зубами, нанять нѣмку-няньку, которая бы умѣла ходить за дѣтьми и за болонками, чтобъ дѣтямъ она разсказывала сказки, а болонокъ мыла и расчесывала; надобно было выписать изъ Парижа куклу, одѣтую по послѣдней модѣ, которую бы всюду можно было возить съ собою въ ящикѣ напоказъ и т. д. Разумѣется, подобное обличеніе относилось только къ *нѣкоторымъ*, а эти *нѣкоторые* дѣйствительно существовали и существуютъ.

Среднiй классъ народа, въ особенности купцы (*), также не были праздны, въ ожиданіи великаго дня. Извѣстно, что у насъ въ Россіи не ожидаютъ ни одного праздника съ такимъ благоговѣніемъ и торжествомъ, какъ Воскресенія Христова. И вотъ, во всѣхъ хозяйливыхъ зажиточныхъ домахъ, *къ празднику*, затирали, такъ-называемые, *мартовскіе* квасы, пѣнистую брагу, варили *липецъ* (медъ, настоящее текущее золото), густое бархатное пиво; шло крашеніе яицъ, жаренье, печенье на широкую руку, почти все изъ доморощенныхъ продуктовъ; лавки, полки, столы и лежанки уставлены были пирамидами разноцвѣтныхъ яицъ, розовыми окороками, пышными куличами и пасхами—все въ жертву чревоугодія. Но при всѣхъ этихъ суетахъ и хлопотахъ, первая честь воздавалась иконамъ. Еще съ начала страстной недѣли, кивоты и ризы образовъ заботливо обметали отъ пыли, чистили ихъ, чтобъ они горѣли какъ жаръ, обставляли ихъ свѣжими вербами, увѣнчивали цвѣтами, озаряли лампадными огнями. Иные братолюбивые христіане возили груды калачей, саекъ, витушекъ и баранокъ въ острогъ и въ яму, вы-

(*) Тогда всѣхъ, неодѣтыхъ въ нѣмецкое платье, называли *Русскими*.

купали многихъ должниковъ изъ послѣдней (*) и щедро одѣляли колодниковъ деньгами. Другіе у себя на дому одѣляли нищую братію разными съѣстными припасами, *разговѣться въ радости и святости*, предпочитая болѣе увѣчныхъ до безобразія и немощныхъ *лежанокъ*. Иные же за особую честь и счастіе вмѣняли себѣ, если къ нимъ приходили въ это время, такъ-называемые, *блаженные*, юродивые, косматые, босые, трясучки, хромые, подпоясанные вервіемъ, съ толстыми посохами въ рукахъ.

Наставалъ канунъ Великаго дня, и во многихъ чинныхъ, богатыхъ домахъ очагъ превращался въ горнъ, гдѣ раскаляли припекальные щипцы до тѣхъ поръ, пока у всѣхъ поклонниковъ и поклонницъ моды не закорючивались крючкомъ или штопоромъ виски; серебристыя бумажки или папильйотки на головѣ коптились, дымились, чуть не пылая, но пылъ ихъ тотчасъ унимали слоемъ помады и пудры (мѣсили тѣсто на головѣ). Дѣвицы убирали свои головы флеровыми бесѣдочками, женщины подобіемъ заливныхъ трубъ и винныхъ боченковъ. Тогда важную роль играли еще мушки. Вотъ образецъ сатирическихъ стиховъ того времени на присяжныхъ исполнительницъ моды:

«Въ день праздничный онѣ не думаютъ о томъ,
Чтобъ небу угодить и сердцемъ и умомъ;
Но только ото сна взглянувъ на свѣтъ очами,
Во-первыхъ: мажутся пахучими водами,
Гнутъ волосы въ крючки и—чудный тутъ манеръ:
Премножество кудрей узришь различныхъ мѣръ.
Природа никогда такою не бывала,
Чтобъ чуднымъ образомъ виски намъ завивала;
Обычай правда есть, и къ пользѣ онъ намъ данъ,
Однако не такой, чтобъ сдѣлался баранъ —
Изъ умнаго изъ всѣхъ въ природѣ человѣка
Того не слыхано, донынѣ и отъ вѣка.

(*) По преданію, предъ большими праздниками, нѣкоторые нарочно садились въ яму, чтобы ихъ выкупали оттуда или тамъ одѣляли деньгами.

Потомъ касаются сурмилами къ бровямъ,
Румянъ и горсть бѣлилъ бросаютъ по щекамъ,
Сердечки изъ тафты желѣзомъ выбиваютъ,
И послѣ на лицо для моды прилѣпляютъ.»

И тогда еще говорили: «а все нѣмцы выдумали, они изъ болотной тины составляютъ бирюзу, изъ вербы дѣлаютъ муфты, изъ паутины чулки, изъ икры варенье, изъ грибовъ пастилу.» Къ этому бы надо прибавить: а изъ вѣтрености и изъ тщеславія нашихъ земляковъ они выковываютъ деньги. Есть преданіе, что нѣкоторыя щеголихи очень сожалѣли о томъ, что нельзя послать голову свою въ Парижъ для уборки.

Послѣ обѣдни нѣкоторые дѣлали свои обычные, пышные, парадные визиты, или принимали поздравителей у себя, а въ среднемъ классѣ, болѣе въ простонародіи, послѣ ранняго обѣда, богатырски спали, нѣкоторые же отправлялись, какъ въ первый день праздника, такъ и въ продолженіе всей Святой недѣли, при торжественномъ *красномъ* колокольномъ звонѣ, въ Кремль, въ соборы, на поклоненіе святымъ мощамъ, взбирались на Ивановскую колокольню смотрѣть на панораму Москвы, оттуда отправлялись къ Спасскому мосту, или къ оградѣ Казанскаго собора, на Никольской, или на Варварскій и Ильинскій перекрестки, или въ холщевые и квасные ряды, поглазѣть на лубочныя картины, цвѣтно и ярко размалеванныя вохрой и сурикомъ, нарочно вывѣшенныя для праздника и изображавшія: *Страшный судъ, Судъ царя Соломона, Гору Синай, Семь смертныхъ грѣховъ, Езоповы притчи, Сотвореніе міра, Изгнаніе изъ рая Адама и Евы, Избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ, Распятіе Іисуса Христа, съ изображеніемъ Его страстей, смерти и воскресенія, Притчу о блудномъ сынѣ, Лицевой Апокалипсисъ, Лазарей: убогаго и бѣднаго, Борьбу ангеловъ съ духами злобы, Чорта, ѣдущаго верхомъ на пьяницѣ, Нераскаянную грѣшницу, влекомую огненнымъ дракономъ* и пр. пр. т. п. (*).

(*) До того времени лубочныя картины (листы) развѣшивались на Срѣтенкѣ, у Троицы *на Листахъ*, около Сухаревой башни, гдѣ была

Въ продолженіе Святой недѣли, по древнему обыкновенію, отцы и матери приходили съ помолвленными дочерьми своими въ Кремль, къ собору Николы Гостунскаго (*), служили ему молебенъ и записывали имена въ книгу, хранившуюся при соборѣ, какъ бы поручая помолвленныхъ заступленію угодника Божія (**). Тогда много находилось охотниковъ *звонить во всѣ* на колокольняхъ приходскихъ церквей, а на монастыряхъ церквей катали яица, играли ими въ битки, пощелкивали орѣхи, дѣвушки скакали на доскахъ, ребятишки играли въ бабки, а взрослые въ свайку и въ чехарду. Во многихъ мѣстахъ слышалось скрипѣнье качелей, женскій визгъ, звуки балалаекъ (на щипокъ), заливныя пѣсни, христовоскресное чмоканье. Скорлупа орѣховая и яичная застилала мощеныя и немощеныя улицы.

граница Москвы; за ней уже начиналось пригородье, Переяславская слобода; печатались эти листы у церкви Успенья, названнаго *Печатниками.*

(*) Онъ построенъ былъ на Ордынскомъ подворьѣ, которое переведено было изъ Кремля въ Замоскворѣчье, ходатайствомъ предъ женою хана, великою княгинею Софіею Ѳоминишною, посредствомъ даровъ. На развалинахъ подворья сперва выстроена была деревянная церковь, во имя *Николы Льняваго*, образъ котораго перенесенъ въ Москву съ рѣки Гостуни; въ началѣ XVI ст. великій князь Василій Іоанновичъ, вмѣсто деревянной, соорудилъ каменную церковь. Въ 1816 г. для распространенія Кремлевской площади, Гостунскій соборъ, раззоренный непріятелями (въ 1812 г.), былъ уничтоженъ, и чудотворная икона святителя перенесена въ придѣлъ, находящійся при церкви Іоанна Лѣствичника, въ Ивановской колокольнѣ. Очевидцы разказываютъ, что при этомъ перенесеніи народъ провожалъ икону со слезами и рыданіями. Есть преданіе, что и Петръ I, отправляясь въ походы, служилъ молебенъ въ Гостунскомъ соборѣ; императрица Елисавета также имѣла особое усердіе къ *Николѣ Льняному. Отечественныя Записки* 1822 г.

(**) Изъ описанія жизни и чудесъ этого святителя извѣстно, что онъ помогъ однимъ бѣднымъ родителямъ выдать замужъ ихъ дочерей, которыхъ крайняя бѣдность могла бы довести до преступленія; это, вѣроятно, было поводомъ къ тому, что московскіе жители просили благословенія у Св. Николая, на соединяющуюся бракомъ чету. *Житіе Св. Николая (подъ 6-мъ числомъ декабря) въ Четьѣ-Минеѣ.*

Но самое главное, шумное и людное гулянье съ давнихъ временъ было *подъ Новинскимъ;* прежде это гулянье было тамъ не такъ вычурно обставлено, какъ въ наше время: лишь съ 1820 г. средину улицы обнесли перилами и начали строить тамъ фигурные балаганы съ цвѣтными флагами и пестрыми стѣнами. Прежде тамъ находились небольшія, простыя, *лубочныя* комедіи, окруженныя качелями разныхъ формъ и каруселями, между которыми непремѣнно высился парусный колоколъ или кружало, по-просту кабакъ, съ водруженною надъ входомъ его символическою елкою. Тогдашнюю новинскую стройку для гулянья называли: *городокъ скороспѣлка;* урочище Новинское названо такъ потому, что близъ него, въ переулкѣ, недалеко отъ Смоленскаго рынка, около Москвы-рѣки, встарину находился монастырь, называемый *Навинскимъ*, по имени храма во имя Іисуса Навина (нынѣ уничтоженный).

И тогда подъ Новинскимъ волновалась пестрая панорама гулянья, и тянулись въ два ряда экипажи, цугомъ и четвернею — барскіе-дворянскіе, а парой – купеческіе. (Подвижные ложи). И что за кареты были тогда, широкія, высокія, съ огромными колесами, какъ у мукомольныхъ мельницъ; въ иную карету набивалось цѣлое семейство съ приживалками, съ арапками, съ калмычками-фаворитками и съ коллекціей мосекъ; стѣны каретъ внутри были шелковыя, яркихъ цвѣтовъ, а снаружи были расписаны золотомъ, блестѣли въ лучахъ, съ гранеными англійскими стеклами. Тогда въ комедіяхъ или *позорищахъ* были не изящныя представленія; тамъ дѣйствующія лица ходили колесомъ, кувыркались, носили шестъ на лбу или на носу, перекидывали шары и тарелки, скакали стоя и лежа на лошадяхъ, влетали въ обручи; тамъ показывали китайскія тѣни, являлись фокусники-морочилы, чревовѣщатели, ѣдуны огня и кипящей пакли, люди — диво, взятые на прокатъ съ того свѣта, восковыя куклы, моржи въ бочкѣ, зайцы, бьющіе въ барабанъ, звѣринцы изъ раскрашенныхъ собакъ и кошекъ, верблюды и дромадеры (въ особыхъ палаткахъ), цыганскіе плясуны, обезьяны въ мундирахъ, русскіе пѣсельники, кукольныя и собачьи комедіи, представлявшія живыя каррикатуры тогдашнихъ модныхъ костю-

мовъ; тамъ звѣрки, наряженные въ фижмы и робронты, съ аршинными прическами, танцовали подъ канареечный органъ минуэтъ на заднихъ лапкахъ. Паяцы, на балконахъ комедій, являлись въ войлочныхъ колпакахъ, въ горячечныхъ рубашкахъ, въ турецкихъ широкихъ шароварахъ, съ пеньковою бородой, съ одною щекой на румяненною, а съ другою выпачканною сажей. Они хотя и грубо, но досыта тѣшили невзыскательпыхъ зрителей своими не совсѣмъ деликатными поговорочками; тогда за смѣхомъ за море не ѣздили; по большей части было все свое, доморощенное (*).

На балконахъ лубочныхъ комедій сборная музыка весело дребезжала плясовыя пѣсни, а подпившіе гуляки протяжно запѣвали свои, заунывныя; качели высоко взмахивались и скрипѣли, а сидѣвшіе въ нихъ дружныя пары съ гудками, съ свистками, съ дудками и свиристелками, пѣли каждый свою пѣснь и ныряли въ воздухѣ. Смѣшеніе всѣхъ этихъ звуковъ раздирательно дѣйствовало на слуховой органъ, но что кому за дѣло! тогда на алтынъ (три копѣйки ассигнаціи) можно было вдоволь нагуляться и напотѣшиться; поэтому многіе оттуда не доходили домой, иные кротко покоились на улицѣ мостовой, нѣжно обнимая тумбу, другіе имѣли безплатный ночлегъ въ съѣзжемъ домѣ, гдѣ, по тогдашнему обыкновенію, на другой день, принявъ порцію костоломныхъ увѣщаній, они, встряхнувшись, спокойно отправлялись восвояси, или опять въ какое-нибудь увеселительное заведеніе, и послѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, опять готовы были на разные геройскіе подвиги... Въ пятницу на Святой недѣлѣ, послѣ крестнаго хода, было парадное катанье и большое гулянье подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ.

Пожилые купцы на Святой недѣлѣ вели свои годовые счеты: это былъ ихъ новый *коммерческій* годъ (**); двѣ праздничныя не-

---

(*) Послѣ введенія въ Россіи паровозовъ, принадлежащихъ уже къ нашему времени, подъ Новинскимъ появились самокаты съ подписью: «Желѣзная дорога, *изобрѣтенная купцомъ Карташевымъ*».

(**) Ѳоминъ понедѣльникъ есть *починъ* торговли, слѣдовательно *дешевый* понедѣльникъ; по древнему торговому обычаю, на починѣ торга не должно упускать *перваго* покупщика, хотя бы продать и безъ барыша.

дѣли употреблялись на сведеніе счетовъ, что по большей части соблюдается и теперь.

Но не всѣ такъ тѣшились и веселились на Святой недѣлѣ. Богомольные старички и старушки, у себя въ образной, перебирая четки, били земные поклоны; многіе ходили на кладбище, на эту *ниву Божью*, христосоваться съ почившими. Какая разительная противоположность! По городу шумъ, гамъ, трескотня экипажей, взрывы хохота, пронзительныя восклицанія, разгульныя пѣсни,—а на кладбищѣ плачъ, стонъ, разныя причитанья, или, порой, царитъ тамъ тишина: самая глубокая грусть беззвучна. Тамъ видно только мельканье крестовъ и памятниковъ, свѣжія насыпи могилъ, а на нихъ цвѣты, первенцы весны, разсыпанные чьею-нибудь рукой; иногда слышится тамъ еще шелестъ распускающихся вѣтвей на деревьяхъ, шелохнутыхъ набѣгомъ вѣтра, или встрепенется чуткая птичка въ кустахъ—и опять глубокое затишье, и вотъ опять гдѣ-то вдалекѣ раздается умилительное, протяжное пѣніе заупокойной молитвы, съ отраднымъ изреченіемъ: *Христосъ воскресе....*

МѢСЯЦЪ МАЙ,

ЗНАЧЕНІЕ ЕГО, ВСТРѢЧА МАЯ У ДРЕВНИХЪ НАРОДОВЪ, РАЗНЫЯ ГУЛЯНЬЯ И УВЕСЕЛЕНІЯ; ОБРЯДЪ НАКАЗАНІЯ МУЖЕЙ, БИТЫХЪ ЖЕНАМИ; ПРАЗДНОВАНІЕ МАЯ У СЛАВЯНЪ И ВООБЩЕ ВЪ РОССІИ; СОКОЛЬНИКИ.

Маій (majus) или *Май*, слово латинское; это названіе дано было Ромуломъ третьему, по его календарю, мѣсяцу въ году, (*) въ память раздѣленія народа на старшихъ (majores), а слѣдующій за нимъ мѣсяцъ *Юній* (junius), въ честь юношей или младшихъ (in honore juniorum). Другіе производятъ это названіе отъ *Маи*, доброй богини фантомовъ, призраковъ (bona dea), также (по мнѣнію Авзона) отъ *Маи*, дочери Атласа, матери Меркурія, проводника душъ усопшихъ; поэтому слово Majores значитъ еще *предки*, ибо въ этомъ мѣсяцѣ отправлялись у римлянъ празднества, называемыя *Лемуріи*, (Лемуры, тѣни умершихъ, которыя, по мнѣнію народному, являлись ночью); во время этихъ празднествъ всѣ храмы римлянъ были заперты. Слово: *Майя* значится еще въ Индійской миѳологіи, въ переводѣ—*мать природы*. Мѣсяцъ май былъ подъ покровительствомъ Аполлона.

(*) Сначала 1-й мѣсяцъ въ году считался у римлянъ *Мартъ*, въ честь Марса. Нума Помпилій приказалъ начинать новый годъ съ 1-го Генв., потому что въ исходѣ его начинается въ Италіи весна и солнце входитъ въ знакъ Тельца. *Стар. словотолкователь, изд. 1804.*

По-славянски мѣсяцъ Май называется *травный*, по-малор. *Травень или цвѣтень*, по-польски *Май* (*) по датски и шведски mai maaned (мѣсяцъ дѣвы-луны), у нѣмцевъ въ древности назывался онъ moimonat (радостный) vise-monat—Rosemonat, (луговой, розовой), у древнихъ Саксонцевъ и Англичанъ *троемлечный*, потому что они въ этомъ мѣсяцѣ три раза въ день доили коровъ.

Почти у всѣхъ древнихъ народовъ мѣсяцъ Май посвященъ былъ празднествамъ и увеселеніямъ, (мѣсяцъ наслажденій); перваго Мая римляне обоего пола, рано утромъ, выходили въ поле, съ музыкою, собирать зеленыя вѣтви, которыми украшали они двери у домовъ своихъ родственниковъ и друзей. Въ продолженіе всего этого мѣсяца римляне ходили гулять, встрѣчать весну на берегу Тибра. Они купались въ этой рѣкѣ и обливали другъ-друга водою; а Весталки, въ честь Сатурна, бросали въ нее чучелы изъ тростника; этотъ обрядъ замѣнилъ древнѣйшій варварскій обычай: топить 1-го Мая живыхъ людей. Въ этотъ же день въ Римѣ праздновали память посвященія жертвенника, поставленнаго Сабинцами богамъ Ларамъ; знатныя римлянки 1-го Мая приносили жертву доброй богинѣ (Маѣ) въ домѣ первосвященника, куда воспрещенъ былъ входъ мущинамъ, тамъ даже завѣшивали картины и статуи, представлявшія мущинъ. 26 Мая римляне праздновали Regifugium (царебѣгство), въ воспоминаніе изгнанія Тарквинія Гордаго изъ Рима.

Такъ какъ въ Маѣ мѣсяцѣ происходило еще у римлянъ поминовеніе усопшихъ, то они это время почитали неблагопріятнымъ для свадебъ: Mense Majo malae nubant была у нихъ поговорка, т. е. въ маѣ выходятъ замужъ женщины предосудительнаго поведенія. Объ этомъ говоритъ Овидій въ стихахъ своихъ, это же подтверждаетъ Плутархъ. Во Франціи есть пословица: noces de Mai, noces mortelles (майская свадьба — свадьба смертная). (**) И у насъ въ Россіи есть повѣрье, что *«кто въ маѣ женится, тотъ будетъ маяться»* — заблужденіе, перешедшее къ намъ отъ язычниковъ.

(*) У поляковъ издревле Мау означалъ зелень, umaie glave, зн. увѣнчать голову вѣнкомъ.

(**) Картины свѣта Вельтмана, альманахъ на 1836 г.

Римляне представляли Май въ видѣ человѣка среднихъ лѣтъ, одѣтаго въ длинное платье съ широкими рукавами, держащаго въ одной рукѣ корзину, наполненную цвѣтами, а въ другой цвѣтокъ, ароматъ котораго вдыхаетъ онъ въ себя; подлѣ него павлинъ — какъ изображеніе разнообразныхъ цвѣтовъ, покрывающихъ поля въ этомъ мѣсяцѣ. Послѣ стали изображать Май въ видѣ прекраснаго юноши, одѣтаго въ зеленое платье, увитое гирляндами изъ цвѣтовъ; въ одну руку положили ему зеленую вѣтвь, а въ другую знакъ Близнецовъ (*).

Древніе греки (особенно Аѳиняне) весело праздновали 1-е мая. Нѣкоторые обряды, также и названія мѣсяца, заимствовали они у римлянъ; двери домовъ ихъ украшались цвѣтами и древесными вѣтвями; этотъ день, съ вѣнками на головахъ, встрѣчали они разными увеселеніями, похожими на нашъ Семикъ. (**) Къ числу обрядовъ древнихъ народовъ принадлежитъ еще *танецъ 1-го мая*; онъ былъ живымъ изображеніемъ радости, при встрѣчѣ весны; послѣ превратился онъ въ такое нескромное изображеніе любовныхъ наслажденій, что самъ императоръ Тиверій приказалъ его уничтожить, но послѣ него этотъ танецъ опять возобновился и распространился по всей Италіи, а въ послѣдствіи времени и по всей почти Европѣ (въ среднія времена). Для пляшущей и поющей веселой компаніи накрыты были столы на улицахъ съ обильными и роскошными яствами и питіемъ; къ нимъ молодые люди обоего пола возвращались изъ лѣсовъ съ вѣтвями въ рукахъ. Къ этому времени относятъ начало обыкновенія, въ 1-й день мая, разсаживать предъ воротами домовъ деревья, украшенныя цвѣточными вѣнками; (***) христіане перенесли это обыкновеніе къ Троицыну дню.

Многіе весенніе, лѣтніе и даже зимніе обряды, употребляемые донынѣ, христіане, въ томъ числѣ и русскіе, заимствовали у язычниковъ. Французы, Нѣмцы, Англичане, Шведы и Датчане встрѣ-

(*) Иконолог. словарь.

(**) Русскія простонародныя праздники, Ив. М. Снегирева, 1863 г.

(***) Танцовальный словарь, изд. 1790 г.

чаютъ май также веселымъ и радостнымъ праздникомъ. Въ лѣсахъ или на полянахъ ставятъ они *майское дерево*, увѣнчанное цвѣтами, первенцами весны, и ходятъ около него хороводами, съ пѣснями; въ Германіи и доселѣ въ это время украшаются дома, комнаты и церкви молодыми березками. Тамошніе поселяне, собравшись большою толпою, уѣзжаютъ въ лѣсъ, гдѣ, убравъ шляпы свои зелеными вѣтвями, возвращаются съ веселыми пѣснями въ свои селенія, и возвѣщаютъ, что они привезли *новое лѣто*, послѣ чего начинаются у нихъ разныя игры и пиршества. У Французовъ и Англичанъ отъ этихъ народныхъ собраній произошли собранія *Майскаго поля*, которыя ежегодно назначались въ маѣ Франкскими королями. Въ Испаніи 1-го мая выбираютъ въ каждомъ селеніи лучшую, по красотѣ и нравственности, дѣвушку, одѣваютъ въ бѣлое платье (эмблема невинности) увѣнчиваютъ цвѣтами и сажаютъ ее на зеленый тронъ, также усыпанный цвѣтами; другія дѣвушки, подруги ея, окружатъ ее и поютъ въ честь ея и мая пѣсни, а послѣ дѣлаютъ сборъ для общаго пира. Въ другихъ мѣстахъ избирали изъ среды своей майскихъ Царей и Царицъ и водили ихъ, убранныхъ въ майскіе цвѣты и вѣнки, съ пѣснями по улицамъ.

Суевѣріе, свойственное давнопрошедшимъ временамъ, установило въ Германіи обрядъ зажигать 1-го мая огонь, только не иначе, какъ треніемъ дерева объ дерево; тамъ есть повѣрье, что на высокія горы, (такъ какъ въ Кіевѣ на Лысую гору) наканунѣ 1-го мая собираются вѣдьмы и легіоны другихъ нечистыхъ духовъ совершать свои неистовыя празднества и пиршества. Французы особенно разнообразно торжествовали *Маюму* (*) (Майскій праздникъ). У насъ

(*) Праздникъ *маюмы* упоминается въ кодексѣ римскаго Имп. Ѳеодосія; онъ состоялъ также изъ разныхъ зрѣлищъ и пиршествъ. Имп. Аркадій дозволилъ совершать его съ тѣмъ, чтобы при немъ не было ничего противнаго благонравію, но избалованный римскій народъ, требовавшій, особенно во времена языческія, *хлѣба и зрѣлищъ*, не совсѣмъ отвыкъ отъ своихъ обыкновеній и во времена христіанства, и потому неблагопристойныя дурачества, сопровождавшія *маюму*, продолжались, вопреки верховной власти, до тѣхъ поръ, пока признано было необходимымъ совершенно прекратить его. Magaz. encycloped.

было обыкновеніе въ первый день этого мѣсяца ходить по домамъ и брать пеню съ тѣхъ, кого они заставали на постеляхъ; они захватывали ихъ платья или какую нибудь другую домашнюю вещь и съ хохотомъ убѣгали съ похищеннымъ изъ домовъ, если хозяева не выкупали своихъ вещей. Въ Тулузѣ находится Академія, называющаяся acadeemie des jeux floraux. Еще съ древнихъ временъ въ Тулузу собирались къ 1-му мая Трубадуры пѣть въ честь весны пѣсни своего сочиненія. Старшины капитула разбирали: кому изъ нихъ отдать первенство; лучшій пѣвецъ награждался золотой фіалкой. Людовикъ XIV обратилъ это заведеніе въ академію изящныхъ искуствъ, но сохранилъ нѣкоторые прежніе статуты ея и jeux floraux. До сихъ поръ 1-го мая въ капитулѣ ея раздаются въ награду за поэтическія произведенія золотые и серебряные цвѣты (*).

Но всего замѣчательнѣе во Франціи былъ старинный обрядъ (въ маѣ мѣсяцѣ): *наказаніе мужей, битыхъ женами*; ихъ сажали наословъ и возили по всему городу или селенію. Мужъ, подвергнувшій себя этому страшному и позорному наказанію, не освобождался отъ обыкновенныхъ судебныхъ формъ; сперва собирали на него доносы, потомъ выслушивали свидѣтелей, и ежели преступленіе было доказано, то виновный (кто бы онъ ни былъ), никакъ не могъ избавиться отъ наказанія. Въ Дижонѣ право произносить приговоръ принадлежело женѣ городскаго Мера. Приготовленія къ этому наказанію дѣлались за нѣсколько дней до исполненія приговора; къ этому времени писали сатиры на обвиненнаго и изобрѣтали разныя позорныя насмѣшки надъ нимъ; наконецъ, въ назначенный день, открывалась церемонія, при большомъ стеченіи народа. Обвиненный выѣзжалъ изъ своего дома на ослѣ, сидя лицомъ къ заду его и держа въ рукѣ хвостъ, вмѣсто повода; осла велъ подъ устцы ближайшій сосѣдъ его. Несчастнаго провозили по всѣмъ улицамъ и останавливались на главныхъ площадяхъ, гдѣ около

(*) Картины свѣта.

него составлялся кругъ изъ зрителей; провожатый громогласно объявлялъ народу о причинѣ наказанія, и когда поѣздъ опять тронулся съ мѣста, наказываемаго провожали свистками, упреками и бранью. Наконецъ его отвозили домой съ приличными наставленіями; отсюда уже совѣстно ему было показываться народу долгое время. Если по какой нибудь особенно уважительной причинѣ обвиняемый не могъ лично предстать на подобное позорище, то съ него взыскивали большую пеню на всѣ издержки, потребныя для этого спектакля, или заставляли сосѣда его (вѣроятно по найму) кататься на ослѣ по городу. Верховая ѣзда на ослахъ съ самаго древняго времени почиталась весьма позорною.

Французская *Маюма* изъ невинныхъ юношескихъ забавъ превратилась, въ послѣдствіи времени, также въ самый соблазнительный и безнравственный обрядъ, и потому запрещена была въ XVI вѣкѣ. Послѣдняя *Маюма* и наказаніе мужа, битаго женою, происходила въ Дижонѣ въ 1583 г. Героемъ позорища былъ какой-то главный начальникъ надъ водами и лѣсами; не смотря на чинъ и знатность его и на то, что онъ подавалъ просьбу королю, прося его о защитѣ, преступникъ долженъ былъ претерпѣть установленное наказаніе. Иногда наказывали мужей и за то, что они сами били своихъ женъ. Въ нѣкоторыхъ департаментахъ Франціи, въ маѣ мѣс. поселяне и доселѣ забавляются скаканьемъ на ослахъ, но это уже едва примѣтные остатки старинной *Маюмы* (*).

Славянскія племена также изстари встрѣчали мѣс. май въ поляхъ и въ лѣсахъ, наприм. въ Польшѣ и въ Литвѣ. 1-го мая горожане и поселяне ставили на лугу зеленое дерево, красиво увитое цвѣтными лентами; молодые люди обоего пола выбирали изъ среды своей пригляднучю дѣвушку, надѣвали на голову ея свѣжій зеленый вѣнокъ и обвивали станъ ея березовыми вѣтвями, она представляла собою богиню мая; окружавшіе ея молодцы и парни водили около нея хороводъ, пѣли пѣсни съ припѣвомъ: о Маја, Маја! и плясали около дерева.

(*) Вѣстн. Европы, 1811 г. LIX.

Въ тѣхъ странахъ въ маѣ происходили и школьныя празднества, извѣстныя подъ именемъ recreaciae Majove; въ избранной для того красный день, съ ранней зари раздавшаяся музыка и колокольчикъ сзывали школьниковъ на дворъ училища, откуда они, подъ своими знаменами, стройными рядами, съ музыкой и пѣснями шли за городъ, гдѣ городскіе обыватели или окрестные помѣщики приготовляли для нихъ пиршество на муравѣ; тамъ пировали они и играли въ разныя гимнастическія игры до поздняго вечера, потомъ возвращались домой также съ весенними хоровыми пѣснями и съ музыкой. Этотъ обычай перешелъ изъ Польши и въ южную Россію. (*) Въ бывшей Кіевской академіи студенты, подъ предводительствомъ профессоровъ своихъ, 1-го мая также выходили въ поле играть, пѣть канты и веселиться. Профессору поэзіи вмѣнено было въ обязанность сочинять ежегодно драмы для подобныхъ прогулокъ, другіе учители сочиняли діалоги; иногда они и разыгрывались студентами подъ открытымъ небомъ (**).

Собственно у насъ, въ Великой Россіи, первымъ весеннимъ праздникомъ считался *Юрьевъ* день, (день Св. Георгія побѣдоносца, 23 апр.). Этого Святаго называютъ защитникомъ дѣвицъ и покровителемъ сельскихъ работъ, стадъ и пастуховъ. (***) Это деревенскій праздникъ, но въ большихъ городахъ особенно въ нашихъ столицахъ, встрѣча весны бываетъ 1-го мая также внѣ города; что касается до Москвы, то до временъ Петра Вел. первый весенній религіозный праздникъ былъ въ ней въ недѣлю Ваій, въ Лазареву субботу, когда совершался крестный ходъ изъ Покровскаго собора (Васил. Блаж.) въ Кремль. Загородныя же гулянья начинались съ Семика и Троицына дня, съ завиванья и съ развиванья

(*) Русскіе простон. праздники.

(**) Описаніе Кіевской іерархіи 1825.

(***) Южные славяне: Сербы, Иллирійцы, Долматы и Черногорцы такимъ же образомъ празднуютъ день этого Святаго; на всемъ востокѣ, въ Архипелагѣ и на Черномъ морѣ Греки, Славяне и Турки пускаются въ море не прежде, какъ въ этотъ день.

вѣнковъ. Впрочемъ тогдашнія загородныя мѣста давно вошли уже въ составъ города, наприм. *Дорогомиловская слобода*, гдѣ дѣвушки правили Семикъ на живомъ мосту, бросая зеленые вѣнки въ Москву рѣку, загадывая: куда они поплывутъ или гдѣ остановятся, т. е. въ какомъ мѣстѣ живутъ ихъ суженые и не потонутъ ли ихъ вѣнки, что означало несчастіе.

Первомайское же гулянье началось въ Москвѣ со временъ Петра; оно перенято у иностранцевъ, (*) которые со временъ В. К. Іоанна III-го начали поселяться въ Москвѣ; сперва они жили за Москвою рѣкою и на берегахъ Яузы, а послѣ въ разныхъ частяхъ города; Царь Алекс. Мих. снова переселилъ ихъ къ Яузѣ, въ нынѣшнюю Нѣмецкую слободу, прежде извѣстную подъ финскимъ названіемъ *Кокуй*. (**) Петръ I-й сверхъ того поселилъ близъ Сокольниковъ плѣнныхъ Шведовъ, по сосѣдству съ которыми онъ имѣлъ свой дворецъ, (на берегу Яузы). Иностранцы, болѣе Нѣмцы, воспоминая свой отечественный праздникъ, собирались въ Сокольничью рощу и около нея 1-го мая гуляли и пировали. Петръ неоднократно угощалъ тамъ въ этотъ день нѣмецкихъ мастеровъ; по преданію, на Сокольничьемъ полѣ разставляли палатки и станы для пиршества, почему этотъ обрусѣвшій праздникъ и сохранилъ названіе нѣмецкихъ *становъ или столовъ*.

Одно уже названіе *Сокольники* и *сокольничье поле* даетъ понятіе, что въ окрестностяхъ ихъ жили сокольники, а на полѣ вынашивались соколы и тамъ учреждались охоты. Поле Сокольничье обширно—длиною 800 саж., шириною 330, поперегъ его протекаетъ рѣчка Рыбенка, впадающая въ Яузу. (***) Здѣсь прежде происходили маневры, но самое замѣчательное гулянье, съ даровымъ угощеньемъ для народа тамъ было 1801 г. Сент. 15, въ день коронаціи Имп. Александра 1-го; все пространство Сокол. поля установлено было

(*) Какъ и Рождественская елка.

(**) Записки Карамзина.

(***) Старин. путеводитель по Москвѣ, 1792 г.

длинными столами съ разнымъ кушаньемъ, чанами съ винами; тамъ находились карусели, райки, комедіи, тамъ скрипѣли качели, раздавались веселыя пѣсни, звуки флейтъ, свиристѣлокъ, скрипокъ, дребезжанье барабановъ и восторженное восклицаніе народа, слившееся съ торжественнымъ гуломъ церковцыхъ колоколовъ. Кругомъ этого пиршества обтянуты были канаты, между которыми рядами тянулись экипажи. Угощеніе это, при прекрасной погодѣ, продолжалось три дня; туда, съ блестящею свитою, пріѣзжалъ и самъ Государь.

Что же касается до самой *заповѣдной* Сокольничьей рощи, (которая составляетъ часть лосиннаго погоннаго острова), то она съ древнихъ временъ была мѣстомъ, на которомъ русскіе Государи любили потѣшаться соколиною и звѣриною охотою; особенно Царь Алексѣй Мих. Тамъ, налѣво отъ существующей нынѣ заставы, находился домъ главнаго ловчаго или Егермейстера, съ башнею, вокругъ которой разставлялись палатки для царской охоты; когда Царь выѣзжалъ на нее, то собственно для него ставили палатку изъ золотой парчи, подбитой соболями, для царицы изъ серебряной, подбитой горностаями, а для Царевичей и царевенъ глазетовыя; всѣ онѣ составляли большой кругъ, и если охота была продолжительна, то посреди ихъ ставили походную церковь. (*) Отъ палатокъ, на ружейный выстрѣлъ, находились рогатки, при которыхъ стояла стража. Послѣ, (въ нынѣшней старой сокольничьей слободкѣ) выстроены были для лѣсничихъ и охотниковъ домики. Сокольничья роща представляла встарину самыя сумеречныя дебри и вмѣщала въ себѣ множество звѣрей. (**) Дачи начали строиться тамъ не прежде 20-хъ годовъ; Камергеръ Бергманъ одинъ изъ первыхъ выстроилъ нѣсколько дачъ, и по его про-

---

(*) Извѣстно, что Ц. А. Мих. былъ очень набоженъ.

(**) Оберъ-Форшмейстеръ Кохъ предлагалъ ежегодно вырубать нѣкоторое количество деревъ въ сокольникахъ, для казенныхъ доходовъ; Фельдмаршалъ Гудовичъ, бывшій Главнокомандующій въ Москвѣ (до 1812 г.) представилъ этотъ проектъ Имп. Александру, но Государь не согласился на это.

экту кремлевская экспедиція (нынѣ дворцовая контора) разрѣшила отводить тамъ для желающихъ земли за небольшую плату. (*) Народнаго же гулянья въ Сокольникахъ кромѣ первомайскаго не было; многіе изъ старожиловъ помнятъ то время, когда нѣкоторыя семейства, въ началѣ текущаго столѣтія, желая напиться чаю на свѣжемъ воздухѣ, возили съ собою въ сокольники самовары и всѣ принадлежности къ нимъ; тамъ располагались они или около Яузы, или около Ширяева поля, у колодца, называемаго *котелокъ.* Народныя гулянья, кромѣ первомайскаго, начались въ Сокольникахъ уже въ 30-хъ годахъ, когда уже настроилось тамъ множество вычурныхъ дачъ и явилась вся самоварная и прочая промышленность. До 1812 г. для Московской публики открытъ былъ садъ около Сокольничьяго поля, на дачѣ гр. Ростопчина (бывшей гр. Брюса), гдѣ радушный хозяинъ потѣшалъ гостей своихъ и публику фейерверками и музыкой.

Современное однообразное гулянье въ Сокольникахъ 1-го мая всѣмъ извѣстно; самыя блестящія, по обстановкѣ своей катанья и разгулъ въ этотъ день, бывали въ концѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ текущаго, когда еще вѣкъ Екатерины сливался съ вѣкомъ Александра.

Изъ ближнихъ къ Сокольникамъ селъ: Краснаго, Семеновскаго и Преображенскаго дѣвушки, съ открытыми головами, въ цвѣтныхъ косынкахъ, подпоясанныя алыми Ярославскими лентами и молодицы въ лѣтнихъ шелковыхъ продуванчикахъ, въ кичкахъ съ дробницами, перемѣшавшись съ парнями, пѣли пѣсни и водили хороводы.

Тамъ полоскались въ воздухѣ цвѣтные флаги, водруженные надъ шатрами или *колоколами*, заключавшими въ себѣ зелено вино, бузу, напитокъ изъ гречневой муки, и бархатную брагу, тамъ горами навалены были разныя сладкія заѣдки, маковая избоина, медовыя суслики, пряники и пр.

Дѣла давно минувшихъ дней!...

(*) Въ наше время она значительно возвысилась.

ПРЕДАНІЯ О СЕМИКѢ И О ТРОИЦЫНОМЪ ДНѢ.

Зеленыя святки.

Многіе весенніе праздники (*) перешли къ намъ отъ языческаго времени. Несмотря на то, что въ южныхъ странахъ весна начинается ранѣе, нежели въ сѣверныхъ, у древнихъ Грековъ и Римлянъ, именно въ мѣсяцѣ маѣ (по-славянски травень), совершались самыя одушевленныя, символическія гулянья въ поляхъ и въ лѣсахъ.

На старинномъ русскомъ языкѣ всѣ весенніе мѣсяцы назывались *пролѣтіемъ* или *ярью* (отсюда происходитъ и слово *яровое*). Весеннія празднества продолжались до Петровокъ или до *Ярилы*, который праздновался въ самое всесвятское воскресенье, сопровождаемый

(*) 1. *Красная горка*, Ѳомино воскресенье, (время наступленія *красной* весны, *краснаго* солнца, время свадебъ). 2. *Радуница* (родительская Ѳомина недѣля), о ней упоминается еще въ XIII ст. и въ Стоглавѣ *(на Радуницѣ всякое бѣсованіе)*. Въ церковномъ словарѣ значится поминовеніе сродниковъ, христосованье съ ними, чему они *радуются*. 3. Егорьевъ (Юрьевъ день, 23-го апрѣля), выгонъ скота на пастбище, освѣщенною вербой. 4. *Никольщина* (9-го мая) продолжалась три дня,—это была пирушка для званыхъ гостей, когда какое нибудь селеніе дѣлало складчину и присуждало поставить угоднику большую мірскую свѣчу. Въ наше время этотъ праздникъ торжествуется только тамъ, гдѣ находится храмъ во имя этого святаго. 5. *1-го мая*—городской праздникъ, перенятый у иностранцевъ, поселившихся въ Россіи, особенно въ Москвѣ. 6. *Праздникъ кукушекъ* (птицеволхвованіе) языческій, отъ него осталось только одно гаданіе: запросы у кукушекъ, сколько кому лѣтъ прожить. 7. *Семикъ* и *Троицынъ день* (русальная недѣля).

торжищами, попойками и разными позорищами. Разгаръ весеннихъ удовольствій наступаетъ со времени *русальной* или *седьмичной* недѣли; предки наши изстари отправляли день Семика и слѣдующіе за нимъ три дня на кладбищахъ. Наканунѣ Семика будто бы выростала въ топкихъ мѣстахъ и на черныхъ грязяхъ *ревунъ-трава* (въ родѣ разрывъ травы, выроставшей будто бы наканунѣ Иванова дня, на 24-е іюня); она знахарямъ замѣняла *третье ухо*, *третій глазъ*, передъ нею и самъ нечистый на рогахъ пляшетъ. Въ эту недѣлю, по ночамъ, потѣшаются духи, обитающіе во всѣхъ стихіяхъ: и *водяны*, и *моряны*, и *огняны*, и *вѣтряны*, и *поляны*, а въ особенности неугомонно рѣзвятся *русалки*, пѣвучія, пригладныя, хохотуши, щекотуши, все молоденькія, въ рубашкахъ безъ поясовъ, съ распущенными волосами, иныя изъ нихъ двигаются по зыбкимъ волнамъ рѣкъ, другія вскакиваютъ на деревья и, раскачиваясь на вѣтвяхъ, поютъ то весело, то жалобно (*); а кто купается въ эти дни, особенно въ тѣхъ рѣкахъ, гдѣ обитаютъ русалки, къ тѣмъ пристаетъ *душка-холодушка* (лихорадка). Русская демонологія имѣетъ свой собственный характеръ.

Во вторникъ на русальной недѣлѣ предки наши поминали утопленниковъ и удавленниковъ, приходили на могилы ихъ и разбивали тамъ красныя яица, призывая русалокъ, и оставляли имъ въ жертву часть принесенныхъ туда блиновъ. *Семикъ*, какъ извѣстно, бываетъ на *седьмой*, по Пасхѣ, недѣлѣ (въ четвергъ); иные считаютъ это слово сокращеніемъ *сѣмянника* (**). Въ Московской гу-

---

(*) Въ старинномъ русскомъ пѣсенникѣ (изд. Новикова) есть пѣсня русалокъ, которая начинается такъ:

Ахъ зачѣмъ насъ породили,
Некрещеныхъ схоронили,
Неотпѣтыхъ положили
Въ сыру землю глубоко,
Отъ родимыхъ далеко!

(**) Сѣяніе происходило большею частію въ день *Бориса и Глѣба;* крестьяне служили молебенъ этимъ угодникамъ и произносили предъ сѣяніемъ: *Борисъ и Глѣбъ, возьмите нашъ хлѣбъ.* Когда же приходило время жать рожь, они говорили: *Милостивцы, Борисъ и Глѣбъ, отдайте нашъ хлѣбъ съ лихвой.*

берніи онъ извѣстенъ былъ еще и подъ именемъ *тюльпы*. Въ старину къ этому дню у каждаго домовладыки въ простонародіи дѣлались большія приготовленія для пиршества: красили желтыя яица, затирали хлѣбъ, пахтали масло, варили сладкій липецъ (медъ), брагу и бузу (старинный напитокъ изъ гречневой муки), готовили перепечи, караваи, сдобники, драчену и яичню, жарили сочни, сырники, пекли ситники румяные *востро-кислые*, накупали маковой избоины, орѣшковъ-щелканцевъ, пряниковъ-сосунковъ и пряниковъ досчатыхъ, *сапогами печатанныхъ (верхосытъ)*, какъ говорили въ старину, и все это дѣлалось вскладчину и выносилось въ поле или въ лѣсъ, подъ ракитовые кусты.

Но прежде, нежели отправляться на гульбу и пиршество, старожилы посѣщали *скудѣльни* или *убогіе дома*; въ день Семика происходила смѣсь разныхъ обрядовъ: со введенія въ Россію христіанской вѣры, церковь ввела на седьмичной недѣлѣ не только поминовеніе душъ усопшихъ, но и честное погребеніе странныхъ и неимущихъ, особенно погибшихъ насильственною смертію. (*) *Скудѣльни* были заведены въ подражаніе іерусалимскому Скудѣльничьему селу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ назывались *Буйвицами* и *Гноищами*, названіе же *убогій домъ* производятъ отъ словъ: находящійся *у Бога* (**). Въ Москвѣ было нѣсколько убогихъ домовъ или опальныхъ кладбищъ, для умершихъ *напрасною* смертію, напримѣръ, при *Варсонофьевскомъ монастырѣ*, куда первый самозванецъ велѣлъ вынести тѣло царя Бориса Годунова (вынувъ его изъ гробницы Архангельскаго собора, чрезъ нарочно пробитое въ стѣнѣ отверстіе), при *церкви Николы въ Звонаряхъ*, при *Покровскомъ монастырѣ* (около воротъ котораго лежало на дрогахъ тѣло Отрепьева, пока его не свезли за Серпуховскую заставу и не сожгли въ деревнѣ Котлахъ);

(*) *Труды и лѣтописи Общества исторіи и древностей россійскихъ* ч. III, кн. 2.

(**) Императрица Елисавета, въ 1753 году, уничтожила убогіе дома вмѣстѣ съ смертною казнію, но они существовали еще до начала царствованія Екатерины II, которая издала подтвердительный указъ о заведеніи кладбищъ.

на Пречистенкѣ у *Пятницы Божедомской*; но самый древній и большой убогій домъ, куда хаживали въ Семикъ совершать дѣло милосердія, былъ у церкви Іоанна Воина, на *старыхъ убогихъ домахъ*, именующейся еще *Воздвиженіемъ Честнаго Креста;* сюда въ Семикъ ходилъ крестный ходъ изъ Высоко-Петровскаго монастыря, въ сопровожденіи архіерея. Набожные люди къ тому дню покупали гробы и саваны, холсты и полотна (*) и отправлялись съ ними въ убогій домъ. Тамъ находился большой сарай или амбаръ съ глубокимъ ямникомъ. Въ особенности осенью и зимой собирали по московскимъ пустырямъ, захолустьямъ и по кривымъ безлюднымъ переулкамъ трупы замерзшихъ или убитыхъ, и свозили ихъ въ эту общую яму. Зимой, по причинѣ неудобства копанья замерзлой земли, ихъ не зарывали въ могилы, а оставляли до весны, до того времени, когда земля оттаивала и являлись доброхотные датели снарядовъ для покойниковъ. При ямникѣ находилась и часовенка съ кружкою, а подлѣ убогаго дома лѣпилось нѣсколько хибаренокъ, составлявшихъ нѣчто въ родѣ богадѣльни, въ которой приживали юродивые и увѣчные нищіе *(недвиги, лежанки)*. Въ одной старинной пѣсни сказано про убогій домъ: *«Тамъ ночь велика, спи до Семика»*.

Разбирая навалку тѣлъ, обернутыхъ въ рогожи, одни отыскивали тамъ своихъ родныхъ, безъ вѣсти пропавшихъ, другіе знакомыхъ; они дѣйствовали съ самоотверженіемъ: голыми руками собирали и прикладывали отгнившіе члены къ трупамъ и одѣвали ихъ въ саваны. (**) Нѣкоторые труженики сами рыли для нихъ могилы, засыпали ихъ землею, служили по нихъ панихиды, а послѣ тутъ же дѣлали поминки: пили и закусывали. Наши цари также посѣщали убогіе дома и дѣлали въ нихъ большіе вклады для нищей братіи и для поминовенія всѣхъ православныхъ христіанъ. (***)

(*) *Похожденіе Ивана, Гостиннаго сына*, 1758 г. Ч. 1-я.

(**) *Описаніе московской Троицкой церкви* священника Орлова, 1844 г.

(***) Когда это кладбище было перенесено за камеръ-коллежскій валъ, къ Марьиной рощѣ, тамъ, въ 1749 г., построена была деревян-

Въ старину въ Москвѣ многіе правили Семикъ частнымъ образомъ, т. е. у себя въ домахъ. Панорама тогдашней Москвы была совсѣмъ другая, тогда у многихъ домовладѣльцевъ были густые, обширные сады и огороды, окруженные *тынчакомъ* (бревна, поставленныя стоймя). Нѣкогда существовали въ Москвѣ *Подкудринскія рощи*, *Тверской Вражекъ* и *Козишскія топи*. (*) Тогда многіе у себя въ садахъ и на берегахъ рѣкъ и рѣчекъ правили Семики, а загадывали на Краснохолмскомъ и на Дорогомиловскомъ мосту. Въ послѣдствіи времени, всѣ небольшія семицкія сходбища замѣнялись однимъ общимъ гуляньемъ въ Марьиной рощѣ, особливо, когда перевели къ ней кладбище. Въ концѣ прошедшаго вѣка еще нашивали и по Москвѣ березки, разукрашенныя лентами, разными яркими лоскутками и красными платками, съ пѣснями, бубнами, съ балалайками и съ прочими громкими, ухорѣзными простонародными музыкальными орудіями, и почти у каждаго дома и на дворѣ стояла березка, окружая столъ съ яствами и питьемъ. Старожилы помнятъ, что у почтамской больницы стоялъ большой вязъ, къ которому, въ день Семика, сходились каретники, басанщики и пр. пѣть, пить и плясать, какъ бы въ воспоминаніе того, что тамъ находился убогій домъ, и могилки, давно уже заровненныя.

Семикъ, такъ какъ и масляницу, называютъ *честнымъ*. Встарину говорили: *Семикъ женихъ масляницы*, оттого и вышла погудка-прибаутка, какъ Семикъ ластится къ масляницѣ и зоветъ ее къ себѣ въ гости: «душа моя масляница, перепелиныя косточки, бумажное твое тѣло, сахарныя твои уста, сладкая твоя рѣчь, красная краса, русая коса, тридцати братовъ сестра, сорока бабушекъ внучка, трехматерина дочка, кеточка, ясочка, ты же моя перепе-

---

ная церковь, во имя *Сошествія Святаго Духа*, съ придѣломъ *Лазарева Воскресенья*; теперешняя каменная построена въ 1783 г. *Старинный путеводитель по Москвѣ*.

(*) *Преданія о старинной Москвѣ*, Макарова.

лочка.» (*) Въ прошедшемъ вѣкѣ московскій Семикъ особенно сталъ разгульно праздноваться въ Марьиной рощѣ: *«нынѣ, то есть въ день Семика, Марьина роща у насъ именинница»*, говорили старожилы. Марьина роща въ старину была гораздо обширнѣе (изъ ея лѣсу, по преданію, рубили деревья на отстройку разныхъ домашнихъ зданій); къ Крестовской заставѣ сливалась она съ Алексѣевскимъ лѣсомъ; а съ другой стороны простиралась почти до Бутырской солдатской слободы. Дѣды и прадѣды наши, въ день Семика, отправлялись съ кутьей и съ разными снадобьями, болѣе по Неглинной, мимо Самотеки, сперва на Лазарево кладбище, потомъ на Тюльпу (**); возвращаясь же оттуда, послѣ погребенія мертвыхъ, они имѣли обыкновеніе мыть руки въ Самотечномъ прудѣ.

Императрицы Елисавета и Екатерина любили смотрѣть въ ямскихъ слободахъ на семицкіе и троицкіе хороводы и раздавали дѣвушкамъ разные подарки: серьги, бусы, ленты, а мущинамъ: платки, запонки, кушаки. (***) Подобныя празднества и гулянья совершались (да и нынѣ во многихъ мѣстахъ совершаются) почти во всей Россіи, особенно въ сѣверной; въ нихъ видимъ мы родныя картины русской народности. Мѣста, для отправленія этихъ обрядовъ, суть: рѣки, озера, луга, погосты, рощи и кладбища. Въ нѣкоторыхъ городахъ (Калужской губерніи) женщины-кумы въ это время ѣздятъ другъ къ другу въ гости на помелахъ; въ Псковской

(*) *Описаніе лубочныхъ картинъ русскаго народа,* Ив. Мих. Снегирева, 1844 г.

(**) Гдѣ нынѣ Трубный бульваръ, былъ еще прудъ, называвшійся *Верхнимъ Неглиннымъ;* въ оба эти пруда, дѣвушки, гадая о женихахъ, бросали вѣнки, сплетенные изъ цвѣтовъ, которые росли тутъ же, на лугахъ, окаймлявшихъ пруды. 1-го августа совершался туда крестный ходъ изъ Сергіевской, что въ Пушкаряхъ, церкви, оглашенный колокольнымъ звономъ и пушечною пальбой, жившихъ въ той сторонѣ пушкарей, которые составляли собою чудную процессію, одѣтые въ бѣлую одежду.

(***) Императрица Елисавета, бывъ еще великою княжной, сама участвовала въ хороводахъ, одѣтая въ парчевой сарафанъ, въ брилліантовыхъ серьгахъ и въ жемчужныхъ бусахъ.

губерніи было обыкновеніе ходить на могилы сродниковъ *«прочищать имъ глаза»*, обметая могилы ихъ вѣнками и цвѣтами. (*)

Общая характеристика Семика имѣетъ свою поэзію; весело, гульливо и роскошно празднуется онъ въ богатыхъ и людныхъ селеніяхъ; сперва дѣвушки вьютъ вѣнки, потомъ собираются на лугъ, въ лучшихъ своихъ нарядахъ, въ цвѣточныхъ вѣнкахъ; самую пригляднуюю дѣвушку выбираютъ въ средину хоровода, чтобы молодцы сказали о ней: «у ней съ поволокою глаза, съ примашкой голова, съ приманкою рука, съ притопкою нога». Здѣсь играли и заигрывались, здѣсь женихи выбирали невѣстъ; любимымъ парнямъ дѣвушки дарили вѣнки, а не любимымъ, въ насмѣшку, подавали вѣники, пригогаривая: «вѣникъ мягокъ, въ спину льнетъ.»

Иногда дѣвушки играли однѣ, болѣе загадывали о суженыхъ, или кумились между собой; каждый обрядъ у нихъ сопровождался особенною пѣсней, напримѣръ, бросая свитый, непремѣнно собственноручно, вѣнокъ въ рѣку, они пѣли:

Тонетъ ли, тонетъ ли вѣщій мой вѣнокъ,
Помнитъ ли, любитъ ли меня милой дружокъ и т. д.

Если у которой-нибудь дѣвушки вѣнокъ потонулъ, это означаетъ, что она въ этомъ году не выйдетъ за мужъ, или выйдетъ, да овдовѣетъ, тогда она припѣвала: *калина съ малиной водой понялась, въ ту пору я, сирота, на свѣтъ родилась.* Послѣ этого гаданья дѣвушки уходятъ къ какому-нибудь лѣсистому берегу и бросаютъ вѣнки свои русалкамъ, по повѣрью, что они накличутъ на нихъ жениховъ, и тутъ они причитаютъ, какъ пойдутъ они съ ними *«къ суду Божью, ко злату вѣнцу»*. Кумятся они слѣдующимъ образомъ: нагибаютъ двѣ молоденія плакучія березки, связываютъ ихъ вѣтвями и лентами и образуютъ изъ нихъ вѣнокъ, потомъ къ этому вѣнку, привязавъ два креста, для размѣна, двѣ дѣвушки идутъ вокругъ этой березки въ разныя стороны, подъ припѣвъ: *«покумимся, кумушка, бѣлая голубушка, чтобы намъ не браниться, а весь вѣкъ дружиться.»* Наконецъ они останавливаются другъ противъ

(*) *Пѣсни русскаго народа*, Сахарова, 1838 года.

друга, цѣлуются сквозь вѣнокъ и мѣняются крестами. Иногда такимъ образомъ онѣ кумятся и съ мущинами. (*)

При отправленіи Семика, самая употребительная у насъ пѣснь: *Ай во полѣ липонька, подъ липою былъ шатеръ*; но самыя древнія хороводныя пѣсни: *А мы просо сѣяли, сѣяли, ой Дидъ, Ладо, сѣяли* и *Заплетися плетень, заплетися*. Хороводныхъ пѣсенъ много: извѣстно, что наше славянское племя самое пѣвучее, и мотивы пѣсенъ прекрасны. Кстати замѣтимъ, что каждая хороводная пѣснь сопровождается разными соотвѣтствующими содержанію ея полевыми играми.

Для довершенія описанія веселыхъ празднествъ на русальной недѣлѣ, не слѣдуетъ умалчивать и объ ихъ пятницкахъ, и я представляю отрывокъ стиховъ изъ журнала: *И то и се*, (издав. въ 1769 году), какъ одну изъ археологическихъ рѣдкостей:

Да что жъ за крикъ такой народы затѣваютъ!
Неужь-то пѣсенки къ березкѣ припѣваютъ?
Вѣдь только что теперь во градѣ разсвѣло,
И солнце изъ-за горъ недавно какъ взошло,
Я чаю, многіе отъ сна не пробудились,
Которые вчера по рощамъ веселились.
Постойте, дѣвушки, вѣдь рано забавляться,
Извольте прежде вы со разумомъ собраться,
Не слушаете вы, крича разинувъ ротъ,
И вижу, васъ идетъ веселый хороводъ,
Вино и сердце въ васъ и духъ увеселяетъ,
А совѣсть, думаю, совсѣмъ не зазираетъ.
Березка шествуетъ въ различныхъ лоскуткахъ,
Въ тафтѣ и въ бархатѣ и въ шелковыхъ платкахъ,
Вина не пьетъ она, однако съ вами пляшетъ
И вѣтвями тряся, такъ какъ руками машетъ,
Предъ нею скоморохъ, бѣснуется, кричитъ,
Ногами въ землю онъ, какъ добрый конь стучитъ,
Онъ пляшетъ и пылитъ и грязь ногами мѣситъ,

(*) *Абевега*, словарь русскихъ суевѣрій, 1786 г.

Доколѣ хмѣль его совсѣмъ не перевѣситъ.
Танцуетъ голубца, танцуетъ и бычка,
Хвативши черезчуръ *ржанаго молочка.* (*)
Ходя по городу, вспѣвая цѣлый день,
Ужъ къ вечеру они шатаются какъ тѣнь;
Разлучку сдѣлаютъ березочки съ платками,
Останется она съ одними лоскутками,
Платки и ленточки съ нея всѣ оберутъ
И въ разныхъ кабакахъ при пѣсенкахъ пропьютъ.
Вонъ сдѣланъ огородъ, березки всѣ въ кругу,
Верхушки же у нихъ согнуты всѣ въ дугу.
Въ срединѣ столъ стоитъ, безъ скатерти поставленъ,
И разнымъ кушаньемъ и питіемъ задавленъ;
Что хлѣбъ-соль хороша, тому свидѣтель я,
Ватрушки были тутъ, подовыя съ огня,
Оладьи, калачи, блины, пирогъ и пышки;
И можно такъ сказать: всѣ праздничны излишки,
Но только кушаютъ тамъ по-просту безъ вилки,
Однако съ помощью наполненной бутылки.
Прощай, честной Семикъ, скажите, человѣки,
И бросьте, выспавшись, березки вы всѣ въ рѣки,
Пускай къ своимъ мѣстамъ обратно поплывутъ,
Авось хорошій плодъ и срубленны дадутъ.

Обряды *Троицына дня* изстари смѣшиваются съ празднествомъ нашей церкви; въ Москвѣ великолѣпно торжествовался этотъ праздникъ царями; государь во всемъ царскомъ облаченіи выходилъ изъ дворца въ Успенскій соборъ, его сопровождала большая свита бояръ въ пышныхъ одеждахъ, стольники несли за нимъ *вѣникъ* (пукъ цвѣтовъ) и древесный листъ безъ стебельковъ (**). Когда послѣ обѣдни начиналась троицкая вечерня, соборные ключари подносили государю подобный же *листъ* отъ патріарха и, смѣшавъ съ государевымъ листомъ, настилали имъ царское мѣсто и кропили *гуляф-*

(*) То-есть хлѣбнаго вина.
(**) *Древн. росс. Вивл.* XI, 140.

ною (розовою) водой. Остальнымъ листомъ устилали мѣсто патріарха и разносили его по всей церкви (*). На этомъ благовонномъ листѣ, во время моленія, государь совершалъ колѣнопреклоненіе (**).

Троицкіе цвѣты сохранялись и сохраняются нѣкоторыми, какъ врачебное средство противъ разныхъ недуговъ. Въ Троицынъ день также выбираютъ для гульбы цвѣточный лугъ или рощу, *гдѣ дробитъ, урчитъ соловушко*; тамъ также приготовляютъ *сборныя* яства и питія. Употребительная для этого дня слѣдующая старинная пѣснь:

Благослови Троица,
Богородица,
Намъ въ лѣсъ пойдти,
Вѣнокъ сплести.
Ай Дидо, ай Ладо!

Свекру батюшкѣ,
Свекрови матушкѣ,
Свекру батюшкѣ малиновой,
Свекрови матушкѣ калиновой.
Ай Дидо, ай Ладо!

Пойду ль я шашкомъ,
Лужкомъ-бережкомъ,
Сломлю ль съ дуба вѣточку,
Брошу въ быстру рѣченьку,
Ай Дидо, ай Ладо!

Не тонетъ, не плыветъ
Съ сыра дуба вѣточка,
Знать не тужатъ обо мнѣ
Ни батюшка, ни матушка.
Ай Дидо, ай Ладо!

(*) *Домашній бытъ русск. царей*, Ив. Забѣлина.

(**) Это называлось тогда: *лежать на листу*, то-есть падать ницъ на цвѣты и листья и оставаться такъ до конца молитвы (лицеземное поклоненіе).

Самое старинное простонародное троицкое гулянье бывало въ Москвѣ (и нынѣ существуетъ еще) на Калончевскомъ полѣ и около Краснаго пруда, прежде называвшемся *русальскимъ,* а самыя блестящія аристократическія гулянья, въ концѣ прошедшаго и въ началѣ текущаго столѣтія, бывали въ Вознесенье и въ Троицынъ день въ Лефортовскомъ дворцовомъ саду (нынѣ кадетскій).

КОНЕЦЪ.